

Генрих Эрлих

Последний волк

Генрих Владимирович Эрлих
Последний волк

OCR&Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157505

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	48
Часть третья	94
Часть четвертая	137
Часть пятая	194
Часть шестая	219
Часть седьмая	241
Эпилог	285

Генрих Эрлих

Последний волк

(опыт экзистенциального)

© Copyright Генрих Эрлих

Email: ehrich@ftcenter.ru

Date: 3 Feb 2000

Дата написания: 5 июля 1999 г.

Дата представления: 30 сентября 1999 г.

Часть первая

Он глубоко втянул воздух и его ноздри мелко задрожали. Да! Запах точно стал явственнее. Он второй день бежал по его следу и сегодня ни разу не сбился с пути. Когда на него впервые пахнуло эти запахом, чуть уловимым, он беспокойно заметался на месте. Он знал этот запах, сразу вызвавший в нем какое-то непонятное возбуждение, но не мог вспомнить, где и когда он сталкивался с ним.

Он находился на опушке дальнего леса, на самой краю своей огромной Территории, которую он год за годом расширял, старательно метя новые границы, и на которой за всю его уже довольно долгую жизнь – семь зим – не смел появиться ни один из ему подобных. Этот запах не принадлежал ни одному из обитателей леса и в то же время был хорошо знакомым и очень близким, родным. Он еще раз обежал опушку, потом стал увеличивать круги, стараясь найти источник этого запаха и мучительно вспоминая, где и когда.

Уже смеркалось, когда ему удалось найти место, где запах был чуть гуще. Под огромным дубом, среди узловых корней, начинавшихся на высоте его роста и уходивших в землю далеко от ствола, куча листьев сохранила неуловимый отпечаток тела большого зверя, больше на его территории были только двое – старый медведь, пропавший позапрошлой зимой, после дождливого, холодного и голодного лета, и он

сам. Здесь запах был довольно сильным, видно некто заночевал в этом укрытом от ветра и дождя месте после дня бесполезных поисков добычи. Бесполезных потому, что он не почувствовал запаха свежей крови.

Он никогда не использовал чужое лежбище, каким бы удобным оно ни было, но тут, не раздумывая, он лег на листву, покрыв своим телом отпечаток другого, неизвестного, и положив голову на передние лапы, вдыхая вместе с прямым ароматом листвы неизвестный острый запах, задремал.

Он видел сны и раньше. Чаще всего – после успешной охоты, когда он долго гнал свою добычу по полям, а нагнав и утолив первый голод, перетаскивал к ближайшему лесу, где наедался до сладостного рыгання и, отяжелевший, засыпал. Во сне он всегда вновь переживал всю охоту, этот на грани возможностей бег по полям, это упоительный миг, когда твои зубы впервые впиваются в плоть добычи и кровь пульсирующим фонтаном бьет в пасть. Во сне, как и наяву, напрягались мышцы и он также перебирал лапами, готовясь к последнему прыжку. Но в этот раз, после дня охоты за запахом, сон был другим.

Он видел пещеру, скупо освещаемую светом, идущим из узкого лаза, пещеру, вначале казавшуюся ему огромной и потом почему-то становившейся все меньше и меньше. Вместе с ним, неотступно, в пещере находилась Мать, вылизывавшая его бархатным нежным языком, подставлявшая ему тугие сладостные сосцы, полные нежного молока, каждый гло-

ток которого вливал в него силы, Мать, тревожно вслушивавшаяся в любой звук, идущий из чужого и слишком яркого мира за пределами пещеры. Иногда появлялся Отец, огромный, но очень худой. Он с трудом протискивался в узкий лаз, срыгивал какие-то красно-коричневые куски с мелкими костями, которые он, казалось, заглатывал в страшной спешке, не разжевывая, слегка тыкал его в бок носом, сбивая с ног и переворачивая на спину, и, удовольствовавшись этой скупой отеческой лаской, немедленно засыпал. Ранним утром, едва начинал сереть мир за лазом, Отец просыпался, напряженно, подрагивая затекшими мышцами, вытягивался, заполняя собой почти весь объем пещеры, выползал через лаз, там шумно отряхивался и исчезал. Отец был Волк, он – Малыш. Однажды, когда он подрос и уже вместе с Матерью, дрожа от возбуждения, рвал срыгиваемые отцом красно-коричневые куски с мелкими косточками, которые казались даже слаще, чем материнское молоко, случилось непонятное. Отец не вернулся. Он и раньше часто отсутствовал ночью, но в этот раз его не было уже три ночи. Мать все тревожнее вслушивалась в звуки, идущие из внешнего мира, а весь последний день, покинув пещеру, простояла у входа, не рискуя броситься на поиски, оставив Малыша одного. Малыш все громче скулил от голода и ночью бесполезно тыкался в пустые сосцы матери. На четвертый день он неожиданно понял, что Отец больше не придет. Он ничего не знал о внешнем мире, но разом и на всю жизнь осознал, что этот

мир поглотил Отца и этот мир враждебен ему.

Мать тоже неожиданно успокоилась, больше не бегала около пещеры, напряженно вслушиваясь и периодически поднимая голову, нюхая воздух. Она понуро пролежала весь день у входа в пещеру и даже не оскалила зубы, когда Малыш, впервые нарушив ее запрет, выполз через лаз на поляну перед пещерой.

Мир был огромен, разноцветен и наполнен движением, звуками и запахами. Белые нежные облака, тихо плывущие в бесконечной сини, слегка колеблющиеся верхушки сосен под уходящим на покой ослепительным солнцем, гомон птиц, методичный стук дятла, стрекот кузнечиков в ласковой, непобитой летней жарой траве, черно-белая бабочка, вспорхнувшая с желто-красного цветка, от которого тугими потоками стелился вдоль земли насыщенный пьянящий аромат. Малыш окинул все это великолепие исподлобья одним взором, разом впитал запахи и вобрал звуки. Неожиданно шерсть у него на загривке стала дыбом и он впервые в жизни зарычал, выражая неприятие этого мира. Мать удивленно подняла голову, внимательно посмотрела на него и, удовлетворенная, кивнула, соглашаясь с его реакцией, затем поднялась, отряхнулась, сбрасывая оцепенение последних дней, и, поведя головой – за мной, Волк – потрусил к лесу.

Так, едва научившись рычать, он перестал быть Малышом и стал Волком.

Последующие месяцы были прекрасны. Мать истово учи-

ла его всему, что знала сама, как будто чувствовала, что она последняя носительница традиций Стаи и больше никто не сможет передать их ему, когда в недалеком будущем придет ее срок. Они были Стаей и очень быстро отношения между ними переросли отношения мать-сын и стали отношениями членов Стаи; он быстро прошел все стадии – Слабого Волка, Неумелого Волка, Сильного, но Неразумного Волка, и в один зимний день, когда они вместе, Стаей, загнали их первого оленя, он ощутил себя Вожаком Стаи. И она приняла это как должное и отныне безоговорочно подчинялась ему, как и положено члену Стаи.

Затем, на исходе зимы, поведение Матери странным образом изменилось. Она, всегда такая спокойная, начала нервничать, иногда она металась около него, покусывая его в плечо, иногда отбегала в сторону и напряженно всматривалась в темноту леса, как будто ожидая кого-то. Именно тогда он почувствовал этот острый запах, который вдруг пошел от Матери, забывая привычный. Волк сильно вырос и возмужал за этот год, но по волчьим законам был еще слишком молод для продолжения рода. Этот запах волновал его, будил какие-то непонятные желания, но он вырос в ущербной Стае и не знал, что происходит, когда Стая начинает распадаться на отдельные семьи. Это было, пожалуй, единственное, что Мать не успела передать ему.

Через неделю Мать совсем обезумела. Когда они трусились по лесу в поисках добычи, она вдруг обгоняла его – Вожа-

ка Стаи! – и резко останавливалась, выгибаясь и приподнимаемая круп, или бежала рядом с ним, поталкивая его плечом в плечо, затем начинала привычно покусывать его в плечо и, распаляясь и злясь на его непонятливость, накидывалась уже всерьез. Неизвестно, чем бы это кончилось, но в один из таких моментов Мать сделала ошибку, недопустимую даже для Неразумного Волка – ее передняя лапа угодила в огромный капкан, эти переносные челюсти слабых и коварных двуногих. Она коротко взвыла и как подкошенная упала на месте, скуля и постанывая. Волк замер, повел вокруг носом, убедился на всякий случай, как учила Мать, что капкан был только один, и только после этого осторожно подошел к Матери. Правая передняя лапа была раздроблена чуть ниже коленного сустава, сквозь прорыв шкуры виднелся кусок белой, в трещинах кости и широкой струйкой стекала на белый снег и вороненую сталь капкана кровь. Мать лежала с закрытыми глазами, тяжело дыша, но Волк знал, что это временное забытье, просто она собирается с силами для того, чтобы сделать то, Что Положено Делать При Попадании в Железные Зубы. Один раз она показала ему это после обычного урока по нахождению капкана. Мать открыла полные страдания и боли глаза, подернутые влажной мутноватой пленкой, которую он уже видел, когда завалил косулю и, вцепившись ей в горло, наблюдал, как с каждой порцией крови, льющейся ему в рот, уходит жизнь из беззащитных добрых глаз. Он решил помочь Матери и, сглотнув враз наполнившую пасть

слюну, потянулся к перебитой ноге. Но она вяло оттолкнула его носом, чуть-чуть подобралась, устраиваясь поудобнее, и начала медленно перегрызать сухожилия коленного сустава. Когда она наконец освободилась от капкана и, обессиленная, инстинктивно отползла чуть в сторону, у нее не оставалось сил возражать Волку, и он долго вылизывал ей культю, до тех пор, пока не перестала идти кровь.

На их территории Волк с Матерью заготовили несколько потаенных лежбищ и через несколько часов они достигли ближайшего из них. В обычное время это заняло бы у них не больше четверти часа, тем более что мартовский наст в открытом поле не проламывался при ровном беге. Теперь же Матери пришлось передвигаться прыжками и она каждый раз проваливалась по брюхо, ударяясь, несмотря на все предосторожности, раненой культей о зернистый наст и жалобно поскуливая. Несколько раз она валилась набок и долго лежала, закатив глаза и тяжело дыша. От этого лежания, от невозможности хорошо встряхнуться шерсть сразу свалилась, местами смерзлась в сосульки; ветер свободно проникал до самой кожи и вскоре ее, обессиленную от большой потери крови, начинала бить крупная дрожь. Но вдруг ее помутневший взор загорался неистовым огнем, она, пошатываясь, вставала, делала несколько коротких, неуверенных прыжков, потом расходилась и твердо, по кратчайшему расстоянию двигалась к лежбищу, до следующего падения.

Ей нужна была еда, много еды, тем более, что из-за своей

нервозности она почти не ела последнюю неделю. Поэтому Волк, едва они достигли лежбища в глубине леса и он сделал контрольный круг, проверяя все ли в порядке, устремился обратно в поле. Было самое голодное время года, но ему повезло и всего через какие-нибудь три часа бега он наткнулся на свежий след оленя. События последнего дня вкупе с сильным запахом прошедшей недавно в этом месте живой горы мяса застали его недостаточно опытный ум и он забыл одно из правил охоты, не единожды преподанный ему Матерью: на оленей охотятся Стаей и после отдыха. Волк резко рванул по следу оленя, но тот загодя почуял его и, не давая приблизиться, мощными грациозными прыжками помчался прочь, держась открытого пространства. Волк гнал его целый день, но ни разу не смог приблизиться на расстояние решающего прыжка. Пару раз казалось, что вот еще чуть-чуть, он даже подбирал задние лапы, чтобы сильнее оттолкнуться и резко выброситься вперед и вверх, к напряженным жилам горла, но в этот момент олень, как бы смеясь над ним, увеличивал темп бега и отрывался. Так они домчались до границы его Территории и тут материнская заповедь – охотиться на своей Территории, расширять Территорию не охотясь – остановила бессмысленную погоню. Волк повернул назад и только тут осознал, как он безумно устал. Он добрался до ближайшего лежбища, разгрыз пару костей, оставшихся от давней добычи, и тревожно уснул.

Он вернулся к Матери через три дня, принеся ей почти

целого зайца. Он положил зайца перед мордой Матери и, так как она никак не отреагировала, слегка толкнул ее носом в голову. Она была твердой как камень и потеряла большую часть родных запахов.

Волк вышел на опушку леса и, подняв голову, уперся глазами в идеально ровный круг луны. И он завыл. Он плакал о Матери, о Стае и о себе. Он стал Одиноким Волком.

* * *

Первыми, как обычно, зашевелились газетчики. Все началось с маленькой заметки в районной многотиражке «Белый Север» в разделе «Вести из леса» молодого корреспондента Иона Фельдблюма, писавшего под экзотическим псевдонимом Ной Блюменфельд, о том, как старый егерь Егорыч поведал ему о появлении в местных лесах волчьих следов, которых он не встречал уже много лет. Молодой сотрудник «Губернских новостей», ответственный за поиск интересных материалов из глубинки, проверил информацию, выпив со старым егерем две бутылки водки «Губернатор», и, проникшись неколебимой верой как в новое пришествие волков на страну, так и во всемогущество медицинских и реанимационных свойств моченой брусники, направился в творческую командировку в столицу, где выяснил три важнейших вещи: во-первых, последнее сообщение о наблюдении волков в стране было пять лет назад, да и то касалось нахождения

труппа волчицы с отгрызенной после попадания в капкан лапой; во-вторых, столичные дамы оказались в анатомическом плане абсолютно идентичны губернным барышням и деревенским дояркам, но были в среднем лет на двадцать старше и пили неизмеримо больше; в-третьих, свойства моченой брусники есть величина постоянная при экспоненциальном росте цены при приближении к столице (понятно, что молодой сотрудник «Губернских новостей», как и всякий нормальный потенциально великий писатель, имел вполне земную, в чем-то даже мещанскую профессию, в данном случае – школьный учитель математики с дипломом губернского педагогического университета).

Вернувшись домой, наш ретивый молодой сотрудник написал краткую заметку под ясным названием «Возрождение волков как экзистенциальная модель развития мира» объемом чуть менее «Степного Волка» Германа Гессе, столь же наполненную литературными аналогиями и апокалиптическими видениями, которую главный редактор непринужденным движением всегубернского известного красного карандаша превратил в полновесную статью объемом в 1/32 печатного листа под претенциозным названием «Волки: правда и вымысел», которая сводилась, в основном, к изложению рассказа старого егеря Егорыча.

После публикации в официальной губернской газете столь провокационной статьи встрепенулись многочисленные общественные организации. «Губернское общество

трезвости», представленное одним зашитым алкоголиком (председатель), двумя хроническими язвенниками и тремя старыми девами, озабоченных тем, что они будут не просто изнасилованы, а изнасилованы в извращенной многократно-разнообразной форме молодым здоровым красивым алкоголиком, немедленно опубликовало в своей малотиражке «Белая горячка» (тираж – шесть экземпляров) саркастическую заметку, в которой тонко рекомендовал всем егерям, включая старых, и всем работникам средств массовой информации, включая главных редакторов губернских газет, чаще закусывать, особо выделяя моченую бруснику, и не публиковать вздорных заметок, так как любому непьющему школьнику в этой стране известно, что последний волк был уничтожен на нашей планете три года назад.

Не остались в стороне и местные «зеленые», возглавляемые широко известным в своем некогда закрытом ведомстве профессором-химиком, потратившим большую часть своей жизни на разработку средств уничтожения всего порхающего, летающего, бегающего, плавающего, ползающего и мыслящего и оставшегося не у дел после того, как его ведомство сначала по недомыслию открыли, а затем закрыли окончательно из-за нехватки средств. Плечом к плечу с ним стояли два студента химического факультета местного университета, которым по велению времени и молодости необходимо было против чего-нибудь протестовать, но вследствие природной осторожности и благоприобретенного здравомыслия

хотелось делать это на безопасной для их последующей карьеры стезе. В своем «Открытом письме» они категорично отринули возможность появления волков в их губернии, гневно указали на то, что полное исчезновение волков явилось следствием преступной политики всех предшествующих властей, особенно последней, и пророчески возвестили, что если не будут приняты их предложения по сохранению природы, в первую очередь, по основанию специального института и выделению средств, то в ближайшем времени придется дискутировать не о волках, а о карасях и воробьях.

Но наибольший вред нанесло, как, впрочем, и следовало ожидать, «Общество защиты животных». Возглавлявшая его гренадерского обличия дама, справившая незадолго до описываемых событий серебряный юбилей бегства единственного рискнувшего жениться на ней мужчины, выплеснула весь нерастраченный запас природной агрессивности в общественную деятельность и нашла себя в вышеупомянутом Обществе, единственном имевшем неосторожность пригласить ее на общее собрание и немедленно избравшим ее своим председателем. Ей бы больше подошло возглавлять общество защиты пирамид от разрушения, тем более, что любила хорошо поесть, преимущественно брызжащую жиром мясную или слабосоленую рыбную пищу, а по ночам тайно грезила о норковом длинном в разлет манто, которое отлично бы скрыло слишком выдающиеся формы ее фигуры или, на крайний случай, ослепило бы возможного кандидата на об-

ладание этими формами. Но председательские посты, как и любимых, не выбирают. Дама развернула кипучую деятельность (общих собраний с гневным осуждением и резолюцией – три, пикетов у Дома Правительства – два, выступление на телевидении, сорванное происками – одно, итого мероприятий – шесть) и во время подготовки к очередному пикету у нее из глубин подсознания выплыло забытое, но тайно лелеемое слово – охота, которое и выплеснулось в чеканный плакат – «Нет охоте на волков!»

Такая жаркая полемика, тем более по столь безобидному поводу, не могла долго удерживаться в границах одной губернии. Она перекинулась в столицу, пройдя те же этапы, включая визит корреспондентов к старому егерю Егорычу и познание свойств моченой брусники. И организации, принявшие участие в кампании, были по названию очень похожи, но возглавляли их люди здравомыслящие, проверенные, и им с готовностью предоставляли слово на телевидении и в газетах, где они с чувством собственного достоинства и легким налетом интеллекта – чтобы не обидеть слушателя и потенциального избирателя – демонстрировали себя и свою заботу, о чем – не суть важно, главное, чтобы голос дрожал при магических словах о народе и, как в данном экзотическом случае, – о природе.

Власти, как и всегда, когда кампания в масс-медиа не угрожала лично им, не обратили на нее никакого внимания, тем более, что газет не читали и телевизор, за исключением

иностранных и хорошо известных отечественных фильмов, не смотрели, чтобы не расстраиваться.

Но тут случилась цепь внешне обыденных происшествий, которые, как это часто бывает, круто изменили течение жизни и с неотвратимостью привели как к рождению нашего главного героя, так и ко всем последовавшим за этим событиям.

В один из холодных февральских вечеров 20.. года в загородной резиденции Губернатора можно было наблюдать идиллическую картину. В большой зале у камина, не электрического, как «у всех», а с настоящими горящими березовыми поленьями, в покойном кресле восседал сам Губернатор, крепкий мужчина лет шестидесяти, и, попыхивая гаванской сигарой, доставленной контрабандой из Другой Великой Державы, увлеченно читал распечатку разговора его двух первых заместителей, случившегося второго дня на берегу Женевского озера, когда один из них выбивал кредит для губернии в Лондоне, а второй присутствовал на экологической конференции в Риме. Жена, расплывшаяся дама с вечно озабоченным лицом, смотрела по телевизору одновременно отечественную мелодраму из южноафриканской жизни, трансляцию коронации нового испанского монарха, изложение новой очень привлекательной диеты «Клин клином» и концерт симфонической музыки Великого Мэтра, последний, впрочем, ради крупных планов первых рядов партера. Младшая дочь Губернатора, озабоченная начавшей

полнеть не по возрасту фигурой, заинтересованно разглядывала парижский журнал мод, отмечая подходящие ей модели. Зять, президент крупнейшей в губернии финансовой компании, хлопотал на кухне с чаем, так как Губернатор, выросший в предписанный имиджмейкерами образ простого в быту человека, не терпел мельтешения прислуги, когда он отдыхал в семье. Девятилетняя внучка, оторвавшись от нашумевшего комикса «Красная Шапочка в стране Серых Волков», подошла к Губернатору, бесцеремонно дернула его за рукав и спросила: «Волки, какие они, ну в натуре?»

– Волков нет, все это уже сказки, – ответил Губернатор, не отрываясь от стенограммы.

– А по ящику сказали, что есть. Хочу, – надув губы, сказала внучка.

Губернатор сложил листы бумаги, немного раздраженно посмотрел на внучку и спросил: «Чего хочешь?»

– Увидеть живого волка.

– Ну я же тебе уже сказал: волков нет.

– Есть. У нас есть. По ящику следы показывали.

– Точно, уж месяц, чай, болтают, особенно по федеральному, – встряла жена, которая, натренированная мультиэкраным телевизором, ухитрилась видеть и слышать все происходящее в зале.

Губернатор задумался.

– Действительно, как жизнь изменилась. В детстве бабушка сказки читала, а в воскресенье – в зоопарк, вот тебе Вол-

чище Серый Хвостиче, вот тебе Лиса Рыжая Краса, вот тебе Зайчик-Побегайчик. Да что в детстве! Еще лет тридцать назад охоты организовывали, высокое начальство любило волчьи шкуры трофеями привозить. Куда все делось? Всех же не могли перебить, это не туры, которые в Пуще водились, та хоть и глухая была в стародавние времена, но размером ограниченная. А тут страна необъятная, должны же быть по-таенные места, так нет, извелись. То ли вправду природу испоганили так, что только человек и может приспособиться, да еще крысы с тараканами.

Но если волки действительно появились, если это не обычное журналистское вранье ради красного словца да от неразумения, то надо что-то предпринять.

На следующий день, одно к одному, позвонил старый друг, еще по молодым делам, теперь Большой Человек в столице.

– Привет, начальник. Жив, курилка? А я к тебе, с инспекцией. Не бери в голову, плановое мероприятие, должны же мы держать руку на пульсе регионов, – хохотнул Большой Человек. – Завтра мои ребята прилетят, утряси с ними программу, ну там дивизия, университет, завод, вызови районных начальников, я им для профилактики холку намылю. И что-нибудь для души, ты это умеешь, а вкусы мои не изменились, ты их хорошо знаешь, вот только силы уже не те. Да, кстати, у вас там, говорят, волки объявились. Тряхнем стариной, поохотимся?! Убивать, конечно, нельзя, такой треск

поднимется, что мало не покажется, но так, загоним. Ну, бывай, через неделю буду.

– А что? – подумал Губернатор. – Это мысль. В конце коридора поставим сети, словим серого, здесь пару дней его подемонстрируем, а потом в столицу отправим вместе с Большим Человеком, красивый подарок, это можно неплохо обыграть и у нас, и в столице, на своем же удовольствии паблисити сделаем.

И завертелась машина. Нашли старых егерей, которые еще помнили, как это делается. Подняли в воздух пяток вертолетов и на третий день засекали волка, а дальше уж попеременно пасли, не выпуская из виду. Изготовили флажки и крепкую сеть, которая танк выдержит, не то что волка. За день до охоты обложили кругом лес, где был волк, и замерли в ожидании.

* * *

Он чувствовал, что сегодня достигнет наконец цели. Он находился в центре Ее Территории, ее запах наполнял все вокруг и перебивал для него даже запах свежего следа зайца, мелькнувшего пушистым белым ядром на краю леса. И хотя Волк не ел уже три дня, он ни на секунду не замедлил свой бег и лишь, скосив глаза, проводил зайца взглядом, запоминая окрестности – я еще вернусь, потом, мы еще вернемся.

Он уже несколько раз пересекал Ее следы, совсем свежие,

потому что две ночи назад прошел легкий снег, открывший новую страницу в летописи леса. Он с удивлением и радостью смотрел на эти следы, точно такие же, как у него, разве что чуть-чуть поменьше, и когда он бежал рядом с ними, получалось, что их две параллельных цепочки следов – это следы Стаи.

Наверно, он совсем потерял голову, как и тогда, когда загонял оленя для раненой Матери. Это волнующий запах выветрил из его головы все затверженные в детстве и годами выверенные правила охоты, весь набор знаков и уловок, которые обеспечивали ему безопасность и очерчивали границы разумного риска. Все говорило о явно излишнем для этой глухомани присутствии двуногих: недавние следы их снеговой тарактелки, широкие полозья которой позволяли им, не проваливаясь, нестись даже по свежевывавшему снегу; черное пятно могилы огня, самого страшного врага, от которого можно спастись только бегством, посреди утоптанной полянки с разбросанными вокруг взрезанными банками, противно звенящими при соударении, с остатками какой-то аморфной массы, которую двуногие называют почему-то сладостным словом – мясо. Несколько раз над ним пролетала громадная металлическая стрекоза двуногих, то зависая в вышине над лесом, то опускаясь почти к самым деревьям, раскачивая верхушки елей и вздымая в воздух осевший на еловых лапах снег, который потом еще долго после исчезновения стрекозы кружился в воздухе, медленно опа-

дая на землю. Волк давно не боялся этих стрекоз, они только шумели и не мешали ему охотиться, а если и прятался от них, то только инстинктивно, потому что не любил пустой без признаков привычного страха взгляд их огромных круглых глаз. В своем беге он пересекал глубокие продольные следы от уродливых дурно пахнущих существ с четырьмя маленькими суетливо мелькающими лапами, в которых передвигались ленивые двуногие. Они резво бегали летом по широким тропам двуногих, которые те почему-то покрывали не приятно пружинящими при беге дерном или хвойными иглами, а жесткой черной землей с тяжелым духом. Зимой же они ползали еле-еле, медленнее барсука, натужно ревели при подъеме на любую горку или ложились на брюхо в глубокий снег и надсадно кашляли прежде, чем надолго умолкнуть. Поэтому зимой двуногие не появлялись в лесах или полях вдалеке от их лежбищ, не мешая Волку полновластно править на своей Территории. Сегодня же на всех тропах двуногих стояла вонь, особенно чувствительная в морозном воздухе и сбивавшая его со следа, вонь, которая раньше заставила бы его развернуться и уйти охотиться в предгорья, что он делал каждое лето.

Волк ничего не замечал и продолжал бежать по следу сородича. След был совсем свежий, он понял это по невыцветшей желтой отметине на снегу, но какой-то странный. «Так не охотятся. Она или совсем неопытна или чего-то боится. Кого может бояться Волк на своей Территории? Наверно,

меня. Не бойся меня, – посылал он Ей импульсы вдогонку. – Мы одной Стаи. Мы будем одной Стаей».

Он настиг ее ближе к вечеру, когда солнце коснулось вершин елей. Она, легко узнаваемая, как фея из снов, и прекрасная, как единственная возлюбленная, натужными прыжками передвигалась по лесной просеке, глубоко проваливаясь в свежий наст. «Не спеши, подожди меня, я буду торить тебе путь, чтобы ты не ранила свои лапы». Волк из последних сил рванулся вперед, лишь краем глаза отмечая странные, цвета крови, лоскуты, кувыркающиеся в воздухе вдоль просеки. В его голове столкнулись первобытный Закон и смутные предостережения Матери и опали под напором голоса крови.

Лоскуты, разлетясь в стороны, оборвались посреди небольшой поляны, на которую вылетели волки. Волчица, не обращая внимания на преследователя, не похожего ни на одного из обитателей ее Территории, замедлила шаг, настороженно осматривая поляну. Слишком многое выдавало присутствие двуногих и она напряглась в ожидании какой-нибудь ловушки. Кроме специально замеченных продольных широких полос, двойными нитями прошивших поляну, она отметила только странные слегка изогнутые палки, изредка торчавшие из снега и лишь очень отдаленно напоминавшие обломанные ветки орешника. Неожиданно откуда-то сбоку испуганно выпорхнула синичка и вдруг, сложив крылья, зависла в воздухе, вертя во все стороны головой и возмущенно ругаясь. И тут Волчица увидела, что синичка сидит на

гигантской паутине, перегородившей поляну. Она замедлила бег, окинула взглядом лоскуты цвета крови, полукруглой стеной охватывавшие поляну, втянула дувший со стороны преследователя ветер, пронизанный острым запахом предвкушения близкой победы, и поняла, что у нее остался единственный путь к свободе – прорвать паутину. Уже подбегая к ней, она заметила, что паутина притянута к насту белыми небольшими сучками, припорошенными снегом, и что в одном месте паутина сорвалась и слегка выгнулась под напором ветра. Волчица бросилась к этому месту, быстро подкопала снег, боясь даже прикоснуться к этой неведомой пугающей паутине, и, проскользнув в подкоп, помчалась к маячившему невдалеке лесу, к свободе.

Волк, видевший неуверенные метания волчицы на поляне, отнес это на счет робости и неуверенности перед первой встречей с сородичем и даже порадовался, что это позволило ему сильно сократить расстояние. И когда до волчицы оставалось несколько хороших прыжков, он вдруг налетел на невидимую стену, его нос и передние лапы застряли в каких-то маленьких дуплах, он отпрыгнул назад, пытаясь освободиться, но это ему не удалось и чем больше он прыгал, крутил головой, а позже, сваленный непонятной силой на снег, бил лапами и лязгал зубами, тем все стесненней становились его движения, и вскоре он, недоумевающий и пораженный, замер. Лишь глаза его провожали столь близкую подругу на ее пути к свободе и одиночеству.

Губернатор с Большим Человеком стояли у круглого походного мраморного столика со скромной медной кружевной окантовкой. Вчера вечером они всласть попарились в баньке, платонически наслаждаясь неприкрытыми прелестями услуги, отлично выпалились в охотничьем домике, стилизованном под крестьянскую избу на семью из четырех поколений последовательных католиков, и с утра, не медля, двинулись в лес в предвкушении редкого по нынешним временам удовольствия – охоты. Челядь скромно стояла поодаль, готовая по мановению бровей броситься выполнять любое, самое экзотическое желание, лишь один технарь возился с аппаратурой, готовясь к приему изображения с вертолетов.

– Есть сигнал, – сказал он и передал пульт дистанционного управления Губернатору.

– Смотри, какой красавец несется, – сказал Губернатор, когда камера с сильным увеличением показала волчицу. – Никуда не денется, сюда придет.

– Знаешь, я к этим новомодным штучкам отношусь с большим предубеждением, – ответил Большой Человек. – Раньше стоишь на номере, весь трясешься от ожидания и вожделения, как над бабой, честное слово. А вдруг не на меня выйдет? А как выйдет, да я облажаюсь! Это как рыбалка нынешняя. Видеокамеры стоят, все видишь: и как подошла, и

как поводила, и как в рот взяла. Хуже порнографии, ей-ей. Я у себя в поместье, на пруду, сделал мостки через камыши, ухожу туда по утрам иногда, сяду с обычной удочкой, как в детстве, смотрю часами на поплавок, вот толкнула, придавила, повела, и тут ее на противоход подсечешь. Совсем другое дело!

– Это точно! Подожди, что это они там кричат? Второй! Эй, вы, там, сфокусируйте на втором! – резко приказал Губернатор и вскоре на экране возник Волк. – Ну хорош! А говорили последний, последний! Шли за одним, а возьмем двоих. Прогресс на лицо! Давай за прогресс, – и Губернатор налил по стопке водки.

Выпив, они закусили маринованными грибочками и бутербродами с лососиной, не отрывая взглядов от экрана.

– Слушай, – сказал Большой Человек, – а ведь первая – сучка, и поменьше, и стать какая-то более мягкая, расплывчатая что ли. А кобель за ней бежит, не от нас, а за ней.

– Похоже, – согласился Губернатор.

Незаметно пролетел час.

– Приближаются, – степенно произнес старший егерь, – извольте на первый и второй номер, – и протянул ружья.

– Да сегодня не охота, так, воспоминание молодости. Вместе пойдем. Бинокли захвати, – сказал Большой Человек и грузно двинулся по заранее протоптанной дорожке к опушке леса, автоматически сжимая в правой руке ружье.

– Вон она, – сдавленно сказал он через некоторое время,

пристально глядявываясь в пролом просеки. – Устала. И что удивительно: никогда в жизни не видела флажков, да что там говорить, ее родители не видели, а ведь бежит по коридору.

– А вот и наш дружок, – ответил Губернатор, – посвежее будет, глядишь, к поляне догонит. Может быть, камеры установить. Такая концовка!

– Да уж. Двести мужиков при поддержке авиации скрутили двух волков. Не позорься!

Напряжение возрастало. Когда волчица выскочила на поляну и заметалась, обнаружив сетку, Большой Человек даже вскрикнул: «А ну давай на флажки!» – и раздосадовано крикнул, когда она, как крот, пробуравила наст и выскочила с другой стороны.

– Вот их подлая бабья натура! Змеи, одно слово. Наш-то красавец, как порядочный, напролом...

– И в сетке, – закончил Губернатор, потирая левой рукой губы и не отрывая глаз от волчицы.

– Ведь уйдет! – в охотничьем азарте воскликнул Большой Человек.

– Точно уйдет, – вскрикнул Губернатор, скидывая ружье. – Говорил раздолбаям поставить второй ряд сетки.

– Охолони! Но ведь уйдет!

Большой человек пританцовывал на месте, вытягиваясь вверх, чтобы лучше видеть происходящее на поляне, то поднимая, то опуская ружье, и вдруг решительно вскинул ружье, глубоко вздохнул и на медленном выдохе мягко нажал

курок.

Грудь волчицы при приземлении после очередного прыжка, повинуясь неведомой силе, глубоко вдавилась в наст, окрасив его в красный цвет, но она нашла в себе силы для последнего прыжка, но уже в воздухе стала заваливаться набок и, перевернувшись, как перекасти-поле, несколько раз на снегу, застыла в вечной неподвижности.

– Вот это выстрел! – в восхищении воскликнул Губернатор.

– Мастерство не пропьешь! Как я ее снял! Сто пятьдесят метров на бешеном скаку!

Егеря, не лицемеря, заплодировали, но вскоре быстро побежали по своим делам, одни к спеленанному сеткой Волку, другие к убитой волчице.

– Господин генерал, изволите сфотографироваться на память, прежде чем шкуру сдирать? – спросил высокий худой егерь, подобострастно сгибая и без того сутулую спину. – Вот имеется моментальный широкофокусник.

– Какие фотографии, какая шкура? – подумал Большой Человек.

Возбуждение прошло и осталось лишь чувство растерянности и непонятно с чего навалившейся усталости.

Губернатор уловил перемену настроения, махнул рукой за спиной, сдувая окружающих, и взял бутылку водки.

– Шли за одним и взяли одного. Все по плану, а второго не было. Давай за план!

Он хотел было налить в стопки, но передумал, пододвинул два высоких хрустальных фужера, вылил в них все содержимое бутылки и протянул один из фужеров Большому Человеку.

– Не расстраивайся. Ну ушла бы, век вековать. Последней. Тут если один, без семьи, среди людей – волком взвоешь. А если совсем один, последний, среди тараканов – удавишься. – Губернатор одним махом влил в себя содержимое фужера. – И тебя понимаю, и что делать надо – понимаю. Как два разных человека.

– Дело житейское. Вялотекущая шизофрения. У меня дядьку лет десять лечили, – Большой Человек печально улыбнулся.

– Ну и как? – спросил Губернатор, удивленный этой неизвестной ему деталью биографии друга.

– Хороший человек был, профессор, только власти не любил и крепко зашибал, в общем, нормальный мужик. Ты бы налил еще водки.

– Это сделаем, вот только распоряжусь. – Губернатор призывно помахал рукой старшему егерю. – Слушай, – сказал он, когда тот подошел. – Ребята – молодцы, последнего волка словили, не фунт изюма, пару ящиков водки на всех, и по две сотни премии. Волчицу сам зароешь.

– Какую волчицу? – егерь недоуменно пожал плечами и степенно пошел на поляну.

Перевоз Волка в столицу губернии и далее в столицу страны был обставлен по всем законам жанра. К армейскому тягачу подцепили закамуфлированную паласом цвета сафари автомобильную платформу, на которую установили огромную, десять на десять футов, клетку, сваренную из оцинкованной арматуры, серебрящейся под ярким зимним солнцем. Погода выдалась как по заказу и количество обывателей, с удовольствием высыпавших на улицы столицы губернии в погожий субботний денек, и их неподдельный энтузиазм при встрече Последнего Волка был сопоставим разве что с давно забытыми моментами встречи Первого Космонавта.

Сразу после пленения Волку вкололи хорошую дозу снотворного и он не помнил, как его тщетно пытались освободить от спеленавшей его сетки, пока, наконец, ее просто не разрезали охотничьими ножами, как его бесчувственным кулем загрузили в губернаторский джип и привезли на губернаторскую дачу, где было решено дожидаться прибытия спецэскорта. Его еще с трудом, на плащ-палатке, переносили из джипа в свободную секцию гаража, как с визгом прибежала внучка Губернатора, посмотрела на огромный серый ком, разочарованно поджала губы: «Фи, какой-то неинтересный и ничуть не страшный!» – и умчалась прочь. Волку связали на всякий случай лапы, вспомнив детские картинки из

«Красной Шапочки», и положили на тонкое одеяло, брошенное на бетонный пол.

Волк очнулся от скрипа гаражных ворот. В проеме возникла крупная фигура молодой девушки, с круглым добрым лицом и полноватыми ногами. Она подошла к Волку, оглядела, поохала: «Как же это они так с тобой!» – и куда-то ушла. Вскоре она появилась вновь с небольшим тазиком, наполненным водой, и поставила его у морды Волка. «Ты уж извини, не могу я тебя развязать, ведь убежишь – всем неприятности будут. Я бы тебя отпустила, тебе в лес надо, но не могу», – приговаривала она, подхватив Волка под животом и приподняв его над тазиком. Волк опустил голову и стал жадно лакать воду, разбрызгивая ее во все стороны. «Ну вот и хорошо», – сказала девушка, когда Волк напился, и опустила его на пол, – «Подожди, я сейчас вернусь. А воду заберу, все равно ты до нее не дотянешься, только лишние волнения.» Ее не было довольно долго и Волк задремал. Когда вновь скрипнули ворота, он угрожающе зарычал, но вскоре замолчал, увидев, что это опять та же девушка с чем-то большим, почти в длину Волка, в руках. Это был толстый детский матрац, который девушка положила рядом с Волком. «Вот мы сейчас тебя сюда положим. Раньше Наточка спала, а теперь волчок поспит. Это тебе не на земле спать, на земле да на листве тебе хорошо, а тут бетон, он сырой и холодный, ты простудишься», – там приговаривала она, перетаскивая Волка на матрац. – «Ну, прощай, чай не свидимся больше», –

и она ушла, плотно притворив и заперев снаружи ворота.

На следующее утро прибыл тягач с платформой и клеткой. Долго совещались, как освободить Волка от пут, чтобы он не перекусал всех вокруг, пока, возмущенный заминкой, не подошел Губернатор, презрительно посмотрел на робеющих молодых солдат, решительно зашел в клетку, двумя точными ударами ножа перерезал веревки и пошел назад к своей машине.

Волк еще долго после начала движения платформы лежал на полу клетки, подрагивая лапами для восстановления кровообращения. Потом неуверенно встал и оглянулся вокруг. Они уже въехали в город, и там и тут вдоль дороги стояли группки людей, обычно семьями, заинтересованно разглядывавших его, тыкающих в него пальцами и отпускавшими беззлобные фразы, типа «Попался, гад!» или «Его бы с соседским кобелем сравнить, вот была бы потеха!»

Тут перед ним в который раз мелькнула последняя перед пленением картина: несущаяся во весь опор к лесу волчица, громкий хлопок, падение и последний прыжок. И он, не помня себя, яростно рванул в сторону ненавистных двуногих, готовый разметать их, разорвать в клочки, уничтожить это наглое в своей силе племя. Но он лишь наткнулся на прочные прутья клетки и, взыв от боли, ненависти и разочарования, отлетел перевернувшись обратно на середину клетки. Он еще несколько раз, до пены изо рта, бросался в разные стороны, надеясь где-нибудь пробить стены своего узилища,

то тщетно. Толпа радостно загоготала, многие даже захлопали в ладоши и стали криками подбадривать его, надеясь на продолжение бесплатного представления.

Волк остановился, обвел толпу налитыми кровью глазами и улегся посреди клетки, положив голову на вытянутые лапы и прикрыв глаза. Он не смирился, он просто не хотел быть шутом. В этой позе он провел долгие годы. Приходившие поглазеть на него люди видели лишь большой серый меховой куль с едва вздымающимися от дыхания боками и разочарованно уходили.

* * *

Может быть, зоопарк был хороший. По крайней мере, власть имущие, по зоопаркам никогда не ходившие из-за несолидности и опасности смешения с народом, и народ, в подавляющем большинстве видевший только один зоопарк в своей жизни, искренне считали его лучшим в мире. Но для Волка он был тюрьмой, а тюрьма бывает плохой или очень плохой.

Как самому известному экспонату, ему выделили центральное место. Специально к его приезду, точнее говоря, привозу срыли старый слоновник, насыпали небольшой пологий холм со срезанной вершиной, вокруг холма вырыли ров шириной и глубиной в половину его прыжка, по крайней мере, так Им казалось, а он ни разу не попытался раз-

убедить Их в этом. Вокруг рва возвели стенку из необделанных камней, такую, чтобы детеныши двуногих могли, приподнявшись на цыпочки, разглядеть его, а сверху для надежности установили высокую решетку с заостренными концами прутьев, так что забор напоминал каре древних латников с поднятыми копьями. Что-то подобное Волк видел один раз на своей территории, когда как-то летом понаехало множество двуногих, шумных, вонючих, стрекочущих и сверкающих, и целую луну что-то делали на его любимом поле, где он так любил загонять зимой зайцев, оставив после себя мертвую, засыпанную бесполезными предметами землю.

На теплой стороне холма установили бревенчатый домик с невысоким лазом и стилизованной под соломенную двускатной крышей. Они думали, что это заменит ему привычное лежбище – пещеру, но он спал в домике все несколько дней в году, когда по ночам становилось совсем невмоготу от холода.

Невдалеке от домика имелся единственный проход, связывавший его теперешнюю Территорию с окружающим миром: через ров был перекинут мостик без перил, упирившийся в крепкую дубовую калитку вровень с каменной стенкой, в которую была заделана металлическая решетка. Сам мостик был сделан точно из таких же металлических прутьев, разве что расположенных чуть поближе друг к другу, чтобы не проваливались ноги зрителей. Когда зрителей внутри не было, мостик поднимали, прижимая к калитке, так что

издали казалось, что Волк находится на полностью изолированном острове.

Вольер делали наспех, холм засыпали мерзлой землей и слегка утрамбовали. Но буквально через неделю после привоза Волка яркое весеннее солнце стало подтапливать снег и землю и вольер уподобился отечественным скотным дворам. Вскоре Волк проваливался в землю по колено, шерсть пропиталась грязью и сбилась в колтуны, что случилось с ним первый раз в жизни. Волку в очередной раз ввели снотворное, искупали в шампунях, после чего он несколько дней шаркался сам от себя, расчесали как на свадьбу, а тем временем на его Территорию забросили четыре грузовика щебенки и грузовик песка. Стало лучше, это даже отдаленно напоминало берег его родной реки, к который он бегал отпираться после удачной охоты или купаться в жаркие дни. Но на реке была жизнь: на мелководье шныряли косячки мальков; чуть поодаль вытянувшись вдоль течения стояли рыбы покрупнее, слегка колыхая плавниками и изредка поднимая голову, лоя неосторожно снизившихся мушек; из камышей взлетали, встревоженно крича, утки; бобры, недовольно бурча, строили свою хатку. Сама река была жизнь: с ней можно было бороться, встав на стремнине и подставив грудь ее натиску; с ней можно было играть, прыгая на порогах навстречу низвергающихся потокам и отлетать, кувыркаясь; с ней можно было отдыхать, лежа вместе на мелководье. Сам запах, исходивший от нее, был запахом здорового мо-

лодого тела.

Ров же, окружавший его нынешнюю Территорию, даже близко нельзя было сравнить с рекой. Вода в нем никогда не была прозрачной, а поверхность чистой, как свежий лед, так что можно было бы смотреться в нее, пугая самого себя злобным оскалом и разгонять видение ударом лапы. Вода стояла недвижимо, постоянно скованной, как панцирем, какой-нибудь пленкой, то пылью с распустившихся сережек берез, раскинувшихся парами возле его вольера, то тополиным пухом, бураном налетавшим весной с улиц вокруг зоопарка, то корками хлеба, который зачем-то в изобилии кидали посетители. Во второй половине лета, после жарких июльских дней, вода зацветала, мутнела и зеленела и от нее шел тяжелый дух долины Смерти, куда Волк на воле рисковал ходить только в самый трескучий мороз, когда бескормица заставляла его покрывать десятки километров в поисках добычи. Каждые три луны воду во рву меняли и несколько дней после этого Волк по ночам с наслаждением бросался в нее, сильными гребками проплывал несколько метров, выскакивал на землю и, широко расставив и уперев лапы в землю, мощными движениями бросал свое тело из стороны в сторону, выбивая из шкуры вместе с водой въевшуюся пыль и грязь, а затем носился кругами по самой кромке рва, чувствуя, как наливаются силой его мышцы, застоявшиеся за круглодневное лежание под недовольными взорами пришедших поглазеть на него двуногих, и, когда казалось, что сил уже не оста-

лось, он вновь бросался воду и все повторялось, до восхода солнца и первого скрипа калитки в дальнем углу зоопарка, через которую проходили утренние зрители.

Но особенно раздражали Волка его соседи – обитатели зоопарка. Он долго не мог привыкнуть относиться к ним не как к добыче и часто, дождавшись нужного ветра, напряженно припадал к земле, неотрывно следя, к примеру, за пекари, нагло хрюкавшими у него на глазах, тихо подползал в их сторону, настороженно шевеля ушами, готовый в любой момент к решающему прыжку, и приходил в себя лишь погрузившись передними лапами в ров с водой. Отвратил его от такой судороги охоты один мелкий случай. Как-то осенним вечером, в который раз в запале влетев в воду, он раздосадовано отпрыгнул назад и услышал за спиной щебечущий залиvistый хохот, от которого волнами колыхалась береза, облюбованная зоопарковскими воробьями для ночлега.

– Посмотрите на этого четвероногого! Он как будто специально каждый вечер устраивает для нас представление. Воистину, Создатель не дал им разума. И правильно не дал им способности летать! Они такие глупые, что сразу бы разбились о ближайшую стену! Посмотрите, посмотрите, как он прыгает! Да любой наш малыш при первом вылете из гнезда пролетает больше! Ха-а-а-а! О-о-ой – не могу!

Мало-помалу приучился Волк смотреть на соседей не как на добычу, а как на товарищей по несчастью, как на добрых соседей, которые тем приятнее, что и за жизнь поговорить

можно, и сплетни зоопарковские послушать, так, время протянуть до прихода посетителей или после кормежки до сна, если кто привык спать по ночам, а с другой стороны не мешают они тебе, не могут неожиданно вторгнуться в твой персональный вольер, хочешь – думай о своем хоть день-деньской.

А соседи попадались презанимательные.

Вот морж, на восход-тепло, в десяти прыжках. Огромная туша, Волку бы, наверно, на всю зиму хватило. Но и территория дана не маленькая. Почти во всю территорию – пруд из сплошного серого камня двуногих, и небольшой островок, на который Морж иногда выбирался, тяжело опираясь на смешные передние лапы и рывками прокидывая тело вперед. Казалось, что он выбирается на островок только для того, чтобы гневно протрубить несколько раз о том, что он ест моллюсков и согласен на устрицы, но терпеть не может хлеба, после чего с шумом, вздымая полуметровые волны, бросается в бассейн и начинает, как заведенный, носиться по диагонали по пруду, в один нырок преодолевая все отведенное ему расстояние и приводя в непонятный восторг посетителей, готовых часами стоять у вольера в ожидании, когда над поверхностью воды поднимется сердитая морда. Морж был стар, редкая щетина на морде почти стерлась, а желтые бивни, когда-то угрожающе торчавшие изо рта, сильно покрошились на концах из-за безуспешных попыток взрыть каменное дно пруда. Окрас его был какой-то грязноватый и напоминал подсохшую и покрывшуюся паутиной

трещин глину у Ближнего Ручья. Но как-то, еще до завтрака, когда солнце только-только выглянуло из-за окружающих домов, Морж в очередной раз выбрался на островок и тут с ним произошло чудесное превращение. Кожа приобрела невообразимый розовый оттенок, который бывает только у нежных весенних цветов, не обожженных летним зноем, или странных горбоносых цапель, живописной группой застывших на мелководье центрального пруда зоопарка, и который был просто неприличен для солидного зверя.

– Эй, безногий, – не выдержал Волк, – тебя кто покрасил?

Морж, не обращая внимания, соскользнул в воду и маятником заносился в пруду.

– Да остановись ты на минутку, давай поговорим, – крикнул опять Волк, задетый таким пренебрежением.

– Говори – не говори – все говорено-переговорено, – грустно произнес Морж, но остановился, приподняв голову над водой.

– Не надоело целый день нырять?

– Под водой этих рож вокруг не видно.

– Это понятно. Так выберись на островок и спи.

– Тяжко мне что-то на земле. Жарко и туша давит. В воде как-то полегче.

– Ты, смотри, и спишь в воде. Не страшно?

– А чего бояться? Я мешок на шее надую, вот так, – и Морж действительно раздул шею, так что голова вытолкнулась еще выше под поверхностью воды, – и сплю. Да и при-

вычка. Мы всегда на воле в воде спали, так уж предками заведено. Двуногие, они же слабые и трусливые, ну ты знаешь, норовили на наши лежбища нападать, когда мы спим, вот мы и стали уплывать спать в море. Я, считай, последний год на воле на землю ни разу не выбирался, все в море, да на льдинах.

– Как же это тебя в воде отловить исхитрились?

– Я смотрю, некоторые больно шустрые и умные тоже недалеко убежали, – обиженно проговорил Морж и ушел под воду, оборвав разговор.

Кого Волк уважал, так это тура. У его стаи вольер был не меньше, чем у Волка, и большую его часть занимала высокая скала с почти отвесными склонами, на которых были выбиты небольшие карнизы. Вожак целыми днями неподвижно стоял на самой вершине, на маленькой площадке, на которой приличному волку и хвоста не распушить, и его рога двумя витыми полумесяцами возвышались над зоопарком. Его стая – четыре самки и десяток козлят – почти все время проводили внизу около кормушек с сеном, но иногда, повинаясь резкому свисту вожака, бросались к скале и, ловко перепрыгивая с карниза на карниз, взлетали к самой вершине и застывали в отстое. Волк, который на воле никогда не забирался дальше предгорий и на охоте брал резвостью бега и выносливостью, восхищался такой ловкостью и в глубине души признавал, что никакой голод не подвигнул бы его на преследование туров в горах.

– Эй, длиннорогий, – как-то крикнул от вожаку. – Спустился бы, перекусил.

– Нам не до баловства, – солидно ответил Тур.

– А что ты там все сторожишь? Ничего с твоими за такой решеткой не делается.

– А я не сторожу, я жду.

– Чего тут ждать-то?

– У нас в горах иногда как тряханет, земля ходуном заходит, некоторые скалы, как сугробы снежные разлетаются, и меняется вид земли, и засыпаются тропы, и открываются новые виды, и после трясения, если тебя, конечно, лавиной не накроет или в трещину не провалишься, начинаешь жить на новой земле.

– Это ты к чему? – недоуменно спросил Волк, удивленный таким многословием Тура, который считался в зоопарка одним из главных молчунов.

– Да вот жду я, что тряханет также этот проклятый город двуногих, и рухнут их высоченные лежбища, и я, хоть перед смертью, увижу, пусть на горизонте, мои горы.

Они помолчали.

– А что тогда своим свистишь, наверх собираешь?

– Чтоб не зажирели там внизу, у кормушки.

Недалеко от Тура расположились старые знакомые – кабаны. С этими Волк сталкивался еще на воле, немало их водилось на его Территории, целые полянки, бывало, перекапывали своими пяточками, а один раз, когда он – в одиноч-

ку! – завалил оленя и после пиршества отлучился к ручью, по возвращению он обнаружил рядом с оленьей тушей целый стадо кабанов, которые урча и похрюкивая, жрали его законную добычу. Он грозным рычанием намекнул, что вернулся хозяин, но стадо не отреагировало, лишь вожак, старый секач, без суеты развернулся и уставился на Волка. Он стоял неподвижно, крепко вперив ноги в землю, лишь плоские бока слегка вздымались от ровного спокойного дыхания, с его пяточка и длинных клыков капала кровь, о волнении перед возможной схваткой говорила лишь вставшая дыбом щетина на мощном загривке, хотя и здесь не было уверенности – быть может, у секача всегда так дыбилась шерсть, но самое ужасное таилось в глазах, непропорционально маленьких, ничего не выражавших и неподвижных. Но даже не это остановило Волка от боя. Сильнее всего подействовала уверенность в своем вожаке всего стада – никто из них, занятых пожиранием свежатинки, даже не обернулся в сторону Волка. Глухо прорычав: «Мы еще встретимся», – Волк степенно удалился в лес.

И они встречались. Волк уносил их полосатых детенышей, таких нежных, но ужасно визгливых. Пару раз ему удавалось завалить маток, но их крепкая, поросшая жесткой щетиной шкура и толстый слой сала, не позволяющие одним резаным ударом перервать артерию, убедили его, что с секачом, с его мощными клыками, дубленой кожей и весом в пять волков, ему, пожалуй, не потягаться.

– Эй, тупорылый, не надоело в грязи полоскаться? – начал задирать Волк.

– Много ты, хвостатый, в жизни понимаешь, – ответил Секач, почесываясь о специально поставленный возле «купальни» столб.

– Да я-то понимаю, а вот ты, судя по всему, лужей, двуногими созданными, и прочим окружением наслаждаешься.

– А чего тут наслаждаться, ни тебе клык-в-клык кому дать, ни тебе маточку молодую покрыть,

– Ну ты, судя по некоторым признакам, это дело уважаешь.

– А кто его не уважает? – согласился Секач.

– Это конечно, но по причиндалам с тобой никто не сравнится, даже бык, ну разве что слон, так тот с солнечной стороны, так животные горячие, нам не ровня, там солнце жаркое.

– Что дал Создатель, тот дал, – степенно ответил Секач.

– Я когда тебя завалю, первым делом яйца отпробую, сладкие поди и аж брызжут на зубах.

– Брызжут они в другое место, матки шаром надуваются. А что по части яиц, так когда я тебя завалю, так я на твой горох не позарюсь, у тебя более привлекательные места есть, печенка, например, глазики опять-таки, хоть и наглые, но сладкие.

– Ну ты хорош, хоть сейчас бы схлестнулся.

– А я просто ночами не сплю.

– Как я тебя завалю! Ты же попрешь прямо, по другому не можешь, а я резко влево, полосну зубами от уха до шеи, залив глаз и – через тебя, пока ты меня не видишь, ты оборачиваешься в ту сторону, откуда я напал, а я уже с другой стороны – в шею, и попробуй – стряхни меня.

– Красиво описал, но не таких стряхивали.

– Эх, сразиться бы с тобой. Пусть проиграю, но лишь бы на воле.

– Ты все хорошо понимаешь. Я ведь тоже не прочь. И вообще, ты – нормальный мужик. Эх, попался бы ты мне на воле! Или я тебе – да не суть! Это была бы славная битва!..

– Какая бы это была битва... – протянул Волк.

Но кого Волк полюбил, так это Жирафа. Он поднимался над решетками зоопарка, как и Тур, и смотрел на окружающий мир огромными карими глазами. Голова была не очень большой, не больше, чем у коровы, по крайней мере, так виделось издали, но глаза были огромны, они своей добротой наполняли все вокруг и, казалось, спрашивали: «Зачем мы все здесь?»

– Неисповедимы пути Создателя. Надо же такое выдумать! Ну комар со своим длинным хоботком, которым он пробивает нашу шкуру и пьет кровь, ну лягушка со своим длинным языком, которым она молниеносно зашибает муху, ну удав со своим длинным телом, которым он душит зазевавшихся путников, но эта шея, эти ноги! Апофеоз бестолковости! Ну зачем он создал это животное? Как ему есть? Наши

ели, березы, осины, липы, я уж не говорю об орешнике, калине и других кустарниках, их надо есть снизу, как козы, а Жирафу ведь это же просто неудобно, надо наклоняться. Он говорит о каких-то пальмах, что такое пальмы, я не знаю, но судя по описанию, чем-то похожи на наши сосны, все сверху, внизу – ничего, но есть елки. Ешь елку, если приспичило. А эти рожки?! Для того, чтобы ими кого-нибудь испугать, надо, чтобы этот некто эти рожки увидел. С земли их не видно, это я вам ответственно заявляю. Это мне видно сверху, после двух месяцев наблюдения за этим чудом природы. Кого он ими может забодать? Меня? Пусть попробует! Мне главное, чтобы он шею нагнул. Тут я не промахнусь! Вот только куда нацелиться? Шея длинная, где яремная жила – кто знает. Полагаю, надо бить сразу под челюстями, но если ошибешься – взлетишь в небеса. Эх, грехи наши тяжкие! Вот ведь, бесполезное создание, даже в чем-то уродливое, а что-то есть, я мог бы с ним жить, вместе, на воле, бегали бы, он листья свои ест, я – кого поймаю, а днем бы разговаривали, чего еще делать?

– Эй, длинношей, – крикнул Волк.

– Я вас слушаю, – с некоторой задержкой ответил Жираф.

– Будь здоров, кутай шею, – ответил Волк.

Так разговаривал Волк с обитателями зоопарка, а больше слушал их разговоры между собой и скоро узнал много интересного об их житье-бытье на воле, об их территориях, которые были так непохожи на его, об их охоте и их недругах,

которые в свою очередь охотились на них, об их повадках и пристрастиях, о том, как они в один несчастный день попались в лапы двуногим и как после долгих мытарств очутились здесь, в зоопарке, и об их повсеместной вере в то, что в один прекрасный день они вернутся на волю, на свою территорию, где постоянно светит солнце, или, наоборот царит приятный полумрак, или много воды, или бескрайние степи, по которым можно бежать целый день наперегонки с солнцем, надеясь когда-нибудь обогнать его, – это уж кому что нравится, и где много добычи, где славная охота, где будоражит кровь даже не хоровод самок, а борьба с другими самцами за их обладание, где детеныши рождаются легко и растут быстро, вливаясь в твою Стаю, и где сама смерть, неизбежная и нестрашная, приходит в бою или в добровольном уединении.

Часть вторая

Президент откинулся на кожаном кресле в своем любимом кабинете идеальной формы и устало прикрыл глаза. Прошла еще одна неделя его серого президентства, без скандалов, но и без ярких свершений. Возможно, приди он к власти в другое время или в другой стране, он был бы великим, благо и темперамент и образование способствовали этому, но в этой стране в этой время он мог быть лишь присматривающим за тем, как его страна неуклонно, хоть и с видимым замедлением поднималась к вершине.

Был вечер пятницы, когда все обыватели собирались на вечеринки или ехали на природу, бежали на дискотеки, предвкушая последующие ночные приключения, или осаждали двери концертных залов, кинотеатров и театров. Президент был одинок и ему некуда было стремиться.

Он протянул руку и взял со стола папку с надписью «Курьезы», где один из его секретарей собирал сообщения о всяких неожиданных происшествиях. Еще в давние времена адвокатской практики Президента ссылки на всякие экзотические, против всех правил логики и человеческого опыта случаи, которые тем не менее были действительны, помогали ему заронить сомнение в души присяжных, а все остальное уже было делом техники. Да и на нынешнем посту подобные аргументы помогали ему добиваться внесения необходимых,

хоть и не столь драматических изменений в накатанный ход жизни нации.

Президент неспешно пролистывал папку, когда раздался стук в дверь и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошел его давний еще с университетских времен друг, которого он сразу после прихода к власти назначил своим помощником по национальной безопасности и которому единственному был разрешен беспрепятственный доступ к Президенту в любое время.

– Плохие новости.

– Почему-то в пятницу вечером новости всегда бывают плохими, – философски заметил Президент.

– Надежда Ислама завершает сборку ядерных бомб. У него пять зарядов. И он сразу же их испытает. Ставлю свою яхту против твоей старой шляпы, что испытание он проведет в соседнем государстве.

– Пари заманчивое, но я привык к своей старой шляпе. Одно во всем этом утешает, что не мы его соседи. Сколько у нас времени?

– Не больше двух месяцев.

– Да... Каких-то двенадцать лет назад казалось, что этот бурлящий котел остудили навсегда. Несколько массивных налетов, мизерные, в сущности, деньги приближенным и международное признание марионеточной оппозиции – и дело сделано. Вдруг паяц становится Надеждой Ислама, мы осознаем, что предыдущий был вполне адекватен, и начина-

ем кормить его свору, которая стала гордо именоваться народным правительством в изгнании. Надо что-то делать.

– Маленькая победоносная война, – начал Помощник.

– Не смеши! – оборвал его Президент. – В первом же прибившем гробе похоронят мои надежды на второй срок.

– Наши надежды на наш второй срок. Я хотел сказать только это.

– Извини. Устал. Этот вопрос надо решать кардинально, – продолжил Президент. – Эта страна слишком богата людскими и материальными ресурсами. Каждая маленькая победоносная война для нас это всего лишь маленькое военное поражение для них. Еще тысячи лет назад они придумали свою сказочную птицу Феникс, которая возрождается из пепла. Мы уничтожаем правителей, а надо уничтожить страну. Раздробленные, они уже не поднимутся.

– Мысль, конечно, правильная. Любой из этих правителей в изгнании с радостью отдаст боеголовки в обмен на президентское кресло, пусть и на части территории. Но какой вой поднимется! В первую очередь наши заклятые друзья встрянут, они за эти годы тоже жирок нагуляли, взбрыкивать начали, былые амбиции вспомнили. Они же эту Надежду Ислама обхаживают и на нас науськивают.

– Значит, они должны получить свой кусок. Увязнут они там, – мечтательно протянул Президент.

– Как же им такое предложить? Они откажутся, просто так, из чувства противоречия и на весь мир растрезвонят,

какие они принципиальные.

– А если мы найдем подходящую форму предложения?

– Скорее всего согласятся. Во-первых, они очень любят приобретать новые территории, даже если они им даром не нужны, во-вторых, кто же будет терпеть рядом такого сумасшедшего, в конце концов, они к нему ближе, чем мы.

– Согласен. А по части формы – есть у меня задумка. Спокойной ночи. Когда будешь проходить через приемную, пригласи ко мне дежурного секретаря.

Дежурным оказался как раз секретарь, подбиравший всякие курьезы. Чем-то он был Президенту неприятен, может быть, своими жидкими не по возрасту волосами, уже через час после душа торчащими блеклым сальным ежиком, или угрюмым лицом, которое раздвигалось в дежурной безличной улыбке лишь при обращении Президента, а, может быть, своей фигурой, высокой, но нескладной, с заметной сутулостью, как будто всегда готовой согнуться в полупоклоне, с явно выпиравшими мослами рук и ног, так что кости, обвитые некрасивыми, похожими на полудюймовые тросы мускулами, казались очень тонкими. «Фигура для какого-нибудь университетского мозгляка, безвылазно сидящего в лаборатории за компьютером, а ведь этот вроде спортом занимается, всегда верноподданнически появляется на моей традиционной утренней пробежке, черт бы ее подрал, и мозолит глаза на кортах и в бассейне. Наверно, о здоровье своем сильно заботиться, в его-то возрасте!» – от этой мысли Секретарь

стал Президенту почему-то еще более неприятен. – «Может, он голубой?» – подумал Президент и в душе ужаснувшись подобной политнекорректности – «Не дай Бог, ляпнешь где-нибудь!» – решил для компенсации поддержать молодого человека.

– Вы хорошо поработали, – сказал он, похлопав рукой по папке «Курьезы», – одно сообщение меня сильно заинтересовало.

– Только одно, – полувопросительно-полуобиженно протянул Секретарь.

– Алмазное зернышко в навозной куче.

– Извините, не понял, – обиженные интонации усилились.

– А, ладно, не о том. Тут что-то говорится о поимке последнего волка нашими друзьями-соседями. При их экологии это неудивительно, но у нас, я полагаю, с волками все в порядке, бегают, где позволено.

– Отнюдь. Я по своей инициативе навел справки – мне это сообщение тоже показалось заслуживающим внимания – и получил ответы из трех авторитетных источников, – тут в руках Секретаря материализовалась невесть откуда взявшаяся папочка, – из Департамента природопользования, из Управления национальными парками и экспертное заключение крупнейшего специалиста в этой области, лауреата Нобелевской премии, – Секретарь по очереди передал Президенту три листка бумаги. – Ответ однозначный: последний волк зарегистрирован на нашем континенте четыре года на-

зад.

– Даже смотреть не буду. Идиоты! В наших горах можно среднее европейское государство разместить и на него за четыре года никто не наткнется, кроме военных, да и те случайно. В общем, так. На все про все – три недели срока, но волк мне нужен, живой и здоровый. Через три дня представьте лично мне план мероприятий, средства, материальные и людские, не ограничены. Если план подойдет, я дам все полномочия. У вас есть шанс отличиться и получить заслуженное повышение. И помните – это жизненно важно для Страны! – войдя в привычную роль, Президент гремел, как на митинге. – С этой минуты вы освобождаетесь от всех остальных обязанностей, включая пробежки, корты и бассейны, – не удержался от в конце от шпильки.

– Я могу быть свободен? – спросил Секретарь.

– Вы еще здесь?

Секретарь чуть ли не бегом бросился к двери.

– Да, кстати, – задержал его Президент, – мне почему-то кажется, что это будет волчица.

* * *

Через три недели в столице Другой Великой Державы ее президент недоуменно вертел в руках лист бумаги с напечатанным на нем переводом послания главы соседнего государства.

– Срочно вызовите министра иностранных дел, – распорядился он, нажав кнопку на селекторе.

– Посмотри, что за ерунда, – сказал Президент, швырнув лист через стол прибывшему через два часа Министру. – Они что, в игрушки с нами играть собираются. Забыли, с кем дело имеют.

Министр спокойно взял лист и внимательно прочитал.

«Ваше превосходительство господин Президент!

Недавно я с большим удовлетворением узнал о том, что Ваша великая держава достигла очередного успеха в деле защиты окружающей среды – обнаружен и пойман экземпляр волка, коих мы считали вымершими. Зная Вас как неустанного борца за жизнь на нашей планете и помня наши договоренности по экологии на последнем саммите, предлагаю Вам в дар от нашей страны последнюю и единственную волчицу, найденную на нашем континенте. Волки должны быть вместе. Давайте не будет питать иллюзорных надежд и объединим наши усилия в этом конкретном деле. Не сомневаюсь, что этот союз принесет свои плоды, которые мы могли бы разделить пополам на радость нашим народам.

Уверен, что мы достигнем дальнейшего прогресса в наших усилиях по защите окружающей среды во время встречи через две недели на конгрессе в Париже.

При Вашем согласии принять наш дар группа экспертов немедленно доставит его в Вашу столицу. Считаю, что это событие будет иметь положительный резонанс в мире как

пример плодотворного сотрудничества между нашими державами, поэтому возглавить делегацию будет поручено государственному секретарю.

До скорой встречи в Париже,...

– Распорядитесь, чтобы доставили оригинал послания, – попросил министр.

– Ну что, что? – нетерпеливо спрашивал Президент, пока Министр столь же неспешно изучал оригинал послания.

– Смею предположить, что нам предлагают сдать Надежду Ислама в обмен на переход половины страны под наше крыло.

– А какой половины? – заинтересованно спросил Президент.

– Большой, – попробовал пошутить Министр, но Президент не откликнулся на шутку и Министр уточнил. – Вероятно, северной, она к нам как-то ближе.

– А там нефть есть?

– Там много чего есть, за десять лет не расхлебаем.

– Ну что, принимаем дар, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Президент и подмигнул Министру, довольный тем, как он ловко разрешил дипломатическую коллизию.

– Чего не сделаешь для продолжения волчьего рода, – ответил Министр и почему-то тяжело вздохнул.

Неожиданная новость, свалившаяся на зоопарк узким конвертом с большим гербом и надписью вязью «Администрация Президента», взбудоражила всех. Директор, сосланный на эту скотскую работу с насиженного места в вязаной структуре за ненароком произнесенное на публике личное мнение, какое-то время просчитывал, кто и за что его подставляет, но потом успокоился и с искренним энтузиазмом вещал в дирекции: «Это будет эксперимент мирового масштаба! Тут пахнет докторской диссертацией, как минимум!» – и радостно потирал руки, чуть сожалея о докторской по экономике, до которой из-за изгнания ему не хватило каких-то пары месяцев: «Все-таки экономика, это не зоология, как-то посOLIDнее звучит.»

Научные сотрудники зоопарка посмеивались, глядя на расхвалившегося директора: «Тоже мне, эксперимент мирового масштаба! Еще пару десятков лет назад плодились без всякой нашей помощи, еле отстреливать успевали.» Но в глубине души понимали, что воссоздание вида – дело действительно уникальное, и засели за изучение специальной литературы и многочасовые консультации с зарубежными коллегами по космической связи.

Недовольны были только рабочие: «Опять ломай-строй! У нас на ихний масштаб целых четыре своих есть: один к

двум – если неурочно, один к трем – если в выходные, чем быстрее, тем больше, а не нравится, так последний, который мы на все это положим.»

На первом же собрании разгорелись было жаркие споры – где и как размещать волчицу, но директор быстро пресек эту болтовню, выдав общее решение – построить единый для обоих волков вольер на служебной территории, чтобы посетители не мешались, безо всяких там домиков, чтобы по углам не жались, и, главное, камер побольше, чтобы ничего не пропустить, ни одного мгновения, ну это – для диссертации, ох, извините, для истории. После этого разговор принял деловой характер согласования технических деталей, совсем не интересно.

В углу кабинета, ближнего к входу, неуверенно примостившись на краешке раскачанного стула, дополнительно, из-за большого сбора, принесенного с лестницы, где курили сотрудники, сидела крупная девушка лет двадцати двух, Мария. От всей ее внешности, от округлого румяного лица, больших карих глаз, обрамленных длинными ресницами, не испорченными тушью, от крепких кистей рук, знакомых с физической работой, от пальцев с коротко обрезанными ногтями, от объемной груди, подошедшей бы матери нескольких взрослых детей, от полноватых лодыжек, которые позволяли ей прочно стоять на земле, но которых она стеснялась и даже здесь, на совещании, стыдливо прятала под стулом, от всего этого неистребимо пахло деревней и парным моло-

ком утром и вечером. Так и было на самом деле. Приехала она в столицу года за три до описываемых событий оформлять квартиру, оставшуюся после гибели ее отца, сгинувшего вскоре после ее рождения и смерти матери, да так и застряла в этом муравейнике, потому что наследство – дело хлопотное и нескорое. По случаю устроилась работать в зоопарк, где быстро заметили ее любовь к животным, умение в обращении с ними, готовность выполнять любую работу и силу, чтобы делать это от зари до зари. Ее безотказность и ровный характер привлекали всех сотрудников, от рабочих до заместителя директора по науке, ей помогли поступить на заочное отделение Ветеринарной Академии, повысили до младшего специалиста и теперь она присутствовала на совещании как Ответственная за Наблюдениями за Поведением Волка.

Столь представительное собрание она посещала первый раз в жизни, здесь было много людей, которых она искренне уважала, на сейчас она никак не могла понять, ни почему они такие, ни почему она здесь.

– По моему, все очень просто. Надо запустить волчицу к Волку, в его вольер, на островок. Он там привык, хотя бы ему будет спокойнее. А дальше сами разберутся, они же не люди, чего им делить.

Но ее мнения никто не спросил и она так и просидела молча несколько часов, пряча ноги под стулом.

* * *

Работали споро. На служебной территории расчистили большую, сотки в две, площадку. Посредине наметили квадрат восемь на восемь метров, по всему периметру вогнали глубоко в землю толстые стальные листы как защиту от подкопов и высокие, метра в два с половиной, металлические столбы. Вокруг натянули крупноячеистую, но прочную металлическую сетку, аккуратно, во множестве мест приварив ее к врытым листам и столбам. Подстраховались и с калиткой, сделав ее двойной, с небольшим тамбуром. Обе калитки открывались внутрь тамбура, так что открыть их одновременно было невозможно. Чуть поодаль от нового вольера, тоже по всему периметру, врыли еще восемь столбов, на которых, как и на угловых столбах вольера, установили кинокамеры, прикрыв их сверху от дождя круглыми навесами.

К вечеру перед ожидаемым прилетом блестящая свежей серебристой краской клетка была готова к приему новобраных.

* * *

– Уф, успели, – с облегчением выдохнул Директор зоопарка, осмотрев новый вольер и зал с четырьмя монитора-

ми для наблюдения. – Сегодня встретим и – можно начинать полноценную работу. Так, кого пошлем?

– Ну что вы, господин Директор, какие могут быть сомнения, – раздался хор голосов.

– Спасибо, конечно, – Директор помрачнел, вспомнив, что вчера ему прозрачно намекнули на нежелательность его присутствия на официальной встрече, – но у нас еще много дел. Весь этот официоз, как это скучно! Давайте сделаем так. – Директор на мгновение остановился в размышлении. Он-то хорошо знал, что ловкий человек может легко использовать такой шанс засветиться в кругу власть имущих для скачка наверх. – Пошлем, ну, к примеру, Марию, она у нас работник молодой, но очень активный и заинтересованный, вон какой талмуд написала о Волке, надо поощрить. Получит волчицу с рук на руки, доставит к нам, а уж мы подготовимся, как положено, к встрече.

– Да я не знаю, – бормотала оторопевшая Мария, – я же никогда, и в аэропорту я никогда не бывала, и на самолетах не летала, – нашлась она, но сразу осеклась, засмутившись.

– А тебе и не надо будет никуда лететь, – успокоил ее Директор, – получишь, распишешься, погрузишь на Фордик и доставишь. Всего и дел-то. Сейчас мы тебе доверенность оформим и – вперед. Я предупрежу, чтобы тебя пропустили.

Мария с водителем прибыли к аэропорту на выдавшем виде, но еще бойком Форде с открытой платформой сзади за час до прибытия высоких гостей. Зал прилета кишел кор-

респондентами, коротавшими время в обмене последними сплетнями и байками, как и высокие встречающие, раскинувшиеся в уютных кожаных креслах зала для Особо Важных Персон. Вот объявили, что персональный самолет Государственного Секретаря совершил посадку и служба безопасности стала пропускать всех имеющих на то право на летное поле, придирчиво рассматривая документы и сверяясь со своими списками. Мария очень волновалась и суетливо протягивала охранникам свои бумаги, но те, походя глянув на ее простодушное круглое лицо, махнули рукой: «Пройди быстрее, не задерживай народ.»

Для Марии все было впервые: и этот сверкающий свежей краской лайнер, и скопище узнаваемых лиц, которые выглядели не так хорошо, так на экране телевизора, но столь же надуты, и ажиотаж от встречи и связанными с ней глубокомысленными выводами, интервью и заметками. Вот на верхней ступеньке трапа показалась фигурка Государственного Секретаря и премьер степенно двинулся навстречу по ковровой дорожке, вот начальник почетного караула отсалютовал шашкой – не по рангу и присутствующие живо стали это обсуждать и строить гипотезы, вот появилась клетка с Волчицей и Государственный Секретарь перед неожиданно возникшими микрофонами стал долго и гладко говорить о сотрудничестве – «Здоров брехать», – подумала Мария, с удивлением обнаружив, что ее школьного иностранного вполне хватает для понимания. Государственный Секретарь не за-

бывал время от времени облакачиваться на клетку с Волчицей или широким выверенным жестом указывать на нее, давая возможность журналистам сделать выигрышные фотографии, которые появятся завтра на первых полосах газет. Под убаюкивающий говорок Государственного Секретаря незаметно по второму трапу спустились остальные члены делегации, Мария автоматически отметила и их, поразившись, почему Волчицу сопровождает колоритный, любимый тележурналистами Начальник Объединенных Штабов, который на сей раз скромно прошмыгнул в стоящий рядом с трапом лимузин с затемненными стеклами. Как только все члены делегации расселись по машинам, Государственный Секретарь плавно закруглил свою речь и, пригласив всех присутствующих журналистов на вечернюю пресс-конференцию, спешно проследовал с премьером к головной машине кортежа. Через пять минут на летном поле остались омертвевший лайнер, брошенная клетка с Волчицей и Мария.

* * *

– Это, конечно, красиво звучало – «получишь, распишешься, погрузишь на Фордик и доставишь», – размышляла в растерянности Мария, так как ни получить было не у кого, ни расписаться не в чем, – эй, эй, – замахала она водителю электрокара, двигавшегося в отделении.

– Чего надо-то?

– Да вот, клетку бы к выходу доставить. Вон к тем воротам, у меня там машина.

– Мне что, делать нечего?

– Я же так не говорю, я же понимаю – работы у вас много, пока из конца в конец такого поля проедешь, полдня пройдет...

– Ну и?..

– Что «ну и»? – оторопело спросила Мария.

– Сколько, деревня! Твой груз – твоя цена.

Мария суетливо достала кошелек, вынула, скомкав несколько купюр.

– Все, что есть.

– Ладно, вижу – хорошая девушка, а так бы.. – водитель небрежно сунул купюры в карман, подцепил клетку, чуть приподнял и через пару минут доставил ее к воротам. – Дальше, извини, сама. У нас тут строго.

– Что здесь происходит? – раздался уверенный голос откуда-то сзади. – Откуда животное? – Невысокий полный человечек, втиснутый в нечто подобное форме с маленькими, как игрушечными, зелеными погончиками, цепко осматривал клетку с Волчицей и Марию, как приложение.

– Да вот, доставили, подарок, – растерялась Мария, – вон на том самолете, так и бросили. У меня бумаги все в порядке, доверенность, паспорт. Я из зоопарка.

– Это чувствуется. А я – начальник ветеринарной службы аэропорта. Вынужден задержать на время предписанного

карантина.

– Кого? – не поняла Мария.

– Животное, – бесстрастно ответил начальник.

– Да как так можно? Это же редчайшее животное... Уникальный эксперимент... Дар правительства... Ну мы же люди... Вы что, газет не читаете? – нашла Мария последний аргумент.

– Нам это без надобности. Я ведомственные инструкции читаю. Эй ты, малый, – крикнул он очередному водителю кара, проезжавшему неподалеку, – доставь клетку в карантинный блок. А вам, девушка, скажу, что ваших бумаг для меня недостаточно. Должны быть накладные, справки от ветеринарных служб страны-отправителя, документы с точным указанием получателя, особенно, если это дар!

Все документы Мария нашла, не сразу, не просто, не быстро. Они валялись на стойке в специальном помещении, где проходили таможенный и пограничный контроль члены экипажа. Мария долго пыталась разобраться в бумагах, но казалось, что он написан на каком-то незнакомом языке, буквы похожи, даже некоторые слова узнаваемы, но очень простые, которые не прибавляли понимания. Девушки в ладной обтягивающей форме только махали руками: «Да точно твои бумажки. А если и не твои – все равно забирай, нам тут лишняя макулатура не нужна. Все одно – выбросим!» – и дружно смеялись.

Мария принялась искать карантинную службу, но тут

неожиданно на нее сам накатился уже знакомый начальник.

– Уф, хорошо, что поймал, – сказал он, тяжело отдуваясь, – забирай!

– Кого? – не поняла сразу Мария.

– Да сучку свою долбаную! То ли течка у нее, то ли дух идет какой-то не тот, не знаю, но все собаки взбесились.

– Ой, спасибо. А я ведь и документы все достала, – радостно засуетилась Мария.

– Документы, это, конечно, хорошо. Но не в этом главное! Мы же – люди! Сейчас все доставим, в лучшем виде. И погрузим. Ты посигналь своему-то. Надеюсь, претензий нет.

– Ну что вы, так мне помогли, так выручили!

– Ты не представляешь, какие у меня там есть собаки! Каких хозяев! – доверительно шепнул напоследок Начальник.

* * *

Зоопарк давно затих в мягком свете дежурных фонарей. Лишь на служебной территории, иллиминированной до рези в глазах по случаю прибытия высокой гостыи, нервно переругивались сотрудники во главе с самим Директором, расслабленно курили на лавочке рабочие, иногда отлучаясь в бытовку, да метался по клетке Волк, возбужденный до забвения природы новым местом и необычностью происходящего.

Тяжело спустившись со ступеньки Фордика Мария пошла первым делом назад, к платформе, посмотреть, как там Вол-

чица. В дороге она постоянно вглядывалась в заднее оконце кабины, но сумерки быстро поглотили Волчицу и лишь один раз ей удалось -»Ну, девка, ты даешь, как банный лист, прости Господи» – упротить водителя остановиться.

– Мария, тебя за смертью хорошо посылать! – на бегу визжал Директор. – Ты что, позвонить не могла? Или может в вашей деревне вместо этого палками по елкам стучат, так постучала бы, авось услышали бы.

– Не до того там было, а здесь – не до вас, – огрызнулась в ответ Мария, забыв на время свою обычную незлобивость и чинопочитание, а может подхватив в аэропорту вирус хамства. – С Волчицей все вроде бы более-менее нормально, особенно с учетом перелета, вот только течка похоже у нее началась.

– Да вечно вы момент подгадаете... – начал было Директор, но осекся. – Ладно, подгоняйте погрузчик, пора это дело заканчивать.

– Все бы вам технику гонять почем зря, тем более неисправную, – веско вклинился в разговор Егорыч, старший из рабочих, – спокойно, спокойно, – он сделал несколько пассов поднятой верх ладонью в сторону Директора, – не надо плащик на груди рвать, не спецуха.

Егорыч отдал распоряжения, которые все почтительно выслушали, и вот уже Фордик ловко развернулся и застыл платформой назад точно напротив входа в новый вольер Волка, метрах в восьми, рабочие помоложе принесли две толстые

длинные доски, подсунули их под клетку с Волчицей, навалились на свободные концы и с криком: «Поберегись!» – прихватили скатившуюся вниз клетку и даже проволокли ее по инерции дальше, пока она не встала ровно на земле.

– В самый аккурат, – удовлетворенно хмыкнул Егорыч, – ну, Мария, давай ключ, мы щас принцессу к принцу живо доставим, им щас время терять никак нельзя, – и присутствующие – кто улыбнулся, кто тихо прыснул в кулачок, а кто и заржал.

– Какой ключ? Не было там никакого ключа, только документы, – Мария растерянно рылась в сумочке.

– Ну не одно, так другое, – всплеснул руками Директор, – теперь только осталось, чтобы это оказалась не волчица.

– Конечно, завтра на свежую голову, да при дневном свете мы посмотрим, но так, на первый взгляд, похоже на то, что... – привычно затянул зам по науке.

– На что! – истерически взвизгнул Директор. – Давайте, добивайте!

– ... представленный экземпляр относится к семейству Canidae, то есть семейству Собак, (Директор рухнул на подножку Фордика), роду Canis – роду Собаки (Директор тихо застонал и начал раскачиваться из сторону в сторону, обхватив голову руками), виду Canis lupus, что, не сомневаюсь, понятно каждому присутствующему.

– Извините, пожалуйста, – после некоторой паузы раздался голос смирившегося со всем Директора, – я не понял.

– Да че тут не понять-то, племя и род сучьи, а вид волчий, – неожиданно встрял Егорыч.

– Что ж, с поправкой на некоторую вульгаризацию, я могу согласиться с данной сентенцией, – сказал зам по науке.

Люди окружили клетку, обсуждая, как безопаснее вскрыть ее. Лишь Егорыч не принимал участия в дискуссии, внимательно рассматривая замок.

– Надо что-то делать! – сказал Директор, быстро возвращаясь в привычный образ. – Будем резать!

– Ответработники, че хирурги, чуть че – сразу резать, – пробормотал Егорыч, – Эту механизму я хорошо знаю, – продолжал он, показывая на замок, – они на контейнерах стояли, када нам помощь из-за бугра слали. Токо там еще пломбочки понавешаны были, шоб ежели че, ну там вскроют али еще как, сразу видать было. Мы как енти пломбочки увидали, чуть не ус..., прощенья просим, чуть усы себе не пообрывали!

– Ты это о чем, Егорыч? – прозвучал во внезапно наступившей тишине шепот Директора.

– Ет я так, историю одну вспомянул, друган рассказывал, – вывернулся Егорыч и стал копаться в необъятных карманах спецформы, извлекая какие-то проволоочки, гвозди, универсальную отвертку и пассатижи. Но затем, мастера и подбирая отмычки, забылся и опять привычно забормотал. – Хороший друган был, вот токо много знал, от тово и помер. Опять чей-то зарпортовался! Много зашибал, от тово и по-

мер. Печень! Так в травме, в ринимации и помер. А уж как охраняли! Токо медсестрой и проникли. Тоже аккуратный паренек был. Даже жалко!

– Что, тоже умер? – спросил обалдевший Директор.

– Это уж как положено, – веско ответил Егорыч и, щелкнув замком, чуть приоткрыл дверь клетки.

* * *

Фордик с Волчицей еще только въезжал на служебную территорию, а Волк с первым дуновением ветра, просквозившим открытые ворота и уткнувшимся в его вольер, учуял, кто прибыл, понял причину непривычной суеты и сразу успокоился. Он принял свою обычную позу, разлегся посреди вольера, подобрав, чуть наискось, задние лапы и положив морду на вытянутые вперед передние. Так он и пролежал все время, наблюдая за мельтешением служителей, в ожидании. Вот скрипнули петли калиток тамбура, проскрипели задвижки и на Его Территории осталась та, которую он ждал всю жизнь. Она была помельче его матери и той, за которой он гнался в те последние дни на свободе, («Молодая, наверно», – подумал Волк) и была не чисто серой, а чуть с рыжинкой, еле заметной, но Волку это почему-то понравилось. В другой ситуации он, наверно, сразу бы подбежал к ней, обнюхал всю и даже, быть может, снизошел бы до пары махов хвостом, чтобы показать самые лучшие намерения.

Но вокруг стояли двуногие и выражения их лиц были непривычными, как у посетителей, ожидающими чего-то необычного, или, более точно, они ожидали от него именно такого поведения, а уж подобную радость он им не предоставил бы даже ценой своей жизни. Обнюхивать Волчицу ему тоже не было никакого резона, потому что ветер дул от нее, а осматривать, да что там осматривать – вот она перед ним, в одном прыжке, единственная и самая прекрасная. Но главное было в том, что от Волчицы шел Запах. Волк сталкивался с ним всего два раза в жизни и оба раза заканчивались ловушкой и смертью. Он боялся ловушки и боялся смерти той, которая неожиданно оказалась рядом с ним.

– Там вода, попей, – были его первые слова.

Волчица прошла в угол вольера, куда еле заметно указал поворотом головы Волк, долго пила, потом отошла и легла чуть поодаль от Волка.

– Спасибо, – было ее первое слово.

– Устала?

– Да.

Они долго молчали, наблюдая, как люди, недоумевая, расходились. Погасили спящие огни, осталась лишь подсветка вольера, но Волк уже давно привык, что здесь не бывает настоящей лесной темноты, изредка нарушаемой звездами в просветах елей.

– И как здесь? – прервала молчание Волчица.

– А как Там?

– Там – хорошо, там свободно, и воздух совсем другой, полный запахов.

– А здесь – плохо.

– Ты все время здесь?

– Нет, я родился на воле, а что здесь – так получилось.

– Я не о том хотела спросить. Что ты с воли – я сразу поняла, – заторопилась Волчица, – это чувствуется, это видно, правда. Ты гордый. А гордость – она от свободы, пусть и оставшейся далеко позади.

– Ты умная, – благодарно произнес Волк.

– Может быть и не умная, но я с воли, я еще чувствую и помню, что такое воля.

– Я что хотела спросить, – продолжала Волчица, – ты все время в этой клетке? Как в ней?

– В этой – очень плохо. У меня другая территория, побольше, там – просто плохо. А сюда ближе к полудню перевели, я теперь понял – тебя ждали.

– Извини. Я в этом не виновата.

– А я и не говорю. Так – рассказываю.

Разговор тек медленно, с большими перерывами, они призывали друг к другу, понемногу раскрываясь, но все еще чего-то опасаясь, особенно Волк, но Судьба уже сделала выбор и шепнула об этом на ушко каждому из них, поэтому они не спешили, зная, что впереди их ждет долгая жизнь вдвоем.

– Тебя так и везли в этой клетке?

– Последний день – да. А до этого держали две ночи в

другой, побольше, но много меньше твоей.

– А какой?

– В две меня, если не вытягиваться. Даже не прыгнуть.

– Это знакомо. А до этого?

– Кружилась ихняя, – кивок в сторону города, – стрекоза, потом удар в бок и я уже не чувствовала лап.

– А долго?

– Я многого не помню, после того удара, но в конце – долго, ну как хорошая охота. А стрекоза была огромной. Вход – больше, чем в любую пещеру, а я уж их навидалась.

– Да-да, ты много видела, я верю.

– Туда не то, что эта клетка, вот эта тарактелка вместе с клеткой легко вошла бы. Но шум! Когда все закрылось и она начала урчать, я подумала – все! Я уже слышала подобный шум, давно. Представь: шум, кажется, идет издалека, очень низкий, ниже рычания медведей, ты его знаешь?

– Да-да, у меня на моей Территории, не этой, конечно, на воле, было несколько медведей, я с ними дружил – у них другая добыча. И здесь, ты увидишь, тоже есть, и привычные, наши, коричневые, и какой-то серый, большой...

– Это наш, они тоже хорошие...

– ... и еще двое, те просто огромные, шерсть длинная, густая, белая с желтой подпалиной. Маются! Они ведь с далекого холода, им, по-моему, даже зимой у нас жарковато. Прыгнут в воду, да какая у нас вода – в миске, что приносят, холоднее, потом выберутся на землю и качаются часами.

Я спрашивал у них – зачем, говорят: «Так кажется, что какой-то ветерок дует!» Ой, извини, ты рассказываешь!

– Так вот, это шум, такой низкий, что начинает казаться, что трясется земля, а потом вдруг понимаешь, что это у тебя в животе, как будто маленький заглоченный зайчонок колотится, хочет выскочить. От этого начинают ноги подрагивать и опять кажется, что это земля трясется. А шум все нарастает, мечешься, понять не можешь, откуда он идет, хочешь бежать, но почему-то все время возвращаешься на одно и то же место, привычное. Потом остается одно желание – забиться в расщелину или в пещеру, если она есть, и накрыть лапами голову. И вот уже все гремит и ты скорее понимаешь, чем видишь, что это летят камни, небольшие, с голову, и огромные, больше тебя, и, сталкиваясь, гудят. А все это в потоке снега, в целой реке снега...

– Да-да, я понимаю, у меня было что-то похожее, но, быть может, еще страшнее. Я один раз весной, ранней, но после снегопада, знаешь ведь, какие иногда снегопады бывают весной, кажется уже все – кончилась зима, проталины зеленеют спасшейся травой, ручьи потекли, журчат и поблескивают, соки земные деревьям ветви распрямляют, стряхивая сон, и вдруг – налетает! Еще недавно солнце пылало, а тут откуда-то снизу всходит, клубясь, разрастаясь и темнея на глазах туча, ветер пронесется – ей в помощь – и стихнет, как только она все небо снизу подобьет, и начинает валить снег, зимой такого не бывает, крупный – глаз залепит, мокрый, хуже до-

жды, как ни стяхивай, до кожи пробивает. Но я уже знал, что это ненадолго, это Создатель последний снег сбрасывает, чтобы освободить тучи для первых весенних дождей, ну и схоронился. Лежу себе под елью – у вас ели-то есть, ну такие, разлапистые, иголки короткие, зеленые, даже зимой, есть? Это хорошо. Так вот, перележал под елью, смотрю – посветлело, все, думаю, на этот год хватит, выхожу, осматриваюсь – вдруг зайчишка выскочит, куда он от меня по такому снегу. Тут это и случилось, а уж как – я потом понял. Все было тихо-тихо, только ветки сверху чуть-чуть зашелестели, как от легкого ветерка, я и внимания не обратил, а потом – «ух» – и в тот же момент что-то сваливается на меня, тяжелое, как дерево, чуть спину не переломило – потом долго болела, и – темнота, безмолвная темнота. Ничего не вижу, лапами во все стороны рою, выбираюсь, отскакиваю в стойку, оглядываюсь – сугроб, обычный разрытый сугроб. Снег на еловых лапах налип, а потом обвалился, – засмеялся Волк.

– Да. Чуть-чуть похоже на лавину, – не поддержала его смех Волчица. – Только у меня все погибли под лавиной, – и чуть погодя, – под настоящей лавиной, я о ней тебе рассказывала, начала рассказывать.

– Извини, я не знал. Я еще так мало о тебе знаю. Ты рассказывай, мне ведь все интересно. Я не буду тебя прерывать.

– Это не страшно. Тебе интересно, с тобой интересно. Ты хороший. Хороший и немного смешной, – и Волчица, засмутившись, отошла в сторону.

– Что, что происходит?! Кто мне объяснит, а главное, кто ответит?! – кричал Директор в операторской, где все мониторы который день показывали одну и ту же картину: спокойно лежащих рядом Волка и Волчицу, изредка поворачивающих друг к другу морды, как будто при разговоре. – Десятый день Этот лежит пном-пень, пень-пном, – Директор, запутавшись, махнул рукой, – как сука последняя лежит. Да я бы на его месте!..

– Это – мысль, – протянул кто-то из окружавших его сотрудников.

– Вот это был бы гибрид!

– Глотки бы рвал – берегись!

– Какие кадры пропадают! – воскликнул главный оператор.

– С кадрами я и без вас разберусь, – вернулся в привычное русло Директор, – я с вами со всеми разберусь, если результата не будет.

– Так ведь, понимаете ли, дело тонкое, интимное, – начал объяснять один из сотрудников, молодой разбитной парень. – Его к нам откуда доставили? – задал он риторический вопрос. – Не побоюсь сказать прямо – из леса. Где просветительское влияние улицы, старших товарищей по школе, молодежных лагерей и просмотра специфических видеофиль-

мов в узком кругу в отсутствие родителей. Он же сирота лесная, не приобщенная к мирским утехам. А эта, цел..., ой, извините, девушки, нецелованная мамзель, раньше в монастырях больше знали. Вы правы, господин Директор, – только личным примером.

– Грудью на амбразуру мы всегда вас послать успеем, молодой человек. Что делать, яйцеголовые? Мария, ты у нас главная по Волку, давай рацпредложение!

– Мария! Мы знаем, твои познания в случае млекопитающих беспредельны в объеме институтского курса! Спаси – и я готов провести практический семинар со мной в качестве подопытного, – заблажил разбитной.

– Да ну тебя совсем, – раскраснелась Мария, – вечно ты об Этом, как будто ничего другого в жизни нет.

– Нет, Мария, авторитетно заявляю, – без твоя улыбки сказал Директор, – и простейшее доказательство – толпа этих муд, – он поперхнулся, – в общем, мудрых ученых, которые ломают голову там, где надо действовать.

– Да ничего не надо, – устало сказала Мария, – поместите их в большой вольер, оставьте в покое, сами разберутся.

– Тебе хорошо говорить. Сами разберутся, – передразнил Марию Директор, – а если не разберутся? Это же еще полгода ждать! Я правильно понимаю ситуацию? – не глядя, обратился он к окружающим, те согласно закивали. – Да где я буду через полгода!

– Что ж, придется обычным способом, – проговорил мол-

чавший до сих пор зам по науке, – техника искусственного осеменения освоена у нас на высшем уровне, многократно апробирована, доложена, защищена. Завтра сделаем.

– Вот-вот, обычным способом и завтра же! – Директор, немного успокоенный, покинул операторскую.

* * *

– Теперь ты понял, как меня взяли?

– Да, все как ты говорила: легкий удар и через мгновение не чувствуешь лап. А меня сетью взяли, я и не заметил ее. Много страшнее – хочешь вырваться, но с каждым движением запутываешься еще сильнее и, понимая, все равно рвешься и вот уже вскоре – лежишь и не можешь пошевелиться.

– Куда же ты так несся, что сетку не заметил? – с ревнивой подозрительностью спросила Волчица.

– Ее убили, я видел, – просто ответил Волк.

– Извини.

– Какое-то странное ощущение, – сменил после долгого молчания тему разговора Волк, – какая-то пустота внизу живота, как будто несколько дней не ел, но не так, не там.

– А у меня наоборот, как будто надули чем-то изнутри, но не так, зря.

* * *

– Ничего не получилось, – докладывали на следующий день Директору.

– А вы откуда знаете?

– Если для людей можно определить, то и для волков можно.

– А! В корытце пописала, бумажку опустила и – готово. Знаем-знаем! Теперь лапшу на уши не повесишь! Быстро и, главное, намного дешевле. Но не о том! Когда повторять будем?

– Да смысла нет – период уже заканчивается.

– Хр-р-р, – скрипнул зубами Директор, – черт с ними, переводите в вольер, надоели.

* * *

– Ты здесь живешь?

– Если это жизнь...

– Здесь лучше, чем в клетке.

– У тебя теперь есть сравнение.

– Сколько вокруг добычи!

– Это не добыча. Они такие же, как мы.

– Я понимаю.

– Интересно, – после некоторого молчания продолжала Волчица, – если представить вместо этих каменных коробок двуногих вокруг – горы, если убрать решетки, то будет похоже на мою территорию.

– Ты так жила? Я бы не смог! Как в коробке, как в большой клетке.

– Много ты понимаешь! Небольшая долина, окруженная горами. Небольшое озерцо посередке, туда стекаются ручьи с ледников, а в нем переворачиваются горы и кажется, что живешь будто в двух мирах. Много пещер, где всегда найдешь приют, и много добычи – козлы, зайцы.

– Ну не знаю, у меня на краю Территории тоже горы начались, я раз за козлом было сунулся – чуть шею не сломал. Нет, это не для меня! Мне простор любим, желанен, гонишь кого-нибудь – впереди поля да перелески, думаешь – беги, беги, не добежать тебе до края моей Территории. Простор!

– У нас, твоя правда, не разбежаться, входа-выхода никому нет. Но это как посмотреть! Во-первых, и двуногим ходу нет, мы их и не видели никогда, как в долины перебрались, только по сказкам и знали. А, во-вторых, выход всегда есть и не один. Пещеры сквозные, тесные или тропы скользкие, узкие, но выход есть. Мы их всегда искали и находили, запоминали, иногда по ним переходили в другие долины, кочевали. У нас большая Стая была. Добычи много – разрослась. У меня одной три брата, три сестры было! Уже охотиться начали! Но вот пришла великая лавина – пронеслась по небу

какая-то огромная птица, быстро, не махая крыльями, и так резко крикнула, всего один раз, но уши заложило и снег стал тихо сползать с вершин – и я одна понеслась прочь, не кружась, до самого озерца, там и отсиделась. Потом вернулась на привычное место и – никого не нашла, ни одного следа.

– Что в горах, что на равнине, не одно – так другое, исход один. Для нас.

– А кто-нибудь остался там, у вас, не из этой, а из предыдущей Стаи? – спросил после долгого молчания Волк.

– Предание гласит, что отец и мать матери были последними, кто ушел с равнин в горы. Поэтому они так гордились своей Стаей и уже решали, кто куда пойдет – кто дальше в горы, а кто и назад – на равнину. Но видишь, как получилось.

– Получилось, что мы здесь, далеко от твоих гор, далеко от моих равнин. Нам бы на волю, там бы мы создали свою Стаю...

– Как?

– Но ведь как-то они появляются! От свежего ветра, от запаха земли на проталинах или густого аромата летних трав, или от яркой луны в разводах елей?

– Я хочу туда, я хочу иметь Стаю. Как?

– Я пока не знаю, но я придумаю. Я верю, я знаю – я умру свободным. Рожденный свободным найдет способ умереть свободным.

Они дождались, пока все служители ушли, пока зажглось ночное освещение, дававшее мягкий полумрак в сиянии лу-

ны, пока дневные птицы и животные, пошелестев, устроились на ночлег, пока, перемигиваясь, начали засыпать берлоги двуногих.

– В это время я обычно бегаю, – немного смущаясь, сказал Волк, – лежишь тут целыми днями – за жиреешь.

– Давай! Я тоже застоялась.

Они понеслись по большому кругу, вдоль самой кромки рва, Волчица впереди, Волк, чуть сдерживаясь, на полкорпуса сзади. Запах, все усиливавшийся по мере бега, будоражил Волка, кидал его вперед, но в то же время удерживал на дистанции, там, где он был особенно крепок. Вдруг, не оборачиваясь, Волчица остановилась и Волк налетел на нее сзади, взгромоздившись грудью ей на спину. Он еще был весь в этой восхитительной погоне и продолжал по инерции рваться вперед, дрожа и подталкивая сзади Волчицу, и вот возбуждение фонтаном излилось из него и спало. Из заклинило и они, нежно обнимаясь, тихо простояли полчаса, пока набухшие мышцы не расслабились. Волк спрыгнул со спины Волчицы и вдруг его охватила такая радость жизни, такой восторг, что он принялся носиться большими кругами по вольеру, по щенячьи вскидывая лапы, а Волчица бережно отошла к привычному лежбищу Волка посреди вольера, легла и, посмеиваясь, стала наблюдать за Волком, счастливая.

На следующую ночь все повторилось: и неспешные разговоры, и бег взапуски, и резкая остановка в понятный только для Волчицы момент, и сладостное склещивание, и побед-

ный одинокий бег Волка.

На третью ночь они опять бежали по кругу, но запах, так будораживший Волка, пропал, и теперь он, как вожак Стаи, бежал впереди, а рядом, отставая, как положено, на голову, Волчица. Иногда она ласково покусывала его в плечо, призывая не поддаваться, и он, улыбаясь, прибавлял ходу, гордый, что еще много кругов Волчица ни на шаг не отставала от него.

* * *

– Нет, вы гляньте – как разнесло! – вещал пару месяцев спустя Директор во время еженедельного обхода вверенного ему объекта. – И некоторые осмеливаются утверждать, что у нас плохо кормят животных! Приведите сюда этого бумаго-мараку, я ткну его в брюхо этой Волчице!

– Ой! – только и смогла выдать из себя Мария, сокрушенно хлопнув себя ладонями по бокам.

– Такое со мной было первый и последний раз лет двадцать назад, – протянул зам по науке, – каждый день ведь мимо проходил, лежат себе и лежат, мне и невдомек. Докатился! Доадминистрировался!

– Что бы вы без меня делали, дармоеды! – разорялся чуть погодя Директор. – Все проспали, все профукали!

Все сотрудники, понутив плечи и тупо пересчитывая камешки возле ботинок, молча сносили брань – за дело!

– Все! Беру дело в свои руки! Немедленно разгородить вольер на служебной территории пополам, сделать дополнительный вход – два дня, ответственный – зампотех. Сразу по готовности перевести волков – отдельно! – в этот вольер, ответственный – зам по науке. Проверю лично – никому доверять нельзя!

– Зачем же их так быстро переводить? Как срок придет. Мы теперь с точностью до дня можем рассчитать, – промямлил зам по науке.

– С точностью до дня вы будете считать, когда ваша жена весной родит после летней поездки на курорт, – оборвал его Директор, – выполняйте!

На третий день Волк и Волчица лежали рядом в новом вольере, разделенные металлической сеткой.

* * *

Смотритель с трудом разлепил глаза, попробовал оторвать голову от подушки, но она двухпудовой гирей впечаталась в перину и попытка завершилась тем, что перед ним задрожали желто-коричневые кольца осиных телец и вот одна из них впиалась в левый глаз и, раздуваясь и подрагивая в такт биению его сердца, начала выгрызать нежную мякоть, затем ввинтилась в мозг и, продолжая раздуваться, быстро проделала ход до макушки. Наткнувшись на преграду, она заметалась в поисках выхода, все круша на своем пути. Смотри-

тель лежал без мыслей, неспособный пошевелиться, потому что оса, разъевшись до размера огромного шершня, походя смела мозжечок, пронзив смертоносным ядом спинной мозг. Пустая голова резонировала и гудела, как колокол, чутко реагируя на каждый удар осы-языка. Но вот, наконец, гудящая тварь нашла выход и, ужалив напоследок в левый глаз, вылетела вон.

– Хорошо хоть правый не тронула, – мелькнула первая мысль.

Он провел указательным пальцем по глазницам, брезгливо стряхнул прилипшие к нему затвердевшие крошки гноя из уголков глаз и как черепаха, медленно и не отрывая туловище от кровати, сместился к краю, пока левая нога не соскользнула на пол. Потом он уперся руками в матрац и бережно, как медузу, поднял и усадил себя. Откуда-то налетела стая попугаев и, пронзительно крича, захлопала разноцветными крыльями перед его лицом. Попугаи пропали столь же неожиданно, как и появились, и человек смог осмотреться, но не рискуя двигать головой, лишь осторожно поводя глазами. У окна клубился рой мошкар.

– Как над падалью. Что же там успело провонять за ночь?

Потом он понял, что это не мошкара, а кружащаяся пыль в столбе света, пробивающегося из-за неплотно прикрытых штор. А неприятный запах шел от стола, на котором стояла большая бутылка водки, несомненно пустая, две темные винные бутылки – «Это еще зачем?», несколько банок из-

под пива, тарелки с застывшими остатками еды, взрезанные банки консервов.

– Опять, наверно, бычок затушил в сардинах в масле.

По столу полз среднего размера еж с наполовину съеденным яблоком на спине.

– А этот добавил. Ежи да лисы, твари вонючие, ненавижу. Откуда же тебя черти принесли?

Забывшись он резко потянулся за тапочком, чтобы запустить в незваного гостя, но у него закружилась голова и он на мгновение закрыл глаза, чтобы не видеть как кресло, стулья, шкаф и торшер стаей мартышек понеслись куда-то вправо и вверх, с гортанными криками взбираясь по веревкам-лианам. Когда Смотритель открыл глаза, вся мебель стояла на своих местах, лишь сильно колыхалась от сквозняка занавеска из кусочков бамбуковых палок, издавая при столкновении резкий стук. Еж на столе превратился в пепельницу, битком набитую окурками, торчащими в разные стороны.

– Работу надо менять. Совсем крыша едет. Зоопарк даже дома мерещится. Или лечиться. Точно, надо поправиться, – Смотритель встал, добрал до стола и, держась левой рукой за столешницу, стал правой встряхивать по очереди все бутылки. Пусто. По счастью, одна из открытых пивных банок была почти полной. Смотритель выпил теплое выдохшееся пиво, постоял, прислушиваясь к реакции организма, и, удовлетворенно хмыкнув, направился в ванную комнату.

В углу стоял пеликан с широко раскрытым клювом в ожи-

дании утренней порции рыбы. «Обойдешься», – процедил Смотритель и стал осматриваться, расстегивая ширинку. Когда его взгляд, сделав полукруг и не зацепившись за нужное устройство, вернулся к пеликану, тот предстал унитазом с опущенным стульчаком и поднятой крышкой. Мужчина пустил напряженную темно-желтую струю.

– Вот ведь бесполезная и вредная птица. Цапнул тот раз за палец, так неделю на сардельку был похож, а если здесь ущемит...

В этот момент необъятная глотка пеликана с грохотом захлопнулась. Смотритель дернулся назад, забрызгав упавшую крышку и брюки.

– Будь ты неладен, – в сердцах воскликнул он и, опасливо обходя унитаз, встал над краем ванны, прервавшаяся от страха и неожиданности струя полилась вновь, но как-то нехотя и не принося сладостного чувства облегчения.

Смотритель вернулся в комнату, с радостным удивлением нашел на столе недопитые полстакана водки и, уже поднеся стакан ко рту, замер: на его кровати спала пантера, вытянувшись под простыней во всю длину кровати.

– Это тебе не попугайчики с ежиками. Пора линять, – Смотритель одним махом влил в себя содержимое стакана и стал быстро, стараясь по возможностям утреннего состояния ничего не задеть, пробираться к входной двери.

– У, пьянь, с утра пораньше, – донеслось ему в спину рычание с кровати. Пантера приподнялась, потянулась, прове-

ла лапами по иссиня-черной гриве и превратилась в Нинон, бывшую жену Смотрителя, приходившую иногда к нему, в смурные моменты жизни, выпить и, если удавалось вовремя возбудить Смотрителя, немного, по-семейному заняться любовью.

– Ну, Нинон, ты даешь. Нельзя же так людей пугать, – Смотритель перевел дух.

– Чем же это я тебя так напугала? – Нинон поудобнее уселась на кровати, не обращая внимания на сползшую простыню, обнажившую сильно отвисшие груди, протянула руку к стулу, стоявшему рядом с кроватью, взяла пачку сигарет, раздосадовано пошарила в ней пальцем – последняя! – и закурила, стряхивая пепел в освободившуюся пачку. – Да ты, голубчик, поди не помнишь, что вчера-то было! – догадалась она. – Хорош, нечего сказать! Ты хоть помнишь, что я здесь, или только что обнаружил? Диагноз ясен, будем лечить, как говорит мой любимый врач, гинеколог. Хорош, хорош... Как за расставание пили, как на коленях ползал, умоляя остаться, как плащ запер в шкаф и ключ в окно выбросил?! – начала заводиться Нинон и в голосе ее стали проскальзывать визгливые истерические нотки.

Смотритель смущенно переминался с ноги на ногу.

– Да, в общем, помню все в целом. А на улицу пошел ключ искать, – нашелся он.

– Это ты своим жирафам в зоопарке лапшу вешай на уши со стремянки. До них долго доходит, авось поначалу и пове-

рят.

Упоминание о зоопарке сразу вывело Смотрителя из себя.

– Да я лучше целыми днями дерьмо в слоновнике буду выгребать, чем с тобой пять минут разговаривать. Тут на край света сбежишь, коза бесплодная, – Смотритель, не затягивая, сразу ударил в самое больное место.

– Уж чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Не держится семя твоё поганое, пропитое. Я же с чем к тебе вчера пришла: две недели назад опять скинула, седьмой раз уже, – взвыла она. – Все, хватит, не могу больше. Все, все... Найду себе нормального, непьющего да ласкового, рожу ему ребеночка, кутеночка маленького. Буду как все!

– Ты на себя в зеркало посмотри, кому ты нужна, такая ехидна. Ты и ко мне уже три года после развода шляешься, потому что один я могу столько выпить, чтобы тебя покрыть. И деньги с меня сосешь, сама ничего не можешь – не руки, а лапы моржовые, и мозги куриные. Одно достоинство – сиськи большие, да и то у некоторых телок побольше и не болтаются у пупка. А у меня работа, квалифицированная, уважаемая и хорошо оплачиваемая.

– Да уж, квалифицированная – дерьмо выгребать! Да уж, уважаемая – только почему-то все больше вечером, а то ты своим свинячьим рылом всех посетителей распугиваешь. А то я не знаю, чего ты там работаешь. Ты ж садист! С людьми тебе не справиться, только и можешь как шавка облезлая брехать, да любая мокрощелка тебя соплей перешибет, а там

ты царь и Бог, среди тварей бессловесных. Они и так неволей забиты, а еще ты добавляешь. Все, ухожу.

Она встала, натянула комбинацию и направилась в ванную комнату. Смотритель поднял было руку, чтобы ударить ее, но пантера повернула в его сторону голову, блеснула глазами, угрожающее зарычала, слегка обнажив клыки, и Смотритель испуганно отдернул руку и прижался к стене. Пантера пренебрежительно махнула лапой, разодрав ему душу. Истекая кровью, он прошел в комнату, сел в кресло, понутив голову, и так и просидел все время, пока Нинон с грохотом не захлопнула входную дверь.

Рана горела и он, с трудом застегивая пуговицы, оделся, сходил в ближайшую больницу, где врач в белоснежной поутреннему свежей рубашке, спокойно и уверенно стоявший за высоким узким столом, понимающее кивнул, налил большой бокал лекарства: «Это поможет, старина». Действительно помогло, но ненадолго, и когда Смотритель вернулся домой, предусмотрительно захватив с собой несколько бутылок лекарства, душа вновь запылала. Он решил промыть рану, но ни горячая, ни холодная вода не принесли облегчения. Смотритель вышел из душа, залил рану изнутри бутылкой лекарства и замер в оцепенении. Царапины снаружи подсохли, но внутри началось нагноение. Он яростно сдирал засохшие бляшки, копался в живом мясе грязными пальцами, но вытекала лишь кровь, а весь гной оставался внутри.

На работу он пришел вовремя, не говоря никому ни слова,

переоделся в аккуратный синий комбинезон и направился к вольерам. Он привычно махал метелкой и лопатой, выскивая, на ком сорвать злость, но звери, чувствуя его взвинченное состояние и отталкивающий запах, забивались в малодоступные уголки. Так он дошел до вольера Волчицы, которая, сильно отяжелевшая и неповоротливая, печально лежала посреди вольера, положив голову на вытянутые лапы.

Она никак не отреагировала на появление Смотрителя, лишь приоткрыла на мгновение один глаз, Волк же, инстинктивно почуяв исходящую от Смотрителя опасность, подошел к перегородке и стал внимательно следить за ним, вслушиваясь в неясное бормотание.

– Разлеглась, сука заморская. Ишь, фифа, и спецрейс ей, и кобель наизготовке. А она и рада задницу отклячить. Все вы шлюхи, все как одна, сучье племя. Тут и мясо ей лоханками таскают, да такое, что мне не по карману, и фельдшера крутятся так, как вокруг геморроя у президента, и телекамеры, разве что интервью не берут, хорошо еще убрали те две, ночные, все случку снимали, извращенцы, пидоры. А ты и рада стараться. Понимаешь, фря заграничная, что за все платить надо. И этот туда же, кабысдох, – Смотритель неожиданно ткнул в направлении Одинокого Волка метелкой, похожей на сказочную двадцатипалую руку. Волк отпрянул от прошивших перегородку металлических когтей и грозно зарычал, встав в боевую стойку. – Рычи, не рычи, не достанешь. Ты вообще здесь лишний, сделал свое дело и тихо жуй пайку в

углу. Теперь другие с твоей сучкой и щенятами развлекаться будут.

Смотритель повернулся к Волчице и вдруг увидел на ее месте растянувшуюся прямо на грязном полу Нинон, такую, какой она была, когда все-таки доходила до родов, но ребенок умер в первый же день от какого-то врожденного дефекта сердца.

– И ты, шлюха, туда же. Нашла, смотрю, себе нормально-го, непьющего да ласкового, – вспомнил он бывшую когда-то – когда? – ссору и, не помня себя, ударил тяжелым башмаком в живот Нинон. – Получай!

Волк в исступлении метался по своей половине вольера, со всей силой налетая на перегородку и расшатывая ее даже тогда, когда Смотритель, пошатываясь, ушел, автоматически заперев за собой калитку. Наконец, один из временно поставленных столбов накренился и Волку удалось аккуратно, не попадая лапами в крупные ячейки провололочной сетки, добраться до самого верха, при этом перегородка под его тяжестью еще больше прогнулась, не помогая, а скорее мешая своей неустойчивостью, и вот, тщательно упершись лапами в ячейки, он совершил последний прыжок, вперед и вверх, немного разодрав живот о торчащие концы плохо заделанного верхнего края перегородки. Наверно, в том состоянии, в котором он находился, он мог бы выбраться и на волю, по крайней мере, на опустевшие аллеи зоопарка, но он прыгнул и приземлился на четыре лапы точно посреди соседнего во-

льера, рядом со своей подругой.

Она лежала на земле в растекающейся луже крови, в которой перекатывались большие ошметки плоти, или это казалось, что они двигаются в мерцающем от колышущихся деревьев свете луны. Волчица приоткрыла глаза. Волк уже видел такие глаза, подернутые влажной мутноватой пленкой, давно, у матери, когда она попала в капкан. Были они и у его жертв, там, на воле, но только в самый последний момент, когда из них уходил страх перед ним и оставалось только понимание, что дальше ничего уже не будет, покорная готовность принять это и легкая грусть о прошедшей жизни, в которой у всех было что-то хорошее, много хорошего, о чем можно было сожалеть. Их взгляд постепенно уходил внутрь, в тот мир, который они носили в себе, отгораживаясь от привычного, суетного, но прекрасного мира, окружавшего их. Волчица же подняла глаза к небу, так, чтобы не видеть стенки вольера и нависающие над зоопарком гигантские муравейники людей, а видеть только огромное бескрайнее небо, которое, сколько она себя помнила, накрывало искрящимся покрывалом ее свободную землю, от горизонта до горизонта, и было для нее символом свободы, которую она потеряла и которая была самым большим счастьем в ее жизни.

Из Волчицы продолжала медленно течь кровь, но Волк ничем не мог ей помочь, ведь раны не было, то, из чего текла кровь, не было раной, не могло быть раной и вызывало в нем совсем другие ассоциации.

И стоя над угасающей Волчицей, Волк поднял голову и завыл. Завыл от сознания своей беспомощности, от острого чувства грядущего тоскливого одиночества, от в одночасье пришедшего понимания того, что и ему не суждено вновь увидеть родные леса и поля, вновь ощутить радость свободного бега, что свобода вернется к нему только в последнем взгляде на бескрайнее небо. Этот вой несся над городом, врываясь в уютные гостиные с сидящими перед телевизорами обывателями, в спальни со сладко посапывающими в первом сне детьми, в кабинеты людей, бегущих по бесконечному беличьему колесу работы, достигал влюбленные парочки и степенно выгуливающих собак горожан, вселяя мистический ужас и острую тоску по утраченному, чему-то очень важному, но забытому в суете жизни.

Часть третья

Мария омывала слезами бледные серые комочки, лежащие на кровавой подстилке. Она перебирала их, разрывая родовые пузыри, нежно массировала пальцами, пытаясь обнаружить жизнь, готовая вернуть их к жизни при малейшем намеке на пробивающие тонкую грудную клетку всплески сердца, но все тщетно. Тельца лишь скупое хранили угасающее тепло. Но вот последний, маленький, подал сигнал. Или ей показалось в этом месиве. Она схватила его, ласково обтирая, вырвала из кофты нитку, перевязала струящуюся бечевой пуповину, перекусила ее у стяжки и, не обращая внимания на кровь, засунула комочек к самой груди, в теплую уютную ложбинку и побежала к ветеринарному блоку. «Только бы успеть!»

Потом она яростно мяла комочек, пока он не выплюнул ошметок какой-то слизи и не задышал тяжело, но свободно, протерла его губкой, смоченной теплой водой, кипяченой и одобренной всяческими дезинфицирующими средствами, и поместила в барокамеру, всегда стоявшую наготове на случай непредвиденных обстоятельств, обложив ватой, чтобы не простудился.

– Не повезло тебе, конечно, Волчок, сестер-братьев лишился и материнских молока-ласки, – приговаривала Мария, перемешивая в миске молоко, сырое яйцо и немного крепкого чая, – но, с другой стороны, не в лесу это произошло, а среди людей, мы тебе поможем, выкормим, вырастит у нас Волчок Волком на заглядение.

Она перелила смесь в бутылочку с соской, приложила ее к внутренней стороне руки – теплая – и дала Волчку. Тот яростно зачмокал и в несколько секунд опустошил бутылочку.

– Ему бы кормилицу или как там это у них или у вас называется, – сказал наблюдавший за кормлением Директор.

– Да уж пробовали! У нас у Антона, ну у техника, вы знаете, наверно, сука породистая оценилась, колли. Колли – они хорошие, но хозяев долго уговаривали, не хотели постороннего подкладывать. Еле уговорили, пообещали надзор за щенками и полный пансион, все сертификаты за наш счет и прививки. Согласились. А она ни в какую. Подложили – она отпихивает, не только его, но и своих, рядом с ним. Мы уж Волчка и подстилкой из-под нее терли, и молоком ее собственным смазывали – не помогает. Не признает. Так и отправили домой. Антон был очень недоволен. Вы уж как-нибудь отметьте его – старался человек.

– На таких условиях и я бы постарался, – буркнул Директор.

– Есть еще два варианта, – продолжала Мария, – у нас тут сука оценилась рядом с зоопарком, дворняжка, симпатичная такая, может быть, с ней попробовать?

– Ну эта, понятно, за еду да кров вообще что угодно делает, но у этой... подзаборной, весь букет болячек, от триппера до туберкулеза, ну, в смысле, аналогов собачьих. Мы не можем рисковать!

– Это, конечно, верно, но Волчка жалко. Ему бы настоящую сиську пососать.

– Сейчас уж люди-то забыли, как это делается, и ничего – живут. Так что не надо! А второй вариант?

– К тигрице можно подложить. Говорят – это проходит. Ну не с тигрицами, конечно, с кошками, но тигрица – она же...

– Она его разорвет и не заметит. Вы чего-то не понимаете, Мария. Это же эксперимент...

– ...всемирного масштаба, – dokonчила Мария, – ладно, так выкормим. Я постараюсь.

* * *

– Молодец, Волчок, глазки открыл. Я уж три дня жду, думаю – что не так, семнадцатый день пошел, а ты все ленишься. Посмотри на мир, тебе в нем жить долго-долго. Весь этот

мир – твой. Давай я вынесу тебя, – приговаривала Мария, заворачивая Волчка в одеяльце, – посмотри: небо – синее-синее и белые облачка барашками бегут, вот вырастешь, будешь за барашками бегать. А вот деревья, зеленые, а тополь уже пожух, а по весне он нежно-зеленый и сочный и роняет такой легкий белый пух, ласковый, как твоя шерстка. А вот – воробушки, слышишь, как чирикают, подрастешь, они будут тебе рассказывать сказки. Ну что, закрыл глазки, устал. Пойдем, поспи, ты сегодня увидел мир.

* * *

– Вы посмотрите, какой молодец! – возбужденно докладывала через месяц Мария заму по науке, – Сорок семь дней – семь килограмм двести двадцать грамм!

– Это – до кормления или после, – усмехаясь, поинтересовался Зам.

– После, – смешалась Мария.

– А до?

– Шесть килограмм семьсот тридцать грамм, – упавшим голосом сказала Мария, – он съел двести грамм мяса, свежего, я кусочками мелкими покрошила, молока с яичком и сахарком, две ложечки, бутылочку этого выпил, ну и потом немного водички.

– Чтоб мне так есть! – рассмеялся Зам. – Здоров мужик, а ведь совсем слабеньким был.

– А какой вымахал! Посмотрите, какой красавец! – и Мария, подхватив Волчка под грудки, стала крутить его перед Замом.

– Чужие дети растут быстро, – улыбнулся Зам.

– Какой же он чужой? – удивилась Мария.

– Свои еще быстрее, – ответил Зам и опять улыбнулся, много печальнее, – Вы молодец, Мария! Только сахару в дальнейшем не давайте и побольше движения. Успехов!

* * *

Через несколько дней Мария, с опаской, впервые внесла Волчка в вольер к Одинокому Волку.

Волк после той страшной ночи впал в какое-то оцепенение, не очень заметное служителям зоопарка, но четко уловленное обитателями. Он, как и прежде, целыми днями лежал вытянувшись посреди вольера, иногда как бы нехотя подходя к площадкам с водой и едой, но вечерами, когда зоопарк затихал под угасающим солнцем, он не начинал носиться кругами и зубоскалить с соседями, а тихо сворачивался в клубок и засыпал или делал вид, что спит. Даже его мечты о свободе сникли под гнетом безнадежности.

Мария опустила Волчка на землю метрах в двух от Одинокого Волка. Волчок сильно вытянулся в длину, но бегал еще не очень уверенно, смешно переваливаясь на коротковатых для его тела лапах и часто приземляясь на раскорм-

ленное пузо.

– Ты кто? – спросил Волчок, подкатившись к Волку.

– Я – Волк, – ответил тот, с удивлением разглядывая маленького щенка, такого по родному серого, с пропадающей черной полоской вдоль хребта и милой рыжинкой на боках.

– А я – Волчок! – звонко представился щенок и радостно ослабился.

– Волчок? – Волк долго всматривался в щенка, стараясь потушить волны надежды. – Волчок... А где твоя мама, Волчок?

– А что такое мама?

– Мама? Это та, которая тебя кормит еще до того, как ты осознаешь себя на этом свете, которая тебя учит всему – ходить, говорить, играть, охотиться, которая тебя любит просто за то, что ты есть.

– В таком случае, вот – моя мама, – громко крикнул Волчок, кивая в сторону Марии.

– Нет, Волчок, она не может быть твоей мамой. Я тебе не сказал еще одно обязательное условие для мамы – она должна тебя родить.

– Это как? – удивился Волчок.

– Мне тяжело объяснить это, – смутился, не находя слов, Волк, – я расскажу тебе потом. Потом, когда ты подрастешь. Но мама должна быть похожей на тебя, правильнее, ты должен быть похож на маму. А ты похож, Малыш, – добавил он немного погодя и Волчок, почувствовав ласку в голосе,

подошел к Волку и ткнулся ему носом в шею, разом неосознанно найдя Дом, Семью и Стаю.

Волк тоже с невыразимым блаженством обнюхал щенка, лишний раз удостовераясь в первом впечатлении, но, следуя Законам Стаи, построжел: «Ты говоришь на языке двуногих, Малыш! Нехорошо.»

– А разве есть другой язык?

– Действительно, откуда тебе знать другой язык? – согласился Волк с грустью. – Приходи ко мне чаще, я научу тебя настоящему языку. Я многому тебя научу, Малыш.

– Мне нравится быть Малышом!

– Смешной парень! – думал Волк, провожая взглядом Марию, уносившую Волчка, которому пришел срок кормления и сна.

* * *

На следующий день, едва Мария ступила на землю вольера, Волчок соскользнул с ее рук и, выбрасывая далеко вперед передние лапы и сильно отталкиваясь задними, отчего его круп подскакивал мячиком, подкатился к дремлющему Волку, припал на передние лапы перед его мордой и несколько раз крутанул хвостом, приглашая играть. Волк приоткрыл глаза, как будто только что обнаружил присутствие щенка.

– Привет, Малыш. Ты сильно вырос за ночь, – сказал Волк, чтобы затем долгие месяцы встречать пробуждение

сына этой шуткой.

Обрадованный лаской щенок запрыгал перед Волком. Конечно, это трудно еще было назвать прыжками. Он немного отползал, пятясь задом, потом отталкивался и, пролетев немного по воздуху, звучно плюхался на все лапы и круглый живот. После одного из таких прыжков он чуть было не врезался в Волка и тогда тот, просунув нос под грудь щенка, резким движением отшвырнул его от себя. Волчок несколько раз перекувыркнулся, больно ударившись о торчащий камень, и жалобно заскулил, но, встретив неодобрительный взгляд отца, превратил скулеж в радостное повизгивание и побежал обратно: «Я все понимаю – это игра такая. И мне совсем не больно.» Еще много раз в тот день Волчок кубарем катился по земле, с каждым разом все лучше группируясь и все увереннее вскакивая на лапы.

Потом игра ему наскучила и он отправился изучать свою новую Территорию.

– Места-то сколько! Бежать – не перебежать. Да один домик больше, чем моя клетка. А воды-то! Купайся – не хочу. Вот бы где жить. Хоть всю жизнь.

Когда Мария уносила щенка, Волк даже немного обрадовался. Неумная энергия Волчка утомила его. Он отвык от суеты и непрерывного мельтешения. Они мешали ему думать. И вспоминать.

Звякнула щеколда калитки. Волк прикрыл глаза.

Привыкание протекало долго и непросто. Волчок каждое утро требовательно скреб пол у дверей своей клетки и, едва попав в вольтер, начинал носиться, призывая Волка следовать за ним. Набегавшись, он жевал, не в силах раскусить, большие жесткие куски мяса из миски, стоявшей возле домика, вволю отпивался и мгновенно засыпал, привалившись к Волку.

У Волка оцепенение спадало медленно и рывками. То он вскакивал и начинал играть с Малышом, гоняя его по кругу и изредка сбивая с ног, чтобы добродушно посмеяться над катящимся по земле серым клубком, то вдруг в разгар игры останавливался, понуро отходил на свое место посреди вольтера и застывал, никак не реагируя на призывы Волчка. Но щенок подрастал, вытягиваясь вверх, быстро освоил волчий язык и уже частенько ставил Волка в тупик своими вопросами. В конце концов, Волк просто привык ощущать мерное дыхание сына возле себя и вот в один из дней, когда Мария вечером обыденно направилась к Волчку, чтобы забрать его на ночь, Волк лег на ее пути, как в былые времена, вытянув вперед лапы и высоко подняв голову. Мария попробовала обойти его, но Волк лишь тихо рыкнул и Мария остановилась, смешавшись, но радостно смешавшись: «Давно пора!»

– Что, я теперь буду всегда жить здесь? – радостно спросил Волчок.

– Надеюсь, не всегда, – немного грустно ответил Волк.

– Но я хочу здесь!

– Здесь или со мной?

– Здесь с тобой!

– Какой же ты еще глупенький. Ты путаешься даже в простейших словах: жить, хочу, здесь, с тобой.

– Но я буду с тобой, всегда?

– Да, пока я жив, обещаю.

– А что такое жив?

– О чем я тебе и говорил. Ты даже не знаешь, что такое жизнь.

– Почему, знаю. Жить – это дышать, это бегать, это радоваться свету днем и дрожать от шорохов ночью, успокаиваясь от прикосновения к тебе.

– Хорошо говоришь, Малыш. Так вот, я буду с тобой, пока дышу, пока глаза мои видят свет. Ты доволен?

Да.

* * *

– Ну, бежать, бежать, бежать. Что ты опустил хвост, как будто тебя поносом прохватило и ты защищаешь разгоряченную задницу. Подними его. Вот так! Ну что ты закрутил хвост, как белка, ты же не собака. В струнку! В линию! Только чуть приподними, как вожак. И пошел, пошел. Ходят только лапы, шея, спина, хвост – все единое целое, как бы не двигаются, только лапы, раз-два, раз-два, вот так, молодец! Так ты пробежишь дневную норму и даже не запыхаешься. Пусть не очень быстро, но очень долго, оленя или сохатого перебегаешь. Только лапы, раз-два, раз-два. Давай за мной!

* * *

– Но мы же на охоте! Здесь прыжками! Вперед и вверх. Подтягивай задние лапы. Смотри еще раз. Выбрасываешь тело вперед, вперед и вверх. И тянешься в прыжке, а перед приземлением подтягиваешь задние лапы так, чтобы они приземлились сразу вслед за передними, отпечаток получается – четыре лапы рядом, видишь. И из этого положения опять – вперед и вверх, и все по новой, и все сильнее в самом конце, перед последним прыжком, и вот последний, вперед и вверх, но уже к горлу. Рывок, резанул и – не останавливать

движения. Если добыча припала, подломила передние ноги, быстро развернулся – и новая атака, вперед и вверх, уже на-верняка, не отпуская.

* * *

– Опять промахнулся! Ты должен коснуться передними лапами моей шеи. Я же не олень! На оленя надо прыгать выше. И не опираться на мою спину. В поле у тебя такой спины не будет. Только ты – и олень. Который, между прочим, в пять раз тебя тяжелее, и если бы не несся, одурев от страха, да еще призвал бы свою стаю, которая, спасая свои шкуры, улепетывает впереди, разделался бы с тобой в два счета. Понял: на оленя и лося – только Стаей, если идешь один, так и иди один на один, в стадо не суйся, а лучше Стаей на одного, и нападай слева – не сзади, избави Создатель! – резким ударом, не висни, резанул – и в сторону, главное – попади, иначе ты не вожак. Потом, когда ноги подломились, можешь подойти спереди и прикончить, и напиться крови, и обязательно дать Стае ее долю.

Давай еще раз. Вот так, чуть заметное касание. Молодец. Помни, что олень в конце тоже начинает двигаться прыжками и надо соразмерить свои прыжки с его. Итак, идешь с той же скоростью рядом, с левой стороны, соразмеряешь бег, как единое целое, и вот – прыжок, вперед и вверх, удар и движение дальше, вперед.

Давай еще раз.

Давай еще раз.

Давай еще раз.

Ну ты меня загонял! Прикончи старика!

* * *

Волк и Волчок стоят напротив друг друга, почти касаясь мордами. Волк резко бьет щенка лапой по плечу и тот кубарем отлетает в сторону, но немедленно молча поднимается и опять встает в стойку. Удар справа, опять справа, слева, справа, справа, потом три раза подряд слева. Волчок пытается угадать направление удара и отскочить. Иногда это удается и лапа отца со свистом вспарывает воздух, иногда нет и удар в этом случае получается еще весомее. Но он не жалуются.

– Смотри внимательнее! Для того, чтобы ударить правой, я напрягаю левую и как бы переношу свое тело на нее. Учись улавливать это напряжение и отпрыгивай в ту же сторону. Давай еще раз.

– Пойми, что твой противник, я в данном случае, тоже следит за твоими лапами. Не считай противника глупее себя – костей не соберешь. Он тебе врежет по опорной или, того хуже, рванет, а ты ею даже пошевелить не сможешь. Стой расслабленно до последнего мгновения, пока он не обнаружит своих намерений. Потом отскок и – немедленная атака,

в горло, как раз над его опорной. Но это позже. Это отдельная наука.

Через несколько дней Волку надоело безрезультатно рассекать воздух, слушая залиvistый смех Волчка.

– Как я тебя! Давай еще раз, – крикнул Волчок, заняв привычную позицию.

– Ну давай, – ухмыльнулся Волк и неожиданным резким ударом носа под челюсть опрокинул щенка, только зубы лязгнули.

Волчок медленно поднялся, обескураженный.

– Давай еще? – посмеивался Волк.

– Ничего не понимаю, – сокрушенно сказал Волчок после третьего кульбита подряд.

– Тебе покажется это странным, но мы, волки, хуже всего видим то, что у нас непосредственно перед глазами. То есть видеть-то видим, но резкое движение доходит с каким-то опозданием, а много ли надо для удара. Поэтому ты, когда ожидаешь атаки, слегка поводи головой из стороны в сторону, так ты будешь лучше видеть противника.

– Но ты же учишь, что волк должен нападать первым!

– Это я могу нападать первым, да и то до поры до времени. А ты еще очень молод и противник может оказаться сильнее тебя.

– Что-то я не вижу здесь таких противников, – хвастливо сказал Волчок.

– А я и не говорю про здесь.

– Мы что, переезжаем? – возбужденно спросил Волчок.
– Надеюсь...

* * *

– Отец, вот ты разговариваешь с другими зверями, птицами, а потом передаешь мне всякие забавные истории, рассказанные ими. Я тоже хочу так, но не могу. Я бы с радостью поболтал с теми же пекари, пусть они и свиньи, ведь мы выросли почти что вместе, рядом, всего через две решетки. Им хорошо, их много, им весело, до меня доносится их задорное похрюкивание, но я ничего не понимаю.

– Ты не умеешь слушать, Малыш. Если я вижу, что какой-то пусть неизвестный мне зверь обращается ко мне, не злобится, не угрожает, а хочет просто познакомиться, поговорить о жите-бытье, я открываю навстречу ему уши и душу и вот из урчания, пыхтения, того же хрюканья, стрекота, писка вдруг начинают вычленяться слова и до меня доходит смысл сказанного, не полностью, конечно, у каждого есть какие-то свои ненужные звуки, которые он постоянно произносит, разрывая мысль, но, наверно, ему так проще говорить. Надо научиться пропускать это мимо ушей.

– Интересно! Я обязательно попробую. Но я же не смогу им ответить, не буду же я стрекотать как сорока или цокать как белка.

– И не нужно. Говори открыто и приветливо, говори, как

говоришь, может быть, чуть помедленнее, поаккуратнее, не глотай половину слов, а то когда ты начинаешь что-нибудь рассказывать взахлеб, даже мне бывает тяжело тебя понять. И – все. Если они захотят тебя понять, они поймут. Мы ведь все говорим на одном языке, языке Природы, но Создатель дал нам разные голоса, чтобы наполнить живыми звуками леса, поля и небо.

* * *

– Зачем все это?

– Это тебе пригодится на свободе.

– Что такое свобода?

– Свобода?.. Это когда все преграды, которые тебе встречаются в жизни, воздвигнуты природой, Законом или тобой самим.

– Это очень сложно для меня. Я не понимаю.

– Я понимаю, что ты не понимаешь. Мне тяжело это объяснить тебе. Свобода внутри тебя, внутри меня. Мне трудно объяснить тебе то, что я чувствую. Это надо впитать, вобрать в себя или, что правильнее, вызвать изнутри это забытое, забытое чувство. Вот посмотри. Вокруг тебя решетка, за рвом, назовем ее преградой. Кто ее создал? Не суть, что двуногие, сейчас главное, что не ты. Если бы не было этой преграды, чтобы ты сделал?

– Пошел бы подрался с пекари, они что-то слишком рас-

хрюкались последнее время!

– Ну а потом?

– Не знаю, сбегал бы вон к тому дальнему вольеру, я не знаю, кто там.

– Глупыш... Как объяснить тебе, рожденному в клетке, как рассказать, чтобы ты представил бескрайние просторы моей, нет, нашей Территории? Горы – край земли, из-за которых восходит солнце, и широкая река на закате, такая широкая, что на другом берегу ты не разглядишь белку на дереве, и множество ручейков и речек, которые дают тебе рыбу, когда нет другой добычи, и чистую воду, чтобы напиться после охоты. На холод, до территории медведей, целый день хорошего бега, и это летом, по траве. И на тепло тоже целый день хорошего бега, там, у границы лесов, заканчивается наша Территория, но не кончается земля, гладко убегает до самого видимого края, но и там не прерывается, а по преданию стелется еще много дней пути до самого Крайнего моря. Но я туда не ходил, и родители мои не ходили, и другие волки из нашей Стаи, пока она была, не ходили. Мы сами установили границу нашей Территории, как бы собственную преграду по границе лесов, и все обитатели леса знают ее, и признают, и уважают. А внутри своей Территории ты можешь делать, что хочешь: бежать куда угодно, охотиться, искать новые лежбища, обследовать неизведанные уголки, ведь она такая большая – всей жизни не хватит.

– А Закон? Что такое Закон?

– Закон – он для Стаи. Ведь в Стае есть старые и молодые волки, волчицы, волчата. Они собираются вместе в тяжелое время, зимой или в плохой год, когда мало добычи, чтобы вместе охотиться, помогая друг другу выжить. В Стае волк находит свою волчицу, которая будет матерью новых членов Стаи. Предки передали нам правила, как должна жить Стая, чтобы все было по справедливости, чтобы Стая росла, а не погибла из-за раздоров. Вот все эти правила и называются Законом. И все в Стае подчиняется этому Закону, даже если иногда он в чем-то им и не нравится.

– А если я не хочу подчиняться Закону? Если я хочу быть свободным?!

– Если ты нарушишь Закон – тебя убьют, если просто не захочешь подчиняться – изгонят из Стаи. Тогда ты будешь свободным одиноким волком. Это самое большое несчастье в жизни волка.

* * *

Много лун истерлось до ободка. Деревья, недолго покрасовавшись в девичих разноцветных сарафанах, застыли черными вдовами и вскоре поседели от серого городского снега. Пруды и рвы по привычке затянулись толстыми прозрачными панцирями, забыв, что в них нет жизни, которую надо защищать. Земля безуспешно пыталась укрыться легкой белой периной и всласть поспать после летней страды, но тепло,

идущее от города, взявшего ее в кольцо, наполняло перину влагой, и земля коченела, мертвела. Прошла весна, одевшая землю и деревья в яркий зеленый наряд, но ненадолго – посерел он от пыльных летних будней и даже частые дожди не могли отмыть его. Вот и лето истекло жарой и солнце, при томившись, с каждым днем все раньше уходило на покой.

И в этом потоке времени как-то незаметно Волчок превратился в Молодого Волка.

Он сильно вырос, догнав отца, но не было еще в нем той мощи, которая исходила от Волка в первые дни несвободы. Не так широка была его грудь, хотя он уже почти всегда сбивал отца с ног при прямом, грудь в грудь, столкновении за счет резкого разбега и катапультирующего отталкивания при последнем прыжке. Не было той выносливости, хотя он не раз всю летнюю ночь наматывал круги по краю вольера, не сбиваясь и не сбавляя хода. Он мог проплыть столько кругов по рву, не касаясь лапами стенок, что этого с лихвой бы хватило, чтобы пересечь самую широкую реку, которую когда-либо видел Волк – ту, на закатной стороне их Территории. Он мог запрыгнуть на крышу их домика и удержаться на скате в любую погоду. Он мог на полном ходу развернуться в прыжке и уверенно приземлиться на все лапы в боевую стойку, готовый к защите или встречной атаке на преследователя. Он мог без всякой видимой подготовки молниеносно прыгнуть с места на длину туловища в любом направлении, вперед или вбок, и впоследствии противник часто осознавал,

что Волк куда-то исчез, только когда в него вонзались острые клыки. Он всю зиму проспал на снегу, с подветренной стороны домика, научившись сворачиваться клубком и укутывать лапы и нос пушистым хвостом, и когда ему случалось заходить в домик, у него уже через несколько вздохов начинало теснить в груди и он вылетал на свежий воздух.

– Вот-вот, – приговаривал Одинокий Волк, – а мне и здесь дышать нечем. Вот бы в лес, так бы и полетел.

Одинокий Волк передал сыну весь свой опыт охоты, все, что он когда-либо слышал о повадках зверей, и очень опасался, что большая часть этих теоретических знаний выветрится из головы Молодого Волка при первой же настоящей погоне. Ведь и сам он дважды ошибался.

Всей охоты в жизни Молодого Волка только и было, что ловля птиц. Ему минуло пять лун, когда он впервые почувствовал вкус горячей крови и ощутил трепет живого существа, это восхитительное биение по языку зажатой в зубах добычи. Он поймал голубя. При зоопарке кормилось множество воробьев, голубей и даже ворон, которых не удавалось отвадить никакими способами – не травить же их в окружении ценнейших экспонатов – и которые уделывали все постройки и заборы как на каких-нибудь островах-гнездилищах. Они воровали остатки еды из мисок и яслей и подбирали большую часть кусков хлеба, которые посетители щедро кидали во все вольеры, даже волкам. Голуби были неповоротливы и глупы, но не настолько, чтобы устраиваться обе-

дать прямо перед мордой дрожащего от возбуждения волчонка. Поэтому самое сложное в этой охоте было долгое ожидание в полном оцепенении рядом с миской или куском булки. Это была хорошая школа выдержки.

Охотился, точнее говоря, имитировал охоту, Молодой Волк и на зайцев, которых очень любил Волк.

– Олени, лоси – это на силу, это изредка и Стаей. А зайцы – это удовольствие. Пока распутаешь его след – много сил потратишь, не физических, нет, других, потом выковернешь его из-под куста и погонишь по опушке. Куда ему! Тут одним щелчком на полном ходу и – держишь, пока не затихнет. К весне, конечно, тощат, но все равно, в аккурат на один хороший перекус хватает. Если ты, понятно, один.

Волк загонял сына в домик и начинал выписывать в вольтере петли, да сдвойки, да сметки, а потом вызывал Молодого Волка и заставлял точно повторить его путь и распутать все загадки.

– Это как игра, особенно, когда не очень голоден. Не забывай о зайчишках – основная наша добыча, да и не жалею особо. Если бы волки так плодились, вся земля давно была бы нашей. Кстати, пригодится. Они весной, когда начинает снег подтаивать и на опушках появляются первые прогалинки с травой, прелой, конечно, но все равно пожевать приятно, особенно им, так вот, в это время они прямо с ума сходят. Я первый раз увидел – убежал подальше. Мало ли в лесу всяких напастей, а бешенство – самое страшное. Представь:

зайцы дерутся, встают, как двуногие, на задние лапы и передними так быстро-быстро бьют друг друга. Смех да и только! Ничего не видят, ничего не слышат. Время голодное, а тут – такой подарок!

Но такие тонкости Молодой Волк знал уже и сам. Он научился говорить с обитателями зоопарка, а самое главное, как и учил его отец, научился слушать. Чего только не порассказали ему ближайшиe соседи, чего только не передали от дальних. Привирали, конечно, приукрашивали, не без того, но Молодой Волк впитывал все, авось пригодится. Со временем научился он ненавязчивыми вопросами смещать разговор в нужную сторону – как устраивают логова, как гнезятся, как спасаются и как нападают, что их окружало на их Территории – и климат, и враги, и друзья, и видели ли они Крайнее Море. Он и сам в ответ, для поддержания разговора пересказывал всяческие отцовские байки из жизни волков, безопасно щекоча нервы собеседников под защитой многочисленных заборов. Отец вначале одернул его: «Не для их ушей учу!» – но неожиданно услышал в ответ: «Им это не пригодится, а мне их рассказы – очень даже, там, на свободе!»

– Как ты быстро вырос, Малыш.

* * *

Но все это происходило тихо и незаметно. В первые ме-

сяцы неугомонный темперамент Волчка еще прорывался в дневные часы, но к весне и посетители, и служители ежедневно видели лишь одну картину: посреди вольера лежал огромный Одинокий Волк, но в отличие от прежних лет его лобастая голова не была безвольно брошена на передние лапы, он держал ее высоко и гордо, изредка, пронзая окрестности немигающим взглядом, он слегка поводил ею из стороны в сторону, чуть задирая нос в крайних точках движения. А рядом лежал, увеличиваясь с каждым днем, Молодой Волк, и пропадала детская нервная дрожь, и крепла грудь, и все выше и неподвижнее вздымалась над ней лобастая голова.

И люди поражались этой неподвижности, и принимали ее за оцепенелость, и даже не старались вслушаться в то, что на самом деле происходило в вольере. Этими долгими днями, когда нельзя было бегать, прыгать, плавать, учиться охоте, волки разговаривали. Точнее говоря, Одинокий Волк рассказывал, а сын слушал, не рискуя прерывать. Он рассказал о своем детстве, об их Стае с матерью, об их охоте, о капкане и о своей ошибке. Он описал их Территорию, всю, какую успел изучить за несколько лет, об их лежбищах и как их найти, о наиболее удачных местах для охоты, даже о Долине Смерти, куда добровольно уходили волки, когда приходил их срок. Он рассказал о том, как попал в неволю, о всех своих ошибках, но пожалел не об этом, а о той, которую убили у него на глазах, беспощадно и бессмысленно. Он рассказал, как впервые увидел его мать, передал почти дословно все их разго-

воры за недолгую совместную жизнь. Он умолчал только о последнем дне, о рождении и смерти.

А еще он говорил о Стае, о Стае, которой у него никогда реально не было и которая жила только в его воображении, питаемая преданиями. Он передавал их все, и те, которые поведала ему мать, и те, которые всплывали из глубин подсознания. Он учил сына Закону.

* * *

Убивай слабую добычу. Сильная добыча даст многочисленное потомство и у тебя будет много добычи.

Не убивай лишнюю добычу. Волк должен быть слегка голоден. Зажиревшая стая передерется между собой и в конце концов набросится на тебя.

Убивай врага. Но только тогда, когда он намеренно нарушит твою территорию.

Когда против тебя чужая стая, убивай вожака. Остальные разбегутся сами.

Когда заходишь на чужую территорию, будь постоянно готов к битве.

Если не готов к битве, не заходи на чужую территорию.

Держи хвост высоко.

Если очутишься в Стае, живи по законам Стаи.

Если вожак промахнется на охоте, убей его и стань вожаком.

Помни, что ты когда-нибудь тоже промахнешься.

Будь справедлив. Если кто-то нарушит Закон Стаи, пожурь его. Если он нарушит Закон во второй раз, накажи вдвойне.

Если кто-то нарушит Закон в третий раз, убей его. Тебе тоже иногда надо поспать.

У волка изначально в природе нет врагов. Он сам плодит их своим неразумным поведением.

У волка есть только один извечный враг – двуногие. Не убивай их, это принесет несчастье Стае.

Бывает, что дух волка вселяется в двуногого. Убей оборотня и освободи дух.

Бывает, что дух человека вселяется в волка, рождая собаку. Убей оборотня и освободи волка.

Будь милостив и доброжелателен с не-добычей и не-врагами. И они помогут тебе.

С любым зверем можно договориться, особенно, если ты сильнее.

Если ты решил ввязаться в битву, нападай. Без лишних разговоров – в горло.

Умей разговаривать со всем живым.

Умей слушать. В трескотне сороки больше сведений, чем в урчании медведя.

Не торжествуй, пока враг не повержен.

Не торжествуй, когда враг повержен, но не добит.

Не торжествуй, когда враг повержен и добит. Битва уже

в прошлом, осталась одна смерть, а над смертью торжествовать нельзя. Эта она в итоге торжествует над нами.

* * *

Этим утром тяжелый, стелющийся по земле воздух Долины Смерти впервые, но от этого не менее явственно и определенно, накрыл Волка, сковав холодом его лапы. Последние две луны с ним творилось что-то непонятное, сердце то оставалось, то начинало бешено биться, он лениво копался в миске с мясом, как бы выискивая кусочек помягче, но так и отходил прочь, не найдя. Даже совместные вечерние пробежки прекратились сами собой. Ему было не стыдно проигрывать сыну, но уже на втором круге в груди при каждом вздохе начинало разрываться множество мелких пузырьков, вызывая дикое жжение, пасть наполнялась противной горькой слюной и Волк останавливался: «Что-то мне сегодня не в радость, – говорил он сыну, – побегай и за меня тоже».

Этим утром Одинокий Волк понял, что срок пришел.

– Сегодня, – просто сказал он Молодому Волку.

– Наконец-то, – ответил тот и глаза его радостно заблестели.

– Рановато. Ты молод и неопытен, мне надо было еще многому тебя научить. И не так силен, как тебе кажется, – добавил Волк и подумал, – а я не смогу помочь тебе Там, на воле.

Они десятками вечеров обсуждали план побега, но Оди-

нокий Волк решил пройтись по нему еще раз.

– Все правильно, все хорошо, ты – молодец, Малыш, – приговаривал он, слушая сына с закрытыми от непонятной усталости глазами, – а вот здесь одно маленькое изменение. Ты идешь первым и сразу. Понимаешь, сразу. Как сможешь быстро, но осторожно, внимательно, прошу тебя. К стене и – на волю. И уходи, не задерживаясь, на холод, а потом на восход, прочь из этого муравейника! Я выберусь сам и сам найду тебя. В лесу мне это будет легче. Поэтому иди в лес. Туда, где нет двуногих, где даже запаха их нет. Мне там легче будет найти тебя. И по городу нам лучше не вместе, – обрадовано нашел он еще один довод, – мы с тобой вдвоем слишком большие, слишком сильные, слишком грозные. Увидят нас, испугаются, забьются по своим щелям, крик поднимут. А нам лишний крик сегодня ни к чему. Мы сегодня тихо прошмыгнем, поодиночке. Ну иди Малыш, отдохни, побегай, и я отдохну, немного, полежу, подремлю.

Вечером в урочное время на дорожке около вольера появился Смотритель.

– Совсем другой, – обескураженно подумал Молодой Волк, – вот и строй планы! Мы же не знаем, как он что делать будет, как он будет калитку закрывать, – возбужденно крикнул от отцу.

– Так даже лучше, – подумал Волк, не отрывая глаз от ненавистной высокой фигуры со впалой грудью и покрытой редким ежиком головой. – Успокойся, Малыш, все будет хо-

рошо, – ласково сказал он сыну. – Ты просто будь готов и, как начнется, сразу – вперед.

– Ба, старый знакомый, – Смотритель ощерил зубы, – не подох еще. Ну, недолго осталось. И недоносок здесь же, ишь разъелся на хозяйских харчах.

Смотритель открыл калитку, опустил мостик и, бросив исподлобья осторожный взгляд на волков – «Да вроде лежат, суки, не те уже» – повернулся к ним спиной, чтобы задвинуть щеколду.

Одинокий Волк молча в три прыжка преодолел разделявшее их расстояние и бросился на Смотрителя, метя в сложенную и незащищенную шею. Легкий скрежет гравия или, быть может, рывок незримой нити взаимной ненависти, связывавшей два этих существа, заставили Смотрителя чуть отклониться в сторону, ударившись плечом о столбик калитки, и Волк лишь порвал куртку униформы, неглубоко пропахав стершимися клыками плечо врага. Волк отскочил от удара назад и, не сумев сгруппироваться, соскользнул с мостков в ров. Через мгновение он был уже на берегу и, отряхиваясь, с некоторым удивлением увидел Смотрителя, который, успев подняться и пробежать по мосткам, стоял против него, сжимая невесть откуда появившуюся короткую, но увесистую дубинку.

– Ну, иди сюда, – почти ласково сказал Смотритель.

И тут Одинокий Волк сделал то, чего от него никак не ожидали. Он резко развернулся и бросился вдоль рва прочь

от Смотрителя, крикнув на ходу: «Вперед, Малыш!»

Молодой Волк подбежал к калитке, как и предполагалось, не запертой, подцепил ее когтем, потянул на себя и прошмыгнул в образовавшуюся щель. Потом большими прыжками, стараясь держаться поближе к вольерам, домчался до глухих стилизованных под деревенские ворот на служебную территорию. И они были приоткрыты. Он пересек тесный двор, на котором стояла гигантская клетка-вольер, в которой ему довелось появиться на свет, с разбегу взлетел на невысокий сарайчик у сплошного кирпичного забора без острых металлических пик, как на всей остальной парадной ограде зоопарка, и, резко оттолкнувшись, прыгнул с крыши сарайчика на широкую спину забора. Тут он первый раз оглянулся назад.

Волк бежал по большому кругу вдоль рва, а человек – все время прямо на него, описав в итоге замысловатую кривую, но так и не догнав. У Волка было несколько метров преимущества и он вполне мог вылететь через открытую калитку из вольера, но он остановился у самых мостков и своим фирменным прыжком на 180 градусов развернулся навстречу врагу. Он стоял, натужно дыша и стараясь успокоить распирающее грудь сердце, и, не отрываясь, смотрел в глаза Смотрителю.

– Щенок сбежал, это мы переживем, недолго ему бегать, – зло сказал Смотритель, поеживаясь под немигающим взглядом, – а ты стар стал, смотри как запыхался, даже на свободу

не рванул напоследок. Или может со мной посчитаться решил? – усмехнулся Смотритель, поигрывая дубинкой. – Да что ты можешь? Эту ссадину? – он коснулся рукава, пропитанного кровью, и, невольно скривившись от боли, раздосадовано крикнул, – Месячный котенок царапается сильнее. Я тебя сейчас достану.

Несмотря на угрожающий тон, Смотритель не двинулся с места, лишь слегка расставил для устойчивости ноги и пригнулся, выставив вперед руки. Он ждал, но он был человек и он пропустил начало прыжка Волка.

Одинокий Волк, отдышавшись и собрав все силы, сделал небольшой подскок и, пружинисто оттолкнувшись от земли и вытянувшись, бросил свое мощное тело вперед и вверх, к ненавистному горлу. Но от последнего усилия что-то вдруг лопнуло у него в груди и последний жар стал растекаться по телу, и последнее, что он увидел, был блеск в глазах Молодого Волка, стоящего на вершине в одном прыжке от свободы, и последней мыслью его было: «Благодарю, что в бою!», и последним конвульсивным движением он сжал челюсти на теле врага.

У Молодого Волка, со страхом и восхищением наблюдавшего эту схватку, вдруг что-то резко сжалось в груди и через мгновение по странной неподвижности отцовской головы, не рвущей врага, по подломленным задним лапам, не пытающимся разодрать его брюхо, он понял, что Одинокий Волк никогда не найдет его в лесу. Молодой Волк подавил нарож-

дающийся вой и оглянулся напоследок назад.

Последний Волк мягко спрыгнул на землю.

* * *

В переулке казалось темно – высокие заборы зоопарка и близлежащих особняков заслоняли свет большого города – и тихо, лишь откуда-то сзади, из прошлой жизни, доносились, чем дальше, тем сильнее, встревоженные крики двуногих. На пути на холод, насколько хватало взора, не было ни одной лазейки и Волк, повинувшись безотчетному инстинкту, двинулся на восход. Вскоре, через пять кругов – он еще долго потом мерил расстояния длиной круга пробежки вдоль рва в вольере – он очутился перед широкой, страшно широкой, почти как центральный пруд в зоопарке, улицей, по которой летели, широко раскрыв горящие глаза, черепахи двуногих. Те, которые он видел раньше, убирали мусор или перетаскивали что-нибудь на своих клыках и были больше похожи на их сородичей-черепах или медлительных неповоротливых жуков, а эти напоминали волка в прыжке, только были больше и быстрее. Эти полчища неслись непрерывным потоком и бок о бок их было больше, чем когтей на его лапах. А вдоль дороги, толкаясь и переругиваясь, сновали толпы двуногих, без всякого толку, потому что одни шли в одну сторону, другие в другую, эти два потока, разделившись на множество ручейков, схлестывались и завихрялись. Над всем этим полыхали,

подмигивая, неживые огни не могущих быть в природе цветов, висел зримый, пропадающий на устьях переулков густой туман из пыли, испарений и больного дыхания черепах, а внутри этого полога била басовым ключом музыка, призывно кричали то ли уличные торговцы, то ли звуковая реклама, скрежетали, предостерегающе вопили или шумно пускали газы черепахи на мерном, как шум прибоя, фоне шаркающей миллиононожки.

Потрясенный увиденным, а более резким переходом от сумрака и тихого шепота переулка к этой клокочущей суете мира двуногих, Волк отступил чуть назад, присев на задние лапы, прижал уши и ощерил зубы. Потрясение сменилось испугом, испуг ненавистью, ненависть презрением, а презрение – желанием как можно быстрее вырваться отсюда в ширь полей и ласковый кров лесов, которые, по рассказам отца, были так прекрасны и так отличны от всего окружающего. Волк распрямился, встряхнулся как после купания, сбрасывая с себя остатки недостойных его чувств, и легкой походкой побежал обратно по запутанным дорожкам переулков, стараясь держаться в тени домов и сливаясь со стенами, когда навстречу попадались редкие прохожие. Не из страха перед ними – из осторожности. Он несколько раз упирался в улицы, заполненные двуногими и их черепахами, пусть не такие широкие как самая первая, но от этого не менее непреодолимые. Вскоре он понял, что мечется на небольшой, чуть больше зоопарка, территории – она уже казалась ему малень-

кой! – и чтобы вырваться, ему надо форсировать реку. Он двинулся на холод и залег у стены дома в конце переулка, чуть поодаль от улицы. Он пролежал неподвижно около четырех часов, наблюдая, как опадает толпа, как гаснут глаза домов, как черепах становится меньше и они убыстряют бег, чтобы не опоздать в свои норы, как увядают неживые цветы и затихает неестественный шум. Луна уже перевалила вершину и начала скатываться в утро, когда Волк несколькими прыжками пересек улицу и потрусил дальше по очередному переулку. В эту ночь он еще не раз, смелея, пересекал улицы, горящие глаза черепах вдали уже не так тревожили его и он учился соразмерять их бег со своим, пересекая их путь. Но однажды чуть не ошибся. Черепаха, отчаянно крича и поймав его в огонь своих глаз, от чего он сразу стал огромным, хотя хотел сжаться в неприметный комок, заскрежетала всеми лапами по гладкой твердой земле, оставляя за собой кровавый след стершихся подошв, опустила морду почти к самой земле и, замедляясь, боком понеслась к краю улицы, ударившись правой лапой о невысокий камень, который за мгновение до этого Волк, не заметив, перескочил, жалобно взвизгнула и затихла. Из черепахи выскочило трое двуногих, тот, который сидел слева спереди, обежав колесницу, склонился над ее разбитой лапой и помятым панцирем, а двое других начали, потрясая кулаками, кричать что-то вслед Волку, обидное и угрожающее. А Волк, преодолевший первый испуг, бежал и смеялся: «Двуногие не только

жестокие и хитрые, как говорил отец, но еще и глупые! Развели себе этих черепах, от которых и духа живого не идет, и катаются. А зачем она нужна, если маленький камешек перескочить не может! Даже их детеныши умнее, они ближе к природе, потом их портят, они в зоопарке на лошадях, пони, а то и на слоне катаются, ведь сколько ждут, чтобы маленький кружок прокатиться, понимают. И куда все девается?! А как она запищала! Лапку ушибла! Да потряси, оближи и – вперед. Всех дел-то!»

Рассвело. Город затих грудой камней. Невидимое пока солнце искрилось на высоких стеклянных башенках. Легкий ветер с заката выдул туман и принес с собой какие-то новые, чуть уловимые, но сладостные запахи. И в какой-то момент единственным звуком, который слышал Волк, было чириканье воробьев, слетевшихся на потерянную кем-то вечером булку.

– Странные они создания, двуногие, – размышлял Волк, продолжая свой устремленный бег, – ведь как сейчас хорошо вокруг, даже здесь хорошо! А они спят в своих логовищах, заткнув все щели. Ну и пусть спят! Мне же лучше.

Но город просыпался. Волк ловил в прозрачных панцирях первых пролетающих черепах удивленные взгляды двуногих, ему стало казаться, что и все дома вокруг внимательно следят за ним своими многочисленными глазами и он решил, что лучше где-нибудь отлежаться и продолжить путь вечером, когда все станет серым.

Ему повезло. Он недолго высматривал место, которое, находясь в сердцевине муравейника, тем не менее было бы отгорожено от него. Вскоре он наткнулся на скопище черных и серых огромных блоков, похожих чем-то на глаз мухи или стрекозы, они состояли из таких же мелких ячеечек со слегка видными перегородками, и все ячейки влажно и чисто светились, впитывая солнечный свет и выбрасывая его наружу своими зеркальными плоскостями. Только размер ячеек был в половину его прыжка, а дорожки, аккуратно огибающие блоки, были длиной в пять или больше кругов. Между блоками проходили улицы, было несколько площадок, засаженных под линейку подстриженными кустами, но совершенно негодными для двуногих, так как там не было излюбленных ими седалищ, на которые они немедленно водружались, едва попав в подобие леса, были и небольшие озера, слишком правильной формы, чтобы быть естественными, с бьющими посреди них струями воды, как будто зрители поливали траву, но брызги падали в озера, вспенивая их гладь, и тоже казались совершенно бессмысленными.

Улицы были пусты и только по прошествии нескольких часов, когда Волк после долгих поисков облюбывал себе место среди купы кустов и погрузился в дневную лежку, на улицах и дорожках появились первые двуногие, кобели с плоскими темными ящиками в руках и суки с маленькими сумками и голыми лапами, потом большие черепахи, из которых под надзором других двуногих, одетых в нечто, отдаленно

напоминающее форму зрителей в зоопарке, появлялись третьи, они были хозяевами всех этих кобелей и сук, это было видно и по тому, как сгибались, пусть чуть заметно, спины встречавших, и по уверенной поступи, и по гордо поднятым головам. От обилия впечатлений, от длинной по приключениям и душевному напряжению пробежки Волк заснул и с небольшими перерывами, когда вблизи вдруг раздавалось подозрительное шарканье или какая-то черепаха испуганно, но коротко вскрикивала, проспал до самого вечера, когда началась уже знакомая суматоха, только в обратном порядке.

Еще не начало смеркаться и было рано двигаться в путь, но тут Волк столкнулся с неожиданностью, впрочем все для него в эти сутки было неожиданным, кроме самого побега. Из видневшихся вдали домов стали выползать двуногие с мерзкими четвероногими на длинных веревках. Отец много порассказал ему об этом гнусном собачьем племени, которое по преданию произошло от самых подлых и слабых волков. Они выскакивали из широко распахивающихся лазов в логовища двуногих и сразу задирали лапу или бесстыдно присаживались, как будто по полдня не имели такой возможности, потом начинали обнюхивать отметины, оставленные вокруг, и, определив все знакомые запахи, принимались подпрыгивать около хозяев, всем своим видом выказывая преданность, благодарность и готовность к любым играм. «Тьфу», – не выдержал Волк такого зрелища и задвинулся еще глубже в кусты.

Он услышал чьи-то легкие шаги, кряхтение, затем шарканье лап и шуршание отбрасываемой земли и вот вдруг перед ним возникло какое-то недоразумение природы, а не дальний потомок волков. Низенькая, так что вполне могла не склоняя головы пройти у Волка под брюхом и тот бы ничего не почувствовал, собачонка, покрытая длинной белой с желтым отливом шерстью, достававшей до земли по всей длине туловища, закрученный в растрепанный пук и торчащий над спиной хвост, маленькие глазки, злобно поблескивающие сквозь волнистые пряди шерсти, свисавшие много ниже морды, разжиревшая до одышки, будто час бежала за добычей. Волк лишь открыл глаза, глянул на собачонку и решил, что этого будет достаточно. Но вместо того, чтобы немедленно убраться подальше, поджав хвост, этот клубок шерсти вдруг стал издавать визгливые резкие звуки, которые вероятно считал грозным лаем, и даже стал по полшага наступать на Волка. «Кэри, Кэри, девочка моя, где ты?» – доносилось с другой стороны сквера. «Какие они тут невоспитанные», – подумал Волк, удивленно подняв бровь. Этот истошный лай, эти крики хозяйки, тяжело стремящейся на выручку своей питомице, стали действовать Волку на нервы, к тому же он опасался, что на них сбегутся другие двуногие, открыв его временное пристанище. И Волк встал, сделал два неспешных шага навстречу собачонке и молча вонзил зубы ей в загривок. Лай взлетел до визга и мгновенно опал. Струя теплой крови ударила Волку в рот, напомнив, что он уже це-

лый день ничего не ел, а устал порядочно, и он, преодолевая отвращение – столько шерсти на такой маленький кусок мяса, разодрал собачонку на части и утолил первый голод. Шаги хозяйки собачонки сотрясали землю уже совсем близко и Волк проскользнул между кустами и побежал, как и было наказано – на холод. По дороге он остановился у озерца и, с мстительным удовлетворением вслушиваясь в далекий истерический вскрик хозяйки, напился, окрашивая чистую воду кровавыми разводами.

Первые часы он выбирал тихие переулки, но под конец, осмелев, он уже открыто бежал по улице и люди, весь день на работе и дома обсуждавшие мигом разлетевшуюся весть о его побеге, с воплями жались к стенам домов, и машины, когда его выносило на мостовую, резко тормозили, объезжали его и останавливались, оглядываясь, но первый страх проходил и все они начинали громко хлопать в ладоши, залихватски свистеть, жать в клаксоны и кричать: «Молодец, Волк! Задай им!» – и эти ободряющие крики были ему приятны, они наполняли его силой, расправляли плечи и поднимали выше его гордую красивую голову, и он, как впрочем и приветствовавшие его люди, не задумывался над тем, что он должен задать и кому это – им.

* * *

Он вырывался из тисков города. Все больше станови-

лось парков и темных огороженных глухими заборами пространств, все меньше широких улиц и света, только изредка светили маленькие луны на высоких изогнутых стойках. Но леса, как его описывал отец, восхитительно благоухающего и влажно-нежного, тихо-говорливого и добычливого, все не было. Всюду чувствовалось недавнее и частое присутствие двуногих: в неестественно прямых аллеях и дорожках, в обрывках газет, в дребезжании сталкивающихся металлических банок и стеклянных бутылок. Всюду чувствовался запах собак, но если на городских улицах и в скверах к нему примешивался запах лежбищ двуногих и пахучей дряни, которой моют шерсть – Волк испытал это несколько раз на своей шкуре в зоопарке, то здесь пахло собаками, живущими на воле и спящими на земле, что немного примирило Волка.

Вот и последние жилища двуногих остались за спиной и потянулось огромное поле, заваленное всем, что только могло выбросить из себя чрево огромного города: вонючие тряпки и расплзшаяся от дождей бумага, разбитые панцири черепах двуногих и битое стекло, обломки досок и камней, разлагающиеся остатки пищи и трупы собак и кошек, множество покореженных, разломанных, сдавленных, треснутых предметов, назначения которых Волк не знал и даже не мог предположить. Все это годами наслаивалось, утрамбовывалось, подгнивало. Поверх этой новой земли двуногих тянулись самые настоящие дороги, укатанные черепахами, по которым они день изо дня стаскивали сюда свою добычу.

Местами из-под этих пластов пробивался густой, едкий дым от тлеющего мусора, но он был замечен и не так страшен, как бесцветный газ, вырывавшийся через небольшие дыры из недр этой кучи. Волк, сунувший из любопытства нос в такую дыру, походившую на нору суслика в описаниях отца, глотнул его и надолго закашлялся, проклиная двуногих и зарекаясь от охоты до настоящего леса. Он теперь двигался очень медленно, осторожно ставя лапы, опасаясь торчащих в разные стороны кусков труб, острых щепок и разбитых бутылок. Потом наткнулся на торную тропу, наполненную запахами самых разных собак и уходившую в нужном ему направлении – на холод. Он приободрился и пошел по следу, надеясь, что он выведет его из этой мертвой земли двуногих к лесу или хотя бы к стае, пусть и презренных, но сородичей, которые может быть укажут ему дорогу дальше.

Вскоре до него донесся неясный пока шум. Волк поднял нос, определяя направление ветра, затем сместился немного в сторону, чтобы ветер дул точно от источника шума на него – все как учил отец, несколько раз вдохнул носом воздух, определяя, сколько членов в стае, и, мягко ступая, осторожно двинулся в их сторону. Он подошел совсем близко, на расстояние прыжка, но собаки не почуяли его и продолжали болтать, рассказывая о сегодняшних приключениях. Волк с презрением послушал несколько минут эти рассказы, сводившиеся к поискам еды, по большей части безрезультатным, и степенно ступил в проход между кучами, который вы-

вел его на небольшую округлую площадку с разлегшимися по ее периметру собаками. «Правильно, восемь», – удовлетворенно отметил Волк, внимательно разглядывая их.

Все разных размеров, породистые и так, с бору по сосенке, заросшие шерстью и гладкие, все замечательно грязные и тощие до изумления, что было видно даже через свалывшуюся шерсть, от самого маленького, с длинными свисающими ниже морды широкими ушами, всего покрытого мелкими коричневыми колечками, с небольшим хвостом, которым он приветливо замахал сразу, как только увидел Волка, до вожака, самого крупного, грязно-бурого, с широкой массивной головой, небольшой бороздкой, рассекающий плоский лоб до самого носа и с пусть свалывшейся, но ярко выраженной гривой, напомнившей Волку львов в зоопарке. Этого Волк выделил сразу! Волны какой-то непонятной ненависти поднимались из глубин его памяти, нет, не отголоски рассказов отца, тот говорил о собаках вообще, не конкретизируя, а из более глубокой, генетической. Он ненавидел его безотчетно и оттого непреодолимо.

– Шея мощная, но короткая и грудь широкая, – оценивал будущего, в этом не было уже сомнения, соперника Волк, – и лапы крепкие, предплечья-то какие, как столбы. Такого не собьешь.

– Кавказец, к нам гость, – радостно крикнул самый маленький, доброжелательно переводя блестящие от избытка чувств карие, запрятанные в завихрениях бровей глазки с

Волка на вожака.

– Вижу, – тот поднялся и немного подался в сторону пришельца, тоже пытаясь разобраться в нахлынувших на него воспоминаниях из прошлой жизни.

Тут Волк без привычного собакам ритуала знакомства, без всех этих обнюхиваний и примерочных забеганий ринулся на Кавказца и, резанув клыками по шее, отпрыгнул назад. Из глубокой раны на гриву Кавказца толчками полилась яркая кровь, расцветившая лунным отблеском площадку и загипнотизировавшая членов стаи.

– С этими все ясно, – подумал Волк, бросив быстрый взгляд по сторонам, – а с этим придется побороться.

Кавказец, пусть и истощенный, был старше и сильнее Волка, он выиграл много битв, за верховенство в стае и просто так, для разминки и поддержания формы, но сейчас он столкнулся с непривычным противником, чужаком, который не придерживался правил, более того, не знал и не хотел знать этих правил. Кавказец чувствовал, что это самая важная битва в его жизни, не потому, что это битва не на жизнь, а на смерть, такое уже бывало, а потому, что от ее исхода каким-то образом зависит исход извечного спора, спора не между конкретным Кавказцем и этим чужаком, а длящегося веками столкновения между двумя взглядами на жизнь, двумя манерами и повадками жизни, между двумя идеологиями в конце концов, между неограниченной свободой и безответственностью жизни для себя в лесу и добровольным

подчинением и самоотверженным служением хозяину. Сознание важности его миссии придавало Кавказцу силы, короткие волосы на холке встали дыбом, он грозно зарычал и начал яростно рыть землю лапами, готовясь к решающему натиску, но эти потерянные секунды стоили ему победы. Жизнь вытекала из него широкой красной струей и, когда он ринулся навстречу чужаку, в его натиске не было былой мощи. Волк встретил его грудью, сшиб в сторону и, не дав возможности подняться, впился в горло.

Через минуту все было кончено. Волк напился крови, вкус которой раз от разу становился все приятней, разодрал недавнему противнику брюхо и, гурманствуя, съел печень, затем подошел к бывшему ложу Кавказца, улегся на кучу тряпок, еще хранивших тепло предшественника, и благодушно пригласил: «Угощайтесь, друзья.»

Собаки, не привыкшие, несмотря на постоянный голод, есть себе подобных, боязливо попятились в тень, лишь самый маленький подскочил к поверженному, казавшемуся огромным телу Кавказца, лизнул для приличия кровь и, виляя хвостом, подошел к Последнему Волку.

– Как нам называть вас, вожак, – спросил он.

– Зовите меня просто – Волк, – ответил тот.

Часть четвертая

По прошествии времени Шарик понял, где он родился. Его мать в поисках места обегала все окрестные участки и остановилась на этой бревенчатой бане или сторожке или просто первом доме разросшегося впоследствии и раскинувшегося чуть поодаль поместья. Сруб стоял на кирпичных столбах высотой в рост собаки, промежутки между столбами были зашиты досками, так что внутри, за исключением фундамента печи и нескольких толстых труб, наверно, это все же была баня, было достаточно места. В обшивке, на высоте второй доски на двух противоположных сторонах дома были оставлены открытые оконца для проветривания, подходящие разве что для кошки, но нижние доски подгнили и когда предыдущим летом переносили новый столб для электрических проводов, то в одном месте нижнюю доску походя вывернули, открыв удобный лаз в подполье. Внутри был песок и невесть откуда взявшееся пальто из толстой ткани, второе окошко мать завалила огромной кучей песка, благо почва была неутрамбованной и копать было легко, так что пещера получилась что надо, сухой, теплой и темной.

Первыми звуками, которые услышал Шарик, был скулеж его братьев и сестер, но потом снаружи, из неведомого, стали доноситься, чем дальше, тем чаще, разные голоса, высокие и низкие, визгливые и хриплые, ласковые и сердитые. Шарик

не мог понять, кому принадлежат эти голоса, но по тому, как напряженно замирала мать, чувствовал, что ничего хорошего от этих голосов ждать не приходится. Они очень боялись этих неизвестных голосов и, когда мать уходила в поисках еды, укладывались на пальто, прижавшись друг к другу, и старались не двигаться и не шуметь до самого ее возвращения.

Как-то раз, когда они уже подросли и могли даже чуть подпрыгивать, гоняясь друг за другом по огромному пространству подполья, извне донесся приближающийся звук разговора.

– Да здесь она обитает, точно говорю, – убежденно говорил один, заискивающе, – оценилась, наверно. Вот и полчаса назад, не боле, куда-то скользнула.

– Ты, думаю, понимаешь, что приبلудные собаки мне здесь совершенно ни к чему. У меня дети маленькие, еще испугает или, не дай Бог, искусает, – отвечал второй, веско.

– Это мы враз спроворим. Щас соседа кликну, оформим все лучшим манером.

Вскорости у лаза началось шебуршенье, какие-то странные лапы без пальцев и когтей оторвали доски, расширяя проход, и в образовавшейся дыре показалось голова, равномерно, за исключением глазниц, узкого лба и носа, покрытая редкими короткими волосами.

– Ну и вонища! – радостно воскликнула голова, раздвинув рот в хищном оскале желтых зубов. – Чую, тута они. Давай

мешок, – крикнул он кому-то за своей спиной.

Все щенки по привычке сгрудились на старом пальто, дрожа и тоненько поскуливая. Лишь Шарик забился в промежуток между фундаментом печи и одной из труб и затаился.

Вскоре огромное существо со странным, не как у собаки, положением лап протиснулось к центру подполья и, наткнувшись на кучу щенков, стало радостно запихивать их по одному в мешок рукой, одетой в брезентовую голицу. Щенки даже не пытались убежать и покорно ждали своей очереди.

– Ты смотри, целых семь, – сообщил мужичок кому-то на улице, – щас еще пошарю.

Но он просто застыл на минуту, вслушиваясь в темноту подполья, затем удовлетворенно хмыкнул: «Все, голубчики,» – и стал пятиться к выходу.

– Во какие, – хвастал на улице мужичок, – маленькие-маленькие, а зубы уже прорезались, они у них острые, рукавицу бы не нацепил – враз покусали. Хозяин, пару дощечек бы, дыру заделать. Вот и ладушки, – приговаривал он, прилаживая оторванные доски, – сейчас еще забор весь прошерстим на предмет дырок и – все, никаких забот знать не будете. На бутылочку бы, хозяин.

Два дня мать выла, бегая вокруг забора, потом видно смирилась и пропала навсегда из жизни Шарика. А тот коричневым дрожащим от страха и голода комочком лежал на старом пальто, все громче поскуливая.

Новые голоса, объявившиеся возле его пристанища, были

высокими и звонкими. Их было три.

– Точно говорю, здесь были. Сторож из правления под баню лазил, мне Рыжий рассказывал. Целый мешок выволок, они там просто клубком копошились. И унес куда-то, – захлебываясь говорил один голос.

– Куда? – Почему-то шепотом спросил другой.

– Не знаю. Пропил, наверно. Мама как-то говорила, что он все пропивает.

– А как щенков можно пить?

– Подрастешь – поймешь, – недовольно ответил первый голос.

– Послушайте, там кто-то плачет, – встрял третий, более мягкий.

– Помолчите, – прикрикнул первый, – точно! Наверно, одного не нашли.

– Давайте ему молочка принесем, – предложил третий голос.

– Это ты хорошо придумала, только надо тихо, чтобы мама не заметила, а то расскажет папе и – тью-тью щенков.

Неделю они носили Шарикку молоко в блюдце и кусочки колбасы, потом осмелели, выломали нижнюю доску и Шарик впервые увидел своих освободителей. Перед ним в радостном ожидании стояли: Мальчик, лет двенадцати, худой, с короткой светлой прической и светлыми глазами; Девочка, лет десяти, но ростом почти с Мальчика, с убранными в пучок волосами, похожими на скрученную золотую проволоку,

и карими глазами и Карапуз, лет пяти-шести, еще с детской полноватостью рук и ног, с торчащими во все стороны желтыми кудрями, отсвечивающими на солнце рыжеватым, и с широко открытыми в мир голубыми глазами. Все они были одеты в футболки, шорты и кроссовки, только у Карапуза на ногах были еще белые носочки с тонкими красной и синей полосками, но и помимо одежды что-то общее читалось в их облике.

– Какой хорошенький, – сказал Карапуз, восхищенно разглядывая щенка, – давайте играть.

– Давайте, но только после страшной клятвы, что никому и никогда, – предложил Мальчик.

Первым проболтался Карапуз. Уже на следующий вечер, разомлев от горячего чая с вареньем, он принялся рассказывать родителям, какой, по рассказам, у соседей хороший щенок, и красивый, и умный, нос пуговкой, шкурка колечками, мягкая-мягкая, а как прыгает – описать можно от уморы.

На следующее утро родители накрыли детей за игрой со щенком.

– Ясно, – сказал Папа, – несите на солнечную веранду.

– Надеюсь, ты не собираешься заводить собаку в доме, по крайней мере, такую? – спросила Мама, пока они с Папой шли к дому.

– Конечно нет, дорогая, – ответил Папа, – но сейчас лето, пусть дети поиграют. Известно, что общение с животными детям полезно, – веско добавил он.

– Но надо сделать все анализы и прививки, – стала сдавать позиции Мама.

– Это непременно.

На следующее утро Папа лично отправился со щенком в ветлечебницу, располагавшуюся в соседнем поселке в старом покосившемся здании, с одним единственным ветеринаром на все случаи жизни.

– Первичный визит? – привычно спросил Ветеринар и, увидев утверждающий кивок Папы, пододвинул к себе новый формуляр.

– Так-с, – сказал он, пощупав лапы и живот щенка, заглянув в пасть и помотав голову щенка из стороны в сторону, крепко схватив его за нос, – запишем: щенок... Как, кстати, кличка?

Папа посмотрел на коричневый мохнатый клубок у своих ног и, чуть подумав, ответил: «Шарик, наверно. Мать его о первой букве ничего не говорила», – попробовал пошутить он.

– Значит так, – продолжал Ветеринар, – пес Шарик, мужского, то бишь кобелиного полу. Порода – дворянская, – он еще раз осмотрел щенка и добавил, – смесь пуделя и спаниеля с вероятной примесью терьера, – и после еще одной паузы, – ирландского. Сорок – сорок пять дней от роду. Щенок здоров, бодр и весел. Хорошая получится собака, добрая и ласковая, с другой стороны, выносливая и смелая. Равно пригодная для содержания в городской квартире и на благо-

устроенной природе типа дачи. Вы где его содержать собираетесь? – неожиданно спросил он.

Папа смутился.

– На э-э-э благоустроенной природе, – ответил он, ужасаясь сам себе.

– Очень хорошо! Побольше движения! Дети есть?

– Да, трое, – ответил обескураженный натиском Папа.

– Очень хорошо! Для детей, вы меня понимаете. Так-с, хвост купировать не будем, – продолжал Ветеринар, приподняв у Шарика хвост и покрутив его из стороны в сторону, – все равно поздно, да и для дворянской породы как бы ни к чему. Лечить тоже не будем, не от чего. Прививки сделаем. Вы ведь для этого сюда приехали, – неожиданно спросил Ветеринар.

– Да-с, – ответил Папа и от своего ответа совсем смешался.

Следующие десять недель были, наверное, самыми счастливыми в жизни Шарика. Его допустили в большой, теплый дом, где он обследовал все уголки, а спать ложился в детской, отдавая предпочтение Карапузу, и часто Мама, заходившая перед сном к детям все проверить и поправить постоянно сбивающиеся одеяла, заставляла Шарика спать в объятиях Карапуза. Кормили без изысков, обрезками с кухни, но какие это были обрезки! Более того, Папа, совершив маленькое насилие над собой, заехал в аптеку и купил всяческие витамины и препараты по совету Ветеринара и теперь забо-

той Мамы было следить, чтобы дети не перекормили Шарика таблетками. Но лучше всего были игры! Дети не давали ему ни минуты покоя, таская по участку, кидая палки и мячик, предлагая побегать наперегонки. Он быстро набирал силу и последовательно начал обгонять всех, но только на коротких дистанциях, на длинных, до конца поселка, не хватало выносливости и Мальчик прибежал первым, картинно вскинув руки.

Второй после исчезновения братьев и сестер несчастливый день в жизни Шарика начался привычно, но вскоре он заметил какую-то необычную суету: Мама перебирала детские вещи, упаковывая часть из них в сумки, Папа закрыл ставни на доме, бане и других строениях, собрал разбросанные по всему участку садовые инструменты, снял гамак и качели, закрыл тентом небольшой бассейн, в котором Шарик так полюбил купаться. Дети тоже заразились родительской деятельностью, бегали по участку с лопатами и граблями, мешаясь друг другу, Карапуз выгребал из всех углов свои книжки с раскрашенными крупными картинками и подсовывал их Маме, Мальчик, ругаясь, («Нельзя позволять им общаться с местными», – думала при этом Мама) искал какой-то диск с любимыми записями, Девочка аккуратно укладывала в сумку тетрадки со школьными заданиями на лето. Шарик тоже трудился, как мог, что-то находил, но больше путался под ногами. Вот уже все вещи загрузили в большую машину Папы и она заурчала, подрагивая.

– Что, дети, кончилось лето?! Завтра в школу! – воскликнул Папа и пошел запира́ть дом.

– А мы Шарикину плошку забыли, – закричал Карапуз.

– Мы не забыли, мы специально оставили, – успокоил его Папа, – Шарик будет здесь нас ждать, ему здесь хорошо. Вот мы ему тут, у крыльца, плошечку поставим.

– Не поедem без Шарика, – вразнобой закричали дети.

– А что вас дома ждет! Новый игровой центр, который последнее время по телевизору рекламировали! – как заправский коммивояжер закричал Папа, – Такой, что вы все вместе сможете играть одновременно и не будете больше ругаться.

– Класс! – закричала Девочка. – Ой, папка, ты – прелесть! – и прыгнула ему на шею.

– С Карапузом вместе поиграешь! Он любую игру испортит, – веско заметил Мальчик.

– Это мы еще посмотрим! Маленькие, знаешь, они быстро учатся, я еще вам задам! – чуть не в слезы бросился Карапуз.

– А вот и проговорился, а вот и проговорился, – радостно закричали разом Мальчик и Девочка, – сам сказал, что маленький, сам сказал, что маленький!

– Я же тебе говорил, – тихо сказал Папа Маме.

– Ты – прелесть! – повторила Мама за дочкой и чмокнула Папу в щеку.

На второй день после отъезда хозяев задожди́ло и Шарику пришлось перебраться на родное место – в подполье под ба-

ней, на старое пальто. Хорошо, что соседи-пенсионеры жили обычно в поместье до первого снега, и Шарик раз в день навещался к ним. Его встречал всегда один и тот же удивленный возглас: «И кто это к нам пришел! Какая хорошая собака!» – за чем неизменно следовало что-нибудь вкусное – каша, щедро сдобренная маслом, обрезки мяса или кость из супа. Шарик съедал все степенно, но до крошки, вежливо позволял почесать себя за ухом и – убежал на свой участок. Несколько раз, ненадолго – последить за порядком, приезжал Папа. Тоже неизменно удивлялся: «Надо же, не убежал,» – и вскорости уезжал, выбросив напоследок клуб удушливого дыма из-под машины.

В середине октября, когда листва с деревьев, даже с дуба, уже вся облетела, побитая дождем, пошел снег и соседи-пенсионеры засобирались домой. Женщина долго стояла возле забора, призывно крича, но Шарик забился в угол и не отвечал. Он прожил еще несколько дней в поместье, но в конце концов голод погнал его на улицу, затем на дорогу и вот через полтора года он оказался на городской свалке. По крайней мере, не один.

Прошло еще полгода, и он первым приветствовал Последнего Волка на свободе.

* * *

Волк стал настоящим вожаком Стаи. Он не просто жест-

ко поддерживал дисциплину, требуя от любого члена Стаи беспрекословного повиновения и максимально посильного вклада в добывание добычи, он обеспечивал им эту добычу, используя свои генетические познания в охоте, что совершенно отсутствовало у его спутников. Прошла лишь пара месяцев после воцарения Волка, а его сподвижники уже не рылись в отбросах на свалках, более того, стали брезгливо обходить их стороной и высокомерно посматривать на обитающих там бездомных грязных псов. Они быстро отъелись и нарастили мясо мышц и только обязательные многокилометровые пробежки под водительством Волка для добывания добычи не давали им разжиреть. Свалявшаяся тусклая шерсть как-то сама собой расправилась, заблестела и псы теперь выглядели даже лучше, чем при прежней жизни у своих хозяев, из-за обилия движения, не ограниченного поводком или забором прогулочной площадки, чистого воздуха, наполненного ароматами полей и лесов, а не сигаретным дымом и выхлопами автомобилей, пружинящей травы под ногами вместо асфальта, а, главное, чувства свободы члена Стаи, где следование жестким правилам внутренней жизни выглядело лишь как осознанное принятие совместно выработанных норм поведения близких по духу существ, а не принудительное подчинение навязанным чуждым канонам, как это было при жизни среди людей.

Волк и сам заметно поздоровел: вырос сантиметра на три, раздался в плечах и сильно накачал лапы, чего он не мог до-

биться в тесном вольере зоопарка. Но самым важным было приобретение уверенности в себе, в своей силе, которая исходила от него даже тогда, когда он медленно, как бы нехотя поворачивал голову в сторону грызущихся членов Стаи или невзначай появившегося чужака и одним своим видом заставлял их поджать хвосты и убраться с глаз долой подобру-поздорову.

Но в его действиях в те первые месяцы свободы присутствовала одна странность, на которую члены Стаи не обращали внимания, за что впоследствии и поплатились. В первый же день своего главенства Волк увел Стаю со свалки, но не в вольные поля, не в заповедные леса, как можно было бы ожидать, а совсем недалеко, метров на триста, в ближайший лесок, даже не лесок, а так – перелесок. Оттуда он стал совершать набеги на окрестные поля в поисках добычи, но каждую ночь неизменно возвращался обратно, как будто боялся оборвать пуповину, связывающую с миром людей.

С добычей вблизи огромного города было не густо и обычно Стая загоняла такого же как они бедолагу, главное несчастье которого состояло в том, что он был один и недостаточно быстр. Волк быстро приохотил членов Стаи к собачьему мясу и они теперь, возбуждено урча, разрывали тела своих братьев после того, как Волк, всегда лично наносивший последний удар после погони, отходил в сторону, напившись крови.

Но не всех собак постигала такая участь. Иной кобель не

убегал, сломя голову, а становился в боевую стойку и, легко вращаясь мелкими прыжками на месте, отбивался от обступившей его кругом Стаи. Другой размашисто уходил от Стаи, но без паники, с достоинством, что сразу чувствовалось, и остановить его удавалось лишь на третьем-четвертом часу погони, после нескольких попыток Волка бросить часть Стаи наперерез. Таких собак Волк не убивал, разве что иногда, когда ему самому хотелось сразиться с достойным противником. Он предлагал им вступить в Стаю и все соглашались, потому что видели перед собой таких же собак, только один – Вожак – был немного странным и внушал смутное беспокойство.

Вскоре Волк понял, что во всех собаках, которых он отбирал таким жестким способом, присутствует нечто, собственное и ему самому, то, что в переводе на человеческий язык можно определить словом порода, и вскоре при первом взгляде на нового противника он уже выделял будущих потенциальных членов Стаи и расстраивался, когда они не выдерживали испытания.

В этом крылось объяснение странному поведению Волка – он собирал Стаю, а породистые псы, по тем или иным причинам отбившиеся от хозяев, встречались во множестве, из которого можно было выбирать, только вблизи города. Его тянуло к крупным собакам, с густой шерстью и длинным пушистым хвостом, чем-то похожим на него и способным выжить в лесу, куда готовился уйти Волк. Лучше всего подхо-

дили овчарки, но они не желали подчиняться Волку и при каждом удобном случае норовили сцепиться, так что Волку пришлось расстаться с ними обычным для него способом. Зато прижились Дог, Афганец, Святой Бернар, Черный (Терьер), Лайк, Рот. Эти приняли Закон Стаи и лидерство Волка, хотя не уступали ему в росте и силе.

Но Стая не разрасталась. После приема нового члена Волк несколько дней присматривался к нему, давая время на осмысление Закона и демонстрацию лояльности, и при положительном исходе второй стадии испытания избавлялся от слабейшего члена Стаи, одного из тех, кто встретил его в ту памятную ночь на свалке. Он убивал его открыто, давая возможность защититься, а потом оставлял еще подрагивающий труп на съедение Стае, и те, подавив первый ужас, с благодарностью принимали пищу от Вожака.

Лишь одного из тех, самых первых, не тронул Волк – Шарика. Что-то привязало Волка к нему, отнюдь не безоговорочная преданность, которую Шарик при случае демонстрировал, быть может, это было воспоминание о том, что именно Шарик первым приветствовал его на свободе и признал его Вожаком, а может быть, Волка привлекал веселый, несмотря ни на что, нрав этого единственного оставшегося в Стае «дворянина», всегда готового, как шут при королевском дворе, выкинуть какую-нибудь шутку, или неожиданная для такой мелкой в сравнении с другими собаки смелость. И Волк берег его, и часто подкидывал ему лакомые

куски, строго следя за тем, чтобы никто не смел отобрать их у него.

Стая была в сборе. Шесть мощных псов и Шарик. Но Волк медлил и не уходил прочь от города. Он чего-то или кого-то ждал, сам не зная.

И вот однажды поздним вечером на полянку, на которой кружком расположилась Стая, ступил необычный пес. Чисто белый, невысокий – он едва доставал Волку до плеча, но крепкий – мускулы так и перекатывались под короткой блестящей в свете луны шерстью, и кожа казалась плотно натянутой, без всяких складок и подвесов. Но самой удивительной была его голова идеальной ровной формы – «Ну чистое яйцо!» – подумал Волк, шея плавно перетекала в затылок, в макушку, в лоб, а тот без ложбинки – в морду, и заканчивалась острым черным носом. Он замер в немного расслабленной позе профессионального борца, что сразу оценил Волк, и вперил в Стаю спокойный, но какой-то пустой и холодный взгляд глубоко и косо посаженных глаз-миндалин.

– Убийца, – мелькнуло в голове у Волка.

Даже Шарик, которого поначалу развеселила несколько пороссячья внешность пришельца, заглотнул смешок.

– Буль, – коротко представился новичок.

– Заходи, – столь же кратко ответил Волк и еле заметно кивнул Стае – спокойно.

Его хозяином был рыхлый мужчина неопределенного возраста – от сорока до пятидесяти пяти, тщательно пытающийся скрыть огромную плешь длинными редкими волосами, которые он зачесывал от уха до уха. Чем он занимался, Буль не знал и, даже если бы его это интересовало, вряд ли бы смог догадаться. Единственными существенными для Буля следствиями деятельности хозяина были хорошая кормежка – хозяин был консервативен и, отвергая все новомодные широко рекламируемые суррогаты, кормил Буля исключительно парным мясом, и панический страх, мало заметный для окружающих людей, но обволакивающий флюидами Буля, вызывая презрение и почти физическое отвращение, даже большее, чем крепкие духи хозяйки или сосиски с горчицей, которыми шутки ради потчевали его хозяйские дети. Да и сам Буль появился в доме не вследствие любви хозяев к животным или, как у многих соседей, после многолетнего нутья детей, а исключительно для охраны. Хозяин взял его из питомника служебных собак и Буль был лишен даже того короткого щенячьего периода игр и постоянного внимания хозяина и детей, которые на годы закладывают основу единения семьи и собаки. Хозяйка его едва терпела, дети при первой встрече сморщились: «Фи, какой противный», – и в дальнейшем, если и замечали, то только для каких-ни-

будь каверз. Даже у хозяина отсутствовало столь свойственное мужчинам тщеславие обладателя редкой породистой собаки.

По непонятной для Буля причине хозяин лично выводил его на прогулку каждый вечер. Для самоутверждения, для демонстрации окружающим того, что он никого и ничего не боится, просто для вечернего моциона – побудительные мотивы людей не интересовали Буля. Он знал лишь, что хозяин боится, что даже в их хорошо охраняемом поселке, куда не допускались неизвестные люди, он перед прогулкой неловко прилаживал наплечную кобуру с предусмотрительно снятым с предохранителя пистолетом. Поэтому Буль, прошедший серьезную школу, при выходе на прогулку невольно подбирался, для него эти полчаса были работой, единственной работой, которая щедро оплачивалась кровом и едой.

И его час пришел. В тот вечер они уже во второй раз дошли до конца аллеи, упирившейся в высокий сплошной кирпичный забор, со всех сторон охватывавший поселок. Буль традиционно подошел отметить ко второй по правой стороне липе, до упора натянув поводок. В этот момент с другой стороны раздался легкий шелест листвы и на аллее возникла черная фигура. От нее шел привычный запах, свойственный охранникам: до блеска надраенных армейских высоких ботинок, натуральной кожи куртки, хорошо смазанного оружия. Но уже в следующую секунду Буль понял, что это не охранник – хозяин затрясся, выронив поводок, и стал нелов-

ко шарить под курткой, пытаюсь достать пистолет. Человек в черном стал поднимать тяжелый Магnum, зажатый в обеих руках, на уровень головы хозяина, медленно и бесстрастно говоря: «Тебе последний привет от Слона». Вероятно, заказчик был склонен к театральным эффектам или насмотрелся крутых боевиков, но его требование к исполнителю о последней фразе было совершенно излишним, так как хозяин все прекрасно понял в тот же момент, когда увидел наемного убийцу, а последний привет терял всякий смысл уже через секунду после выстрела. В конце концов это спасло жизнь жертве. Человек в черном, несомненно, боковым зрением заметил неуклюжего мелкого пса, задравшего лапу на дерево, но не придал ему значения. Свою ошибку он понял только тогда, когда неуклюжий поросенок неожиданно в один прыжок преодолел разделявшее их расстояние и впился в ближайшую левую руку человека в черном. Тот добрым словом помянул своего наставника, учившего, что с одной руки в серьезном деле стреляют только кинозвезды и лохи, мгновенно разлепил руки и, инстинктивно пытаюсь сбросить с левой руки Буля, уже добравшегося до кости и перепиливавшего ее своими зубами, чуть опустил руку, переводя прицел на колышущийся торс жертвы. В этот момент Буль разлепил челюсти, человек в черном чуть качнулся, потеряв равновесие, и пуля ушла вниз и вправо, чиркнув по бедру хозяина и мгновенно окрасив светлые брюки расплзающейся красной полосой. Буль упал на землю и, отразившись, теннисным мячи-

ком взлетел вверх, впившись в правую руку убийцы. Второй выстрел ушел еще ниже, взметнув фонтанчик земли у ног хозяина, раздался хруст перекушенного кистевого сустава и пистолет упал на землю, с протяжным звоном ударившись о камешек. Уже бежали встревоженные выстрелами охранники, один по аллее, другой, неведь откуда взявшийся, возник из кустов около забора, хозяин, вытащивший, наконец, пистолет из кобуры, вертел его в руках, не зная, что делать дальше, человек в черном опустил правую руку вниз, чтобы не держать Буля на весу и, потев и скрипя зубами от боли, зло и обреченно повторял: «Все, все, хватит», – когда Буль во второй раз повторил тот же прием: он резко разжал челюсти и, оттолкнувшись задними ногами от земли, взвился вверх и вцепился зубами в горло убийцы, точно над водолазкой. Пока охранники заламывали руки подкошенного убийцы и, завалив его на землю, надевали наручники, пока успокаивали трясущегося хозяина, пытаясь отобрать у него взведенный пистолет, мягко отводя его в сторону, пока кричали бегущим со всех сторон вооруженным людям, что все в порядке, Буль лежал рядом с человеком в черном и выпитывал бьющую из прокушенной артерии кровь, самую вкусную и бодрящую из всего, что он пробовал в своей недолгой жизни, и когда фонтанчики крови иссякли, он поднялся и отошел на шаг в сторону и замер в безразличной позе исполнившего долг служаки.

Покушение, несмотря на все усилия заинтересованных

лиц, не удалось скрыть и Буль попал на первые полосы газет и на экран телевидения. Корреспонденты буквально совали ему в морду микрофоны, в запальчивости надеясь на интервью, но он лишь с тупым смирением позволял себя фотографировать и после сеанса удалялся на свое положенное место под лестницей на второй этаж особняка хозяина. Мода на бультерьеров взлетела до небес, очередь за породистыми щенками была расписана на три года вперед, а семья хозяина в первый раз живо заинтересовалась им, расписывая график случек.

Буль не знал, что ему суждено еще раз стать звездой новостей и в самое ближайшее время. После происшедшего хозяин потерял всякий интерес к вечерним прогулкам и его по очереди выводили хозяйка и дети хозяина. Всем льстило, что соседи всегда тыкали в Буля своим гостям – «Тот самый!», волей не волей подогревая интерес к сопровождающим. Буля по прежнему водили по поселку на поводке, чтобы лишний раз подчеркнуть, кто его хозяин, но на прилегающих аллеях ему давали волю и даже изредка кидали палки – хозяевам нравилось, как он, поднося, непроизвольно разгрызал их. Постепенно ажиотаж спал и хозяину мягко намекнули, что столь опасную собаку, при всем уважении и тому подобное, предпочтительнее выгуливать подальше от людей и, особенно, детей. Поэтому Буля выводили поздно вечером, когда все сидели у телевизоров, и только в самой глухой части поселка, вблизи достопамятной аллеи. Каждый вечер

его проводили через место его славы и Буль даже по прошествии нескольких месяцев чувствовал сладкий аромат человеческой крови на том месте, где он завалил убийцу.

Как-то раз на дальней полянке Буль с хозяйкой столкнулись с их соседкой, жившей через четыре дома от них, выгуливавшей красавицу колли. У собаки была течка и хозяйка специально вывела ее на дальний участок, от греха подальше. Узрев колли, Буль встряхнулся и кандибобером подкатился к ней. Сунул нос в промежность, возбуждился и уверенно закинул передние лапы на спину сучке. Колли повернула голову, одарила его презрительным взглядом: «Мелковат ты, парень», – и легким движением скинула его с крупа. Ее хозяйка замахала руками: «Кыш, кыш, что удумал», – и, ухватив Буля посеред туловища, стала оттаскивать его в сторону. Буль недоуменно посмотрел на колли: «Ты чего, право, я же со всем уважением», – обернулся к хозяйке собаки и сомкнул челюсти на схватившей его руке. Почувствовав вкус крови, Буль неожиданно для себя изверг семя, успокоился и начал методично перебирать зубами вверх по руке, подбираясь к плечу, затем к горлу, не обращая внимания на истошные вопли жертвы и собственной хозяйки. Он довел дело до конца, дождавшись замирания фонтанчика крови на шейной артерии, отошел от жертвы и застыл в привычной позе тупого смирения. Хозяйка продолжала истошно кричать, по аллее бежал охранник, на ходу выхватывая пистолет, и Буль вдруг осознал, что охранник собирается стре-

лять в него. Буль в недоумении пожал плечами и отпрыгнул в сторону под прикрытые кусты. Всю ночь и весь следующий день он лежал, зарывшись в листву, и наблюдал, как охранники прочесывают территорию поселка, затем в темноте проскользнул через ворота и потрусил прочь, пока не наткнулся на Стаю.

* * *

На следующее утро после появления Буля Волк, как бы получивший сигнал свыше, снялся с привычной стоянки и повел Стаю прочь от города. Буквально километрах в десяти-пятнадцати начиналась совсем другая жизнь. То гроздьё на асфальтовых веточках рассыпались коттеджные поселки, новые, блестящие, как на макете архитектора, то вдруг нанизывались на разорванную нитку старого шоссе брошенные деревни, распутившие волосы оборванных проводов.

Одну из таких деревенок заметил Волк еще во время предыдущих набегов. Средняя бусинка четок, почерневшая и отполированная дождями, она закатилась в угол между неширокой, в три прыжка, но быстрой речушкой и неожиданно густым лесом, лишь через полчаса пути упиравшимся в шоссе. Крайней к лесу стояла еще крепкая усадьба, брошенная совсем недавно, но главным – для Волка – было то, что с задов, через обширный огород был свободный выход в лес, а на просторном дворе имелось несколько сараев, доб-

ротом сработанных, без щелей и с деревянным полом, с запасом всякого тряпья – идеальное место для зимовки.

Летели месяцы, оплыла сугробами зима, расцвятилась весна. Волк заматерел, набрался опыта как в охоте, так и в управлении Стаей. Он чутко уловил тот момент, когда Стая отъелась, налилась силой и эта сила стала перехлестывать через край, начались мелкие стычки без всякого видимого повода, матерые псы нервничали и при каждом удобном случае норовили улизнуть в окрестные поселки и деревни. Стая хотела развлечений, приключений и явного противоборства, которого не могла оказать мелкая живность окружающих лесов и покорная скотина местных крестьян.

Для начала Волк решил сделать дневной набег на одну отдаленную от их лежбища деревню, не заброшенную, как ихняя, а хорошо обустроенную, с крепкими домами и подворьями, к которым примыкали большие ухоженные огороды, а дальше – ровно засеянные поля, перемежаемые лесозащитными полосами и лугами. Когда Волк, быстро осмотревшись и втянув дувший со стороны деревни ветерок, выпрыгнул на единственную улицу деревни и, чуть поводя по бокам головой, потрусил по деревне, Стая почувствовала, что сегодня ее ждет нечто необычное, и без раздумий, с возбужденным повизгиванием бросилась за своим вожаком. Улица была пыльна, пустынна и тиха. Но стоило им миновать первые дворы, скрытые за высокими сплошными заборами, как местные собаки, которых держали и не по одной в каж-

дом доме, почуяли чужаков и нарастающим истошным валом разнесли весть по деревне. Собаки Стаи рефлекторно залились в ответ, некоторые даже бросились к заборам, сквозь узкие щели которых блестели глаза дворовых, но Волк одним движением головы прекратил бесполезную и недостойную членов Стаи брехню и двинулся дальше. Единственными представителями людского племени, с которыми столкнулась Стая, были дети, быстро и безо всякого перебора ногами перемещавшиеся на низких тележках по маленькой площади перед единственным не огороженным забором зданием деревни. Дети тоже заметили грозно и безмолвно приближающуюся Стаю, невольно выстроившуюся в некое подобие боевого порядка «свинья», с крупной собакой, чем-то похожей на овчарку, но необычного серого окраса, во главе. Первые заметившие Стаю закричали от страха, предупреждая остальных, на мгновение застыли, загипнотизированные невиданным зрелищем, затем, стряхнув оцепенение, соскочили со своих тележек и пусть не столь быстро, как до этого, но все равно ставя личные рекорды в беге на короткие дистанции, стали улепетывать к ближайшим воротам. Стая не обратила на них никакого внимания – они не собирались связываться с людьми, тем более с их беспомощными детенышами. Так же безразлично они отнеслись к появлению в осторожно приоткрытой калитке, за которой исчезли дети, взъерошенной головы мужчины, окинувшего их быстрым взглядом и немедленно исчезнувшего. Когда муж-

чина появился во второй раз, Стая уже миновала его дом и не придала значения ни скрипу открывающейся калитки, ни тому, что в руках у мужчины был неизвестный им, бывшим городским жителям, предмет, издавелека напоминавший длинную суковатую палку, тем более, что мужчина явно не собирался бросать эту палку в них, наоборот, он схватил ее двумя руками, прижал один конец к плечу, а другой направил в их сторону. Стае повезло, что рука у мужчины дрогнула, то ли с тяжелого похмелья, то ли от внезапно пришедшей мысли, что стреляет не на озере, а посреди населенного поселка. Страшный грохот и свист быстро пролетевшего над их головами роя ос, одна из которых все-таки зацепила холку Дога, окрасив ее длинным следом, сразу набухнувшим кровью, нарушил стройный боевой порядок Стаи и заставил их в инстинктивном ужасе броситься в сторону, в узкий проулок между домом на площади и ближайшим подворьем. Волк бежал последним, стараясь даже в позорном бегстве сохранить достойный вид, и растерянно размышлял о том, почему один громкий звук – он слышал и погромче – поверг его в такой ужас.

Стая остановилась только на опушке ближайшего леса, тяжело дыша, как после многокилометровой пробежки, и понуриив головы со свисающими языками. «Ну и Стая!» – пронеслась в голове Волка предательская мыслишка. В наступившей тишине раздавалось лишь недовольное ворчание Дога, пытавшегося дотянуться до раны на холке, из которой

широкой струйкой стекала на плечо и затем падала на траву крупными каплями кровь. Волк подошел к нему и быстрыми нежными движениями языка вылизал рану. В конце царапины он почувствовал какое-то непонятное твердое утолщение и стал двигать языком от него вдоль царапины. В конце концов он почувствовал на языке маленькую горошинку с характерным металлическим вкусом и сплюнул ее на траву. Эта маленькая горошинка, суковатая палка в руках человека, грохот, исходящий от нее или от него, резкий свист множества ос, вихрем пронесшихся над его головой, рана на шее Дога, смутно вспоминаемые повествования отца, который, сам не очень хорошо понимая, пытался втолковать ему что-то о страшной способности людей убивать на расстоянии, все это легко сложилось в голове Волка в ясную картину и успокоило его – он все знал, а если и не знал, до предчувствовал, и там, на улице деревни, он не испугался, как эти, он понял уязвимость их позиции на открытом пространстве и принял единственно верное решение укрыться в узком проулке, где его не мог видеть человек с суковатой палкой и куда он не мог бросить свои смертоносные горошины. «Ах, какой я молодец!» – подумал Волк. Он был еще очень молод.

Волк окинул веселым взглядом своих понурых спутников. «Стае нужна встряска», – подумал он и, мотнув головой с призывом следовать за ним, двинулся по опушке леса, огибая деревню. Вскоре им повезло. На полянке с сочной травой паслось небольшое, голов в десять, стадо коз под присмот-

ром седого сторбившегося человечка. Волк, мгновенно оценив, что у человечка нет страшной суковатой палки, с ходу ворвался на полянку и, наметив двух молодых козочек с таким нежным ароматным мясом, двумя быстрыми движениями разорвал им горла. Оставшиеся козы сбились в кучу, жалобно бляя, но спутники Волка не тронули их, только тьякнули для пущего страху и, прихватив заваленную Волком добычу, бросились назад к лесу. Тут опомнился пастух и, крича что-то надтреснутым голосом и размахивая для устрашения палкой, которую он использовал в качестве посоха, стал наступать на Волка. Тот же не бросился прочь – два позорных бегства за день было бы слишком, а повернулся к человеку, крепко уперся передними лапами в землю и ощерился. Человек и Волк встретились взглядом и человек понял, что ему лучше уступить. Он раздосадовано крякнул и, боязливо оглядываясь, пошел к своему поредевшему стаду. Волк был горд и доволен собой. Молодецки захваченная добыча и выигранная на глазах Стаи дуэль с человеком, пусть и старым, но пастухом, являющимся генетическим хозяином для всех остальных членов Стаи, укрепила авторитет вожака и заслонила в памяти Стаи позор набега на деревню. Они не могли предвидеть, что эта «игра на публику», то, что их видели в деле – не в набеге на деревню, а в наглom похищении людского добра – породит рассказы, передаваемые из деревни в деревню, их поселка в поселок, и в конце концов приведет к гибели Стаи.

Волк придумал также много других проказ. Самой приятной было то, что люди называли бы «похищением сабинянок». Они нашли удобный проход в большой городской парк на окраине города, который позволял им при необходимости быстро без пересечения оживленных автострад уходить в предместья и далее к своему главному лежбищу. Они проникали в город рано утром и залегали на день на небольшой, плотно окруженной кустами терновника полянке, непонятно зачем созданной людьми посреди парка. К вечеру они проползали под низко стелющимися ветками и направлялись в отдаленные аллеи, излюбленное место выгула собак окрестными жителями и даже обитателями центра города, специально привозивших на машинах своих ненаглядных питомцев. Заметив сучку в течке, они незаметно подкрадывались с подветренной стороны, затем Шарик тихо подбирался к провисающему поводку и прежде, чем хозяин или хозяйка собаки успевали сообразить, что является объектом атаки, перекусывал поводок или, в крайнем случае, резким неожиданным движением вырывал его из рук зазевавшегося хозяина. Тут из кустов выскакивала вся Стая и начинала быстро гнать сучку, обалдевшую от страха и сладкого предвкушения от такого скопища кобелей, в направлении предместья. Бывали и курьезные случаи. Как-то раз они похитили таким об-

разом болонку, одетую в кокетливый брючный костюмчик, с огромным белым бантом на голове. Болонке было тяжело сравняться в беге даже с Шариком и по началу Члены Стаи на бегу подбрасывали ее носом вперед, придавая необходимое ускорение, но в конце концов Дог подцепил ее зубами за костюмчик и так и пронес до ближайшего за городом леса.

Право первой ночи принадлежало Волку и он быстро научился делать свое дело степенно, без всякой там беготни и повизгивания, тем более, что все сучки, включая пресловутую болонку, которая сама начала раздирать на себе кокетливый брючный костюмчик, застывали, когда их обхватывали лапы Волка и они чувствовали на спине его тяжелое мускулистое тело. На ближайшие пару недель Стае было обеспечено развлечение, все стали намного спокойнее и не исчезали с лежбища на целые дни, нарушая столь любимую Волком дисциплину.

Когда течка прекращалась, сучку за ненадобностью прогоняли, что оказалось очень непростым делом: у сучки в незнакомой местности не было другого дома, кроме лежбища, другой семьи, кроме Стаи, и другого источника пищи, кроме добычи Стаи. Они бродили, скуля, по деревне, оккупированной Стаей, и никто из кобелей, следуя своеобразному джентльменскому кодексу поведения, не решался отогнать их подальше. Но как-то раз случайно выход был найден. Стая отправилась за очередной игрушкой в город и употребленная сучка увязалась за ними. Волк лязгнул было зу-

бами, но она, привыкшая за эти недели к его манерам, даже не вздрогнула и продолжала спокойно бежать рядом. «Сама отстанет, это не в городе на собачей площадке бегать», – подумал Волк и прибавил ходу. Но сучка оказалась упорной и пусть из последних сил, но доплелась до городского парка. И тут на знакомой аллее она заметалась, подвывая, а Волк, чутко уловив момент, бросился в ближайшие заросли, увлекая за собой Стаю, и остановился только на их потаенной лужайке. Сучка же, побегав в растерянности по аллее и не умея и не решаясь в одиночестве броситься по следу Стаи, понуро отправилась знакомым путем домой к хозяевам, неся в себе «привет из леса», вызвавший через два месяца сочувствие, а подчас и гомерический хохот знакомых.

Маятник парк – лес – парк работал безупречно, но один раз он застопорился и так в Стае появился новый член, а у Волка подруга.

* * *

Немецкая овчарка Альма была рождена для охраны и жизни на свежем воздухе. Хозяин и взял ее для этого. Как только начали строить новый загородный дом, Хозяин поехал в питомник, посоветовался, блудя форму, с кинологом, хотя заранее принял решение, и, сопровождаемый им, прошел в вольер, где лежала крупная худая овчарка, а вокруг нее копошилось около десятка круглых почти неотличимых комоч-

ков черного цвета. «Рекомендую», – просто сказал кинолог и отошел в сторону.

Альме сразу понравился этот крупный спокойный человек. Она выбралась из кучи-малы своих братьев и сестер и, неловко переваливаясь, подошла к человеку, обнюхала его ботинки и брюки, потом легла на живот, помахивая хвостом. Человек наклонился, погладил ее по спине – Альме это понравилось, подхватил ее своей большой рукой с крепкими пальцами под живот, поднял на уровень лица и стал рассматривать ее морду, слегка качая головой. Хвостом вертеть было неудобно и Альма в знак расположения лизнула его в нос. Лежащая сука угрожающее зарычала и стала приподниматься. «Свои, фу», – негромко вскрикнул кинолог и зашел в вольер.

– Симпатичный, – сказал человек.

– Славная будет сука, – ответил кинолог.

– Хотел кобеля.

– Она сама вас выбрала.

– Дело обычное, – сказал человек, грустно улыбнувшись.

Кинолог понимающе кивнул головой.

– Пойдемте в контору. На нее бумаг оформлять больше, чем на новую машину. Кличка на «а».

– Попрощайся со своими, – человек задумался и добавил, – Альма. Навсегда. Теперь у тебя будет другая семья, Альма, – сказал он более уверенно, прижал щенка к своему дорогому костюму, поудобнее подхватил рукой, и унес в но-

вую жизнь.

Семья Хозяина ей не понравилась – жена и две дочери, с общим, одни суки, которые постоянно переругивались, что-то кричали друг другу визгливыми высокими голосами и часто дымили из маленьких уменьшающихся в размерах трубочек, а затем – «ах, дорогая, как накурили, побрызгай освежителем, ну сколько можно просить об одном и том же, оторви задницу от кресла» – чем-то пшикали из ярко раскрашенного цилиндрика, после чего любой нормальной собаке дышать было просто нечем. Они, конечно, ухаживали за ней, постоянно смотрели в какие-то листочки и книги, разминали таблетки, варили каши, несколько раз приводили каких-то незнакомых людей, который чем-то больно кололи ей в заднюю лапу, после чего это место болело и она сама несколько дней была вялой и предпочитала лежать на толстом коврикe – «месте» – в кабинете хозяина. Еще они по несколько раз в день выводили ее на прогулку и Альма всегда старалась дотерпеть, лишь бы не наблюдать бестолковую шумную суету, которая начиналась всякий раз при обнаружении лужи на полу или, того хлеще, на ковре. Все равно, их она только терпела, и прогулки были не в радость, так, по нужде, а был Он, Единственный, Хозяин и одно счастье – прогулка, вечером, с Ним.

Детство кончилось, но кончилось радостно – Хозяин перевез ее на машине в загородный дом, который был уже возведен под крышу, и рабочие занимались внутренней отдел-

кой и благоустройством обширного участка земли. Наступили сладостные дни. Можно было свободно бегать с утра до вечера и сетка забора, обрамлявшего участок, казалась краем земли, настолько строившийся дом и участок были больше городской квартиры и всех прилегавших переулков; дымок от мангала, на котором рабочие иногда вечерами жарили куски мяса на металлических палках, струился сладостным ароматом; можно было посреди дня, убежавшись, прикорнуть прямо на траве, уткнув нос в стружки, смолисто пахнущие лесом; справлять нужду можно было где и когда хочешь, но Альма целомудренно отходила ближе к изгороди; рабочие были молоды и веселы, часто ласково трепали ее по загривку, вечерами бросали ей палку с криками «апорт», а потом давали ей маленький сладкий кубик или кусочек зажаренного на мангале мяса, кисловатого и пахнущего дымом. Два-три раза в неделю приезжал Хозяин, которого она встречала радостным лаем и высокими прыжками, норовя лизнуть в лицо и при этом не коснуться костюма – Хозяин от этого расстраивался, хотя и старался не показывать виду. Хозяин иногда подсаживался с рабочими к столу рядом с мангалом, прихватив с собой несколько бутылок с разноцветными прозрачными жидкостями, они разливали жидкость по стеклянным стаканчикам и опрокидывали их в рот, разговаривали, всякий раз почтительно замолкая, когда начинал говорить Хозяин, а Альма, закинув передние лапы на лавку, прижималась к нему, и Хозяин неспешно перебирал пальца-

ми шерсть у нее на загривке, отрывая руку только для того, чтобы опрокинуть очередной стаканчик; затем Хозяин, всегда неожиданно, поднимался: «Спасибо за компанию», – и отправлялся в обход своих владений, призывно постучав рукой по бедру.

Когда Альма подросла, Хозяин стал каждую субботу возить ее на собачью площадку для дрессировки, да и сам любил повозиться с ней, заставляя выполнять разные команды.

Когда они приехали на площадку, инструктор спросил:

– У вас животные в поместье будут?

– Только дикие: жена и взрослые дочери.

– Значит, будем тренировать только на вашу охрану.

Там ей привили пренебрежение к любой чужой жизни, кроме жизни Хозяина.

Собачье счастье недолго. Настал вечер, когда к загородному дому, расцвеченному огнями к приезду гостей, подъехало несколько машин нежданных, приехавшие были точны и сухи.

– Вот ордер. Задержание и обыск.

– Понимаю... Если уж честно – то не понимаю. Как он подписал? Ладно, приступайте.

– Уберите собаку.

Хозяин увел Альму в бытовку, запер, и она несколько часов, до конца обыска бесновалась, подпрыгивая к маленькому, прорубленному на высоте человеческого роста окошку. Она ухватила последние кадры, когда Хозяин, инстинктив-

но сомкнув руки сзади, прошел вместе с прибывшими к их машине, сел на привычное заднее сидение, не возражая, что с двух сторон к нему присели близнецы в серых плащах и шляпах, другие прибывшие вынесли из дома несколько коробок, небрежно швырнули их в багажники машин, и вот вся кавалькада, ловко развернувшись на небольшой площадке перед домом, укатила в сторону города.

Потянулись тоскливые дни. Хозяйки сами пребывали в неопределенности и с каждым днем все больше нервничали, особенно молодые.

– Продавай все к чертовой матери, все, на что у тебя есть доверенность, – убеждали они старшую.

– Как же можно? Ведь разберутся, выпустят, что я скажу?

– Как скажешь, мама, право слушать смешно, как дите малое. Ты в какой стране выросла? Виноват – невиноват, выпустят – не выпустят... Не выпустят!

– Хорошо, хоть квартира на меня записана, – покорно соглашалась старшая Хозяйка.

Вскоре Альма вместе со всем семейством перебралась назад, в ненавистную городскую квартиру. Прошло еще полгода.

– Ну как же так, восемь лет! За что? – причитала младшая из дочерей Хозяина.

– Да ни за что! – крикнула Хозяйка и, хлопнув дверью, удалилась в спальную.

На следующий день, когда Хозяйка, скорбно понутив го-

лову, тяжело опустилась на лавочку в парке, Альму похитили.

Хозяйка заметила это нескоро.

* * *

Течка кончилась, но избавиться от Альмы не удавалось. Она была очень вынослива и слишком привязалась к Стае, поэтому все попытки убежать в чистом поле или оторваться, бросив в городском парке, оканчивались неудачей.

Волк, столь строгий с членами Стаи, не смог перебороть природный пиетет к самкам, тем более к такой роскошной, статной, остроухой, и Альма осталась, исподволь, а иногда и хорошей трепкой, утверждая новый порядок.

Пару раз пригоняли новых сучек, но Альма встречала их столь неприветливо, что поначалу их пробовали прятать на другом конце деревне, но и там Альма настигала их, и в схватке доставалось всем случившимся на месте преступления, включая Волка, и Стая покорно сносила болезненные укусы, уворачивая чувствительные носы.

Но вот Альма родила и Волк, когда его наконец допустили в логово, с умилением наблюдал копошащийся клубок пушистых телец – «Ими прирастет Стая!»

Жизнь сразу стала веселей. Всех дел-то – принести домой добычу, а в остальное время куролесь как хочешь. Опять стали пригонять сучек и прятать их на дальнем дворе, случа-

лось, что на глазах возмущенной хозяйки отгоняли сучку в сторону и покрывали всей Стаей, а после, подгоняя носами и радостно гогоча, возвращали хозяйке, сникшей и смирившейся с неизбежным.

Но по прошествии месяца Альма, то ли засидевшись, то ли почувствовав, что ее влияние падает, упросила Волка взять ее в очередной набег.

Волк не смог отказать.

* * *

Высокий сутуловатый человек, одетый в потертые джинсы, местами порванные кроссовки и давно не стиранную куртку, с большим сдувшимся рюкзаком за спиной тяжело спустился из автобуса. Он с ненавистью посмотрел вперед, где на фоне сосен нагло красовались высокие, в башенках коттеджи – «Придет и ваш черед!», и свернул на боковую дорогу, именовавшуюся когда-то гордо «шоссе», и двинулся к заброшенным деревьям.

Он не надеялся на какую-либо существенную добычу. Самое ценное унесли до него, сразу же после отъезда последних хозяев. Но всегда что-нибудь остается. Особенно, если пошарить на чердаке или в сараях, куда сваливают всякий хлам. Люди часто сами не знают, чем владеют. Как-то он раскопал подшивку «Нивы» за 1912 год, в приличном состоянии и даже, как по заказу, перехваченную бечевкой, на-

туральной, такую он видел только в детстве. Этой стопки ему хватило на три месяца жизни, вполне сносной, просто хорошей, он мог зайти в ближайшую к квартире шашлычную, взять порцию супа, обычно солянки, шашлычку, выпить грамм сто пятьдесят, залив все это парой кружек пива, да еще прихватить на вечер бутылочку, чтобы было не так скучно. Больше ему так не везло, но что-то всегда попадалось. Даже пара приличных досок всегда находила покупателя, другое дело, что этого иногда хватало только на полбуханки хлеба. А что делать? После того досадного происшествия в зоопарке, когда на него повесили всех собак и выгнали, несмотря на сильно изорванное плечо, такое изорванное, что он и сейчас с трудом ворочает рукой, так вот, после того досадного происшествия было дело, нарушил, а как не запить, когда с тобой явную несправедливость творят, ну бросился на соседа с кухонным ножом, по крайней мере, так говорили свидетели, слава Богу, врачи разобрались, подлечили, выпустили. А куда со справкой? Хорошо хоть крыша над головой есть, Нинон, правда, пока он лежал весь в белом, пыталась оттяпать, но службы у нас неповоротливые, а она не знала кому и сколько дать, успел выйти, отбил.

– Это со стороны кажется легко, – размышлял он, бредя по дороге, – добыл-продал-выпил. А ты добудь! Ведь это надо же ехать черт-те куда, а потом тащить до ближайшей электрички или автобуса, хорошо, если мелочь, а если что тяжелое. И как назло, мелочь и стоит обычно хорошо, а приволо-

ки бревно – на бутылку не срубишь.

Щенки, по неразумению, взвизгнули раз, заслышав его шаги, и лишь потом затаились, но Смотритель чутко уловил и решил проверить.

– Ты смотри, какие ладные. Крепкие ребята и возраст самый что ни есть продаваемый. Недель пять, – поставил он диагноз, – по тридцатке точно уйдут. Да куда там по тридцатке, за таких молодцов можно и полтинник взять. Сколько вас тут? Восемь. Вот и ладушки.

Смотритель обошел на всякий случай дом, прихватил керосиновую лампу без стекла – авось сгодится, нашел в одном из сараев большую плетеную корзину со сломанной ручкой – «То, что надо!» – и вернулся к щенкам.

Он распустил рюкзак, поставил туда корзину, переложил в нее жалобно скулящих щенков.

– День удался! – думал он, бодро шагая на автобусную остановку. – Сегодня, конечно, уже не успею, но завтра, спозаранку, на Птичий рынок и будь я проклят, если не загоню всех!

* * *

Альма, оттеснив Волка с его места во главе Стаи, проследила след до остановки, растерянно повертелась на месте, немного повыла и понуро вернулась, вяло плетясь в задних рядах, к лежбищу. Волк, который и видел-то щенков всего

раза три, особо не переживал, не говоря об остальных членах Стаи, да и Альма быстро успокоилась, с головой окунувшись в забавы Стаи.

А забавы становились все более жестокими. Скучно же, право, задирать безответную скотину, заживевшую и не способную к сопротивлению. Один раз удалось отбить племенного быка, вот это была охота! Святой Бернар так и не оправился потом от удара рогом, но это была славная победа.

Другие развлечения были связаны с Альмой. В округе было много ферм, преимущественно птицеводческих, где в качестве охраны использовались собаки. Как-нибудь ночью Стая подбиралась, делала подкоп под забором, достаточно просторный, чтобы могла пролезть крупная собака, и подпускала к подкопу Альму, призывно поскуливающую. Кобели-охранники слетались по первому призыву и хотя быстро разбирались, что сука не в течке, но надо же убедиться, обнюхать, выполнить весь ритуал. И вот уже они проскальзывают в лаз и летят за Альмой, которая, играя, уводит их все дальше к полянке, на которой их ожидают бойцы – Волк и Буль. Альма стрелой пронесется между ними, стоящими в боевой стойке, и горе-охранники грудь-в-грудь налетают на неожиданных соперников. Расправа была короткой, хотя в охране служили не последние молодцы. Лишь раз дело обернулось круто. Три ризена, лет по пять, в самой силе, догнали Альму еще на ходу и, отрезав ей путь, принялись обхаживать. Ей удалось вырваться и довести-таки всех до засады.

Ризены были сильны и хорошо обучены. Волк и Буль выбрали себе по противнику и, пусть с трудом, одержали победы. Третий же стойко держался против всей остальной стаи, держа круговую оборону и резкими выпадами кровяня плечи противников, оставаясь практически невредимым.

– Ты славный боец, парень, – крикнул ему Волк, наблюдавший за схваткой, – присоединяйся к нам, будешь жить.

– Ты лучше выйди на бой, там посмотрим, кто будет жить, – ответил Ризен.

– Зачем тебе это? Ты же видел, я завалил твоего друга, вон он валяется, корм для ворон.

– А я завалю тебя! И все твоя свора мигом разбежится.

– А вот здесь ты ошибаешься, – процедил Буль и этот тихий, почти свистящий шепот подействовал сильнее, чем угрозы Волка. Ризен как-то сразу сник.

– Ладно, ваша взяла.

– Давно бы так! Пошли, повеселимся на ферме, – крикнул Волк.

Вся Стая, радостно урча, бросилась обратно, к прорытому лазу.

– Следи за Ризеном, – шепнул Волк Булю, – не нравится он мне.

Они ворвались на территорию фермы, в незапертые помещения с птицей и, круша клетки, принялись гонять по проходам кудахчущих кур, одним движением перерубая им шеи. Это был апофеоз бессмысленного убийства, но Волк не при-

нимал в нем участия, он одним глазом неодобрительно по-сматривал на членов Стаи, в запале нарушавших Закон, а вторым – на Ризена, который все порывался залаять, предупреждая хозяев, но не рисковал, зажатый с двух сторон Волком и Булем. Вот какая-то курица порхнула перед самой мордой троицы.

– Отведай свежего мяса, – подначил Ризена Волк, – не все охранять, надо иногда и себя побаловать.

– Да я сыт, – ответил Ризен.

– Не дрейфь, она сладкая!

На морде Ризена выразилась вся гамма чувств: он не мог нарушить запрет и уничтожить имущество Хозяина, доверенное ему в охрану, но, с другой стороны, ему страстно хотелось вонзить клыки в эту перепуганную толстую клушку, пустить ей кровь и отомстить за многолетнее наглое искушение разгуливающей под носом и недоступной еды. Он и сам не понял, как сделал это, просто сомкнул челюсти и перекусил курицу пополам. И как только кровь брызнула ему в горло, он забыл себя и, урча, доел все, до последней косточки, лишь перышки и пятна крови расцветили черную щетинистую морду. В этот момент Волк перерезал ему горло.

– Зачем? – спросил Буль.

– Он враг и нам не нужен. А теперь люди спишут все это безобразие, – он махнул головой в сторону Стаи, продолжающей бесноваться среди клеток, – на охранников. Пора уходить.

Альма видела, что произошло, но она не задавала вопросов.

* * *

Время шло к зиме. Фермеры перестали выгонять скотину на вольный выпас, да и сами все больше сидели по домам, гуляя свадьбы и отпиваясь после страды. Но Стая не скучала, гоняла по опустевшим полям редких зайцев, неожиданно расплодившихся и стянувшихся к городу кабанов и традиционных одиноких собак.

У Альмы опять началась течка, но в этот раз Волк грозно предъявил свои права и не отходил от подруги. Та же, гонимая бесом, норвила улизнуть и Волку пришлось задать крепкую трепку Роту, которого он буквально стащил с Альмы. Но Альма продолжала исчезать, как будто наслаждаясь ревностью Волка, и при возвращениях ластилась и строила планы дальнейшей жизни. Ей почему-то виделось это будущее вне Стаи и Волк, последнее время все с большим сомнением взиравший на сподвижников, нехотя поддакивал ей.

Они часто вдвоем уходили далеко от лежища, тщательно обследуя окрестности, ища новое логово, прикидывая, как там будет потомству, споря и отвергая. Как-то раз они набрали на бессмысленную кирпичную стену, тянущуюся посреди поля довольно далеко от ближайшего жилья и дорог. У средней части стены возвышались заросли калины, полно-

стью облетевшие, но даже в наготе своими мощными кустистыми стеблями скрывавшие вход в тоннель, который почуял Волк, уловив непонятное движение затхлого воздуха. Это был составленный из бетонных труб широкий, во всю длину Волка, водяной коллектор, строившийся давно, судя по многолетнему мху, и брошенный, как и многое из возводимого людьми в этой стране, посреди чистого поля.

Альма с большой неохотой прыгнула в коллектор, продравшись через заросли – он явно не подходил под логово, но Волк, ведомый тайным предчувствием, пробежал весь путь до конца. Коллектор кончился почти через час пути таким же заросшим выходом недалеко от огромного озера. Рядом стояли какие-то строения, истекающие песком, как слезами, от своей ненужности. Место было низкое, топкое и, на сколько хватало взгляда, человеческого жилья рядом не было.

Волк, удовлетворенный, кивнул головой.

* * *

Как-то теплым осенним вечером Волк и Буль лежали на опушке леса за их деревней.

– Ты убил много собак, Волк, – начал разговор Буль.

– Больше, чем ты думаешь, – ответил Волк.

– За что?

– Подлое племя, – нехотя ответил Волк, – ненавижу.

– Чем же это они так провинились?

– Они предали свободу и пошли служить к двуногим, которые уничтожили мое племя.

– Что же, я конкретно виноват в этом? И меня за это надо уничтожить?

– Нет. Ты, конкретно, не виноват. Ты мужик правильный, смелый, – Волк повернул голову и посмотрел в глаза Булю, – Ты извини, но это выше меня.

– А Шарик? Ты же любишь его, я вижу, – не унимался Буль.

– Шарик – хороший парень, веселый, – разговор стал тяготить Волка.

– Значит, если другой волк встретит нас, то он может нас убить только за то, что мы принадлежим к собачьему племени?

– Да, – нехотя ответил Волк.

– Это мы еще посмотрим, кто кого, – угрожающе проворчал Буль.

– Не спорю, тут уж кому как повезет, – примирительно ответил Волк.

– Мы не можем отвечать за то, что случилось задолго до нашего рождения, – после долгой паузы сказал Буль.

– Это – как посмотреть.

– Но двуногие дают кров и пищу.

– Лес дает кров, в лесу есть пища.

– Тебе легко говорить, ты родился в лесу, – начал было возражать Буль, но осекся, смутившись.

– В том-то и дело. Меня выкормила самка двуногих, у меня был кров и много мяса. Но я здесь. На каком-то этапе жизни каждый волен сделать свой выбор.

– Это не так просто.

– Да. Для этого надо быть свободным, – ответил Волк и, подумав, добавил, разъясняя, – в душе.

Они опять помолчали.

– Что же ты делаешь здесь, среди ненавистного тебе племени? – тихо спросил Буль.

– Отец мечтал о Стае, ему рассказывала мать. И я всегда мечтал о Стае, мне рассказывал отец.

– Ты думаешь, что нашел Стаю?

– Какая это Стая! Это шайка, а не Стая. Ведь девиз Стаи: «Свободны вместе!». А у этих в крови – «Один при хозяине». Предадут... – протянул Волк. – За тесную будку, за объедки, за хозяйскую палку.

– Но ты здесь.

– Всему свое время.

Оборвав разговор, Волк поднялся и медленно побрел в сторону деревни.

* * *

– Достали! – глава районной администрации для убедительности хлопнул кулаком по столу. – Скот режут, на фермы нападают, в деревни забегают. Народ волнуется! Из со-

седних районов тоже сигналы поступают, но все сходится, что базируются они у нас. Чистая шайка! Хуже – банда! Вот только как их логово обнаружить?

– Это мы организуем, – веско сказал представитель коттеджных поселков, – вертушку запустим – нет проблем. Они нас не очень колышут, но на всякий случай... Да и развлечемся – устроим охоту, кобели засиделись. Думаю, возражений не будет, зима, чай, на джипах только так по полям пронесемся.

Через неделю, получив данные от вертолетчиков, самоизбранный комитет местных жителей разрабатывал план кампании.

– Перестрелять всех к чертям собачим! – горячился владелец разгромленной птицефермы.

– Пострелять всегда успеем. На закуску. А в начале – собачками. Славное это дело, да по такой погоде, – не соглашался с ним невысокий, весь седой старичок с забавным хохолком на голове, от которого трудно было ожидать такой кровожадности. Бывший замминистра госбезопасности, на незаслуженной пенсии.

– Не наигрались, смотрю, за свою жизнь. А нам главное – результат. Вот в этом месте заляжем, – продолжал гнуть свое фермер, тыкая пальцем с обломанным и неровно подстриженным ногтем в разложенные на столе фотографии, – шуганем с обоих концов деревни, сами на наши винтовки выскочат.

– А если не выскочат?

– Да куда они денутся? Я бы на их месте точно выскочил!

– Пустой базар, – вмешался в спор представитель коттеджных поселков, бывший еще на первом заседании, – они же дикие, куда рванут – не знаем. Если к лесу, то их наши бравые крестьяне из берданок положат. А если нет или там промашка какая выйдет, мы их на дороге встретим. У меня у соседей лягашей натуральных больше, чем лягавых в районе.

– Интересное предложение, – поддержал его благообразный старичок, – собачки все же задействованы, очень я их уважаю. Только давайте зоны поделим. Значит так. Фермеры в лесу, мы с ближайшей стороны к трассе, а вы – с дальней, чтоб не путаться, у меня ведь тоже друзей-сослуживцев много, уважают старика, съедутся.

Немного поворчали для формы, утвердили.

В ближайшее воскресенье, чуть взошло солнце, фермеры стали подтягиваться к окраине леса и, тихо переговариваясь, двинулись через лес к задкам крайнего подворья, потом разошлись, обустроили каждый свое место по вкусу и замерли в ожидании. Поглядывали иногда в прадедушкины карл-цейсовские бинокли, засекли, что Стая на подворье, но двигаться никуда не собирается, и немного расслабились.

Не прошло и трех часов, как с разных сторон к деревне подползли две разноцветные, преимущественно черно-белые, змейки, чуть замялись на подъезде, как бы прислушиваясь, а потом их хребты распались и каждый позвонок при-

ткнулся к обочине, из разорванного чрева стали высыпать на дорогу люди, собаки, над этой толпой навис шум приветствий и скрытых угроз, и уже две новых вылупившихся змейки стали вползать на главную улицу деревни.

Деревня ответила молчанием.

* * *

Стрекоза двуногих – Волк благодаря Альме уже знал, что на языке людей она называется вертолет – несколько дней кружила над их районом, сопровождая Стаю в ее набегах и постепенно подбираясь к их лежбищу. Волк первый раз сталкивался с этими небесными тарахтелками, но из рассказов отца ему в душу запал почти мистический ужас перед ними и ему виделся в них предвестник гибели. Он долго размышлял над происходящим, тихо советовался с Альмой, прикидывал варианты поведения и в конце концов принял решение. Стая ничего не заметила – летает вертолет и летает, нервничает Вожак, так у подруги течка кончилась, скоро опять поведет Стаю на сторону, задумался, так о том, как от подруги оторваться. Все просто, все хорошо! Лишь последующие поступки Волка вызвали их удивление, но и тогда они особо не задумывались – Вожаку виднее.

В то прекрасное солнечное морозное утро Волк вскочил первым, с рассветом, обежал подворье, осторожно выглянул на улицу, долго, прислушиваясь, постоял на задах – все спо-

койно. Стая блаженно посапывала после вчерашней удачной охоты, а Волк не находил себе места, он чувствовал, что сегодня что-то произойдет. Подошла Альма. «Будь наготове», – предупредил он ее. Альма кивнула: «Понимаю. Сегодня.»

И вот Волк уловил далекий, очень далекий шум машин, множества машин, они двигались с двух сторон и могли доехать до их деревни, зажав ее в клещи. К этому времени Стая выползла на двор, оправляясь, собаки, последив за Волком, тоже прислушались, уловили, насторожились.

– Пора делать лапы, – крикнул Дог, – чего ты медлишь?

И другие молча поддержали его.

– Подождите, – ответил Волк, побежал на зады, прикрываясь плетнем, и замер у пролома, вглядываясь в недалекий спасительный лес.

Он стоял долго, но дождался – чуть колыхнулась ветка, донесся легкий хруст, как будто кто-то переступал, разминая затекшие ноги.

– Да все тихо, давай! В лесу они нас не достанут, – шепнул ему в ухо Дог, тихо подползший – дисциплина.

– Смотри туда, – Волк мотнул носом в сторону засеченной им точки.

Дог замер в ожидании и ему, а точнее говоря, Волку, повезло – в кустах яркой короткой вспышкой блеснуло дуло винтовки.

– Да-а, – протянул Дог и уважительно добавил, – ты – Во-жак.

Он опять замер, медленно поводя головой из стороны в сторону.

– Там еще двое.

– Я насчитал троих. Не это главное. Главное – их много.

Они отползли назад и, сторняясь открытого места, вернулись к Стае. Пока Дог, захлебываясь от счастья пролетевшей мимо смерти, рассказывал Стае об увиденном, Волк подобрался к остаткам выходивших на улицу ворот и, осторожно высунувшись, осмотрел улицу. Охотники, подъехавшие с дальнего конца, разбросав машины по краю дороги, с веселым гомоном вываливали свои располневшие тела на улицу, поглаживая на счастье стволы своих ружей, лежавших на передних сиденьях, распахивали задние двери джипов перед собаками и, пристегнув к ошейникам поводки, гордо выходили их на открытую площадку перед машинами. Те, которые подъехали с ближнего конца, были подтянуты и строги, но даже в подчеркнуто церемонных приветствиях чувствовалась радость от редкой неформальной встречи. И собаки у них были посolidнее, посерьезнее, они даже какое-то время прислушивались к командам хозяев, но, заражаясь общим возбуждением, тоже срывались с места, кружась, принявшись, высматривая объект.

Какие здесь были собаки! Волк, научившийся чувствовать породу, с некоторой долей восхищения смотрел на этот парад. Вот русская гончая, по низкой посадке головы похожая на волка, вот блауханд с глубокими свисающими

брылями, нервные остроносые доберманы, широкогрудые, с крепким загривком, боксеры, широколобые, меланхолично-безжалостные бульмастифы с небольшим белым пятном на груди, медвежеподобные ньюфаундленды, женоподобные длинноволосые афганские борзые, крутоспинные русские борзые, элегантные быстроногие грейхаунды, крепкозубые волкодавы, рыжеволосые ирландские сеттеры, мощные трудяги лабрадоры, пойнтеры и целая россыпь овчарок, немецких и восточноевропейских, кавказских, шотландских и среднеазиатских.

Собаки были возбуждены долгой дорогой, ожиданием неизвестной забавы, знакомились и грызлись, а хозяева между прочим называли их цену. Всеми владело ощущение праздника и раздачи призов.

В этот момент Стая, клином, ведомая Волком, за ним Буль и Дог, за ними в середине Альма, окруженная оставшимися, врезалась точно по центру толпы у дальнего края деревни. Волк пару раз резанул клыками ближайšie шеи и, оттолкнувшись от чьей-то спину, перемахнул на свободное место. Стая последовала его примеру и через несколько мгновений посреди улицы зиял проход, устланный агонизирующими телами нескольких псов.

Охотники, настроенные на веселую гонку, с ужасом взирали на тела своих любимцев. Оставшиеся в живых собаки занервничали, заметались, путая поводки, подсекая ими людей. В нарастающей суматохе лишь несколько человек смог-

ло добежать до своих машин и выхватить винтовки, но Стая уже огибала последний ряд стоянки, уходя в лес, и никто не рискнул стрелять, боясь повредить трепетно лелеемые «тачки». И тут мимо них пронеслась свора, спущенная с поводков второй группой охотников, и вскоре тоже исчезла в лесу.

Гончие цепко шли по следу, своим безудержным лаем подавая сигналы остальным, собакам и охотникам. Люди, тоже не промах, быстро пришли в себя, запрыгнули в машины, разлетелись по окрестным просекам, перекрывая дорогу Стае. Их план на этом этапе был прост – выгнать Стаю в открытое поле, и он удавался, тем более, что Волк подыгрывал им, ему кричали: «Прорвемся!» – но он неизменно отворачивал в сторону, увидев преграду.

Он хорошо изучил эту местность во время долгих прогулок с Альмой. Он выскочил на простирающиеся вдаль поля, перемежаемые тонкими лентами лесозащитных полос, точно посередке между двумя грунтовыми дорогами, так, чтобы люди на их мощных вездеходных машинах не могли сразу настичь Стаю.

На открытой местности борзые взяли лидерство, вырвались вперед, клацая зубами у лап арьергарда Стаи.

Волк перестроил порядки, отрядил прикрывать Стаю Буля и Дога, но, ведущий, придерживал ход, подлаживаясь под Буля, Шарика и Альму. Вот уже на опушку вылетели основные силы – волкодавы, ризеншнауцеры, овчарки – и левой пошли в догон. В какой-то момент Волк, сделав свой фанта-

стический пируэт в воздухе, крикнул: «В атаку!» – и четыре борзых, истекая кровью, свалились на подмерзшее скошенное жнивье, и опять: «Вперед!» – и Стая несется, а преследователи – есть порода, но нет выучки, нет практики, нет лидера – даже не пытаются обойти, пустить часть своры наперерез, захватить в клещи, остановить, преследователи лишь сопровождают почетным эскортом, потягивают, не приближаясь, ожидая подкрепления.

Но не могла такая гонка продолжаться бесконечно. Стая, привыкшая нападать, изнемогала, и вот Афганец, поглядывая на зеркального близнеца, вдруг отпрыгнул в сторону и как в ни в чем ни бывало понесся вместе со сворой, все увереннее потягивая, но стараясь держаться во втором ряду, на всякий случай. Замедлился бег, уже основные бойцы накатились и машины, радостно урча, набирали ход, когда Стая уперлась в потрескавшуюся кирпичную стену посреди поля, бессмысленную, крыльями уходящими далеко, до самых лесозащитных полос, высокую, непреодолимую.

Они остановились, тяжело дыша, почти у самой середины этой стены, у кажущихся непроходимыми зарослей калины, раскинувшей в зимней тоске свои изломанные ветви, как вздетые согнутые в локтях руки.

Преследователи, не менее уставшие, расположились полукругом, отрезав Стае все дороги к спасению.

– Мужики! Здесь все свои, нормальные ребята. Мы же ни в чем не виноваты, это все Волк со своей сучкой. Давай к

нам! – раздался крик Афганца.

Волк молчал, искоса поглядывая на Стаю.

* * *

Они остались втроем – Волк, Буль и Шарик. За их спиной находился узкий лаз в коллектор, в который с трудом протиснулась Альма и теперь встревоженно оглядывала оттуда отдохнувшую, беснующуюся, но пока держащуюся на безопасном расстоянии свору собак. Шарик, в котором разыгрались гены дедушки-терьера, встал в боевую стойку, широко расставив лапы и угрожающе рыча: «Мы принимаем бой!»

– Подожди, Шарик, не надо, – спокойно сказал ему Волк, – ты бы шел отсюда. Зачем тебе в чужом пиру похмелье? Живи.

– А как же вы?

– Мы разберемся. Ну, давай, прощай, времени не остается.

Шарик нехотя отпрыгнул в сторону, обернулся напоследок и помчался прочь. Его никто не преследовал.

– Хороший парень, веселый, – сказал Буль.

– И смелый, – согласился Волк.

– У нас нет шансов, – продолжал он, по-прежнему спокойный. – За собаками едут двуногие.

– Да, я заметил, – отрешенно сказал Буль.

– Там, сзади, большая труба, выше меня, и очень длинная,

час пути. Они не рискнут преследовать нас, по крайней мере, сразу.

– Я знал, что у тебя есть что-то в запасе. Ты он уверенно шел.

– Пойдем, у нас мало времени.

– Спасибо, Волк, но я остаюсь. Повеселюсь напоследок, – Буль обвел свору немигающим, устремленным внутрь него взглядом, и свора на мгновение притихла. – Твое время пришло, Волк. Прощай!

– Ты сделал свой выбор, Буль. Прощай!

* * *

Люди в предвкушении конца охоты, но не радостном, не возбужденном, добрались, наконец, до стены и следы происшедшего здесь боя заслонили даже тяжесть потерь в деревне и вид распластанных в поле борзых. На небольшом пятчке хрипел, брызгал кровью, тянул, царапая землю, лапы в попытке отползти, закатывал глаза в предсмертной агонии клубок тел. Все было кончено, но виновника бойни нашли много времени спустя, когда разгребли клубок. На Буле не осталось ни одного нерастерзанного клочка кожи, но его зубы намертво впились в горло последнего поверженного им противника. Их так и не смогли разжать.

Но пока люди недоуменно оглядывались – кто? – оставшиеся в живых собаки услужливо кивнули на бывших чле-

нов Стаи. Но их и так уже вычислили – по здоровому, но неухоженному по человеческим канонам виду, по особой невышколенной, не городской стати, по шеям, не привыкшим к ошейникам. Охотники в жажде мести вскинули ружья и рывок бывшей Стаи врассыпную запоздал. Пули засвистели им вдогонку и они один за другим кувыркались, подбитые, на поле, но люди стреляли и по лежащим, озлобленно-радостными криками приветствуя каждое попадание, от которого конвульсивно взлетали лапы жертв, даже тогда, когда они были мертвы.

Волк бы не удивился происшедшему – ни исходу боя, ни жестокости людей, ни скорой неотвратимости наказания за предательство. Не удивился, если бы хоть на мгновение оглянулся назад и задумался.

– Буль их задержит, – крикнул он Альме, юркнув в лаз. – Вперед! Вперед!

Он думал только о том, что впереди. Время задумываться о том, что прошло, еще не настало.

Часть пятая

Они уходили все дальше и дальше на восход. Зима выдалась холодной и бесснежной, но это только помогало им – они бежали, не сбавляя хода, напрямик через леса и поля, сторонясь укатанных дорог и все более редких городов и деревень. В первые дни они еще с большой опаской вступали на прогибающийся под их тяжестью лед многочисленных речушек, но скоро и те стали окончательно.

И вот Великая Равнина вынесла их на край ледяной пустыни, начинавшейся почти сразу за линией деревьев, но не лесных, крепко вросших в землю, а стоящих на многих ногах, между которыми мог легко протиснуться Волк, а сейчас свободно гуляла поземка. В морду ударил разогнавшийся на воле ветер, вобравший бесчисленные запахи за долгие версты пути.

– Неужели – Крайнее Море? – удивился Волк.

Но вот где-то вдаль, сквозь искрящуюся взвесь, угадалась темная громада другого берега, высокого, непривычного, и по мере того, как глаза приучались отсекаать лишнее, она, казалось, напознала, но вот замерла, четко очертившись.

– Неужели – Великая Река, край моей Территории? – с надеждой прошептал Волк.

– Ты не увидишь белку на дереве на той стороне, – охолонила его Альма, напомнив пересказы Одинокого Волка, –

это действительно Великая Река, но не та. Давай переберемся на ту сторону, пока не запуржило.

Они переночевали, хоронясь от пронизывающего ветра, в неглубоком гроте, которым обычно пользовались в непогоду приезжие рыбаки, а утром оврагами поднялись на высокий обрывистый утес. Разыгравшаяся ночью пурга утихла и сверху видна была вся доступная земля. На закат тянулась пройденная ими Великая Равнина, с обширными полями, перемежаемыми клочками лесов, напоминавшая издалека плохо скошенное поле. Кое-где угадывались серые пятна деревень, а совсем на горизонте в неподвижный воздух поднимались, чуть расплываясь, клубы бело-серого дыма – там, наверно, был город. На холод и тепло вольно растянулась во сне река, накрыв голову и ноги пушистыми облаками на горизонте. А на восход!.. На восход простиралась холмистая местность, вся зеленая с белой подпушкой, и отсюда, сверху, она казалась кочковатым, поросшим травой, бескрайним болотом, не страшным, как для большинства людей, а добрым, которое и схоронит, и накормит. И насколько хватало взгляда – ни одного признака людей.

– Здесь и перезимуем, – то ли спросил, то ли утвердил Волк, – пора уже постоянное логово завести, – добавил он, окинув взглядом сильно погрузневшую подругу.

– Да, скоро, – подтвердила та и, с тоской оглядев безлюдные просторы, тихо проговорила, недобро, – тебе здесь будет хорошо.

Они медленно трусили уже несколько дней, осматривая и отвергая различные укромные пещеры и завалы. Альма капризничала, уже она тянула Волка за собой на восход, а тот, повинувшись Закону – логово выбирает волчица, не спорил и, пусть недоумевая, покорно следовал за ней. Они пересекли две дороги, по которым недавно проходили машины людей, Волк заволновался и стал настойчиво призывать Альму вернуться назад, но та, ведомая каким-то инстинктом или предчувствием, лишь ускорила шаг. Вот и третья дорога прорезала лес, а на ней – странная, плотно сбитая группа людей, медленно бредущих, устало-понурых, одинаково черных, а спереди и сзади – еще две группки, заметно меньше, тоже одинаковые, но в грязно-зеленом, злобно-веселые, с автоматами на плечах. А у их ног на поводках – здоровые, откормленные и тренированные собаки, как братья Альмы, в насто-роженном счастливом ожидании – вдруг кто из черных шагнет в сторону, вот славная будет охота!

– Ты этих искала! – злобно прорычал Волк и резко мотнул головой в сторону людей, не собак. – Соскучилась!

Но Альма не слышала его. Ее глаза как-то сразу нашли и выхватили из толпы черных фигуру высокого, немолодого человека, он шел, переговариваясь с кем-то из своих спутников, но вдруг оборвал разговор и стал растерянно озираться

вокруг, потом определился, зацепился глазами за небольшой кусочек леса слева по ходу движения, но сколько ни всматривался, не разглядел ничего, кроме стоящих стеной елей, но какой-то исходящий из-за них безмолвный страстный зов притягивал его, и он еще долго оборачивался, в надежде.

– Чего раскричался? – откликнулась, наконец, Альма, выйдя из ступора. – Отвык от людей, но тут уж ничего не поделать, они везде. Придется смириться. Ладно, пошли дальше, я что-то устала сегодня.

Не прошло и двух часов, как Альма нашла логово. Оно было не лучше, даже хуже многих виденных ими до этого. Просто завалились крест накрест две ели, так и остались лежать, опираясь на огромные вывернутые из земли корневища, со временем сверху на комли нападали ветки, налетела опавшая хвоя, мелкими иголками забившая все щели, так что самый сильный ливень не прошибет, тут и ветер постарался, подоткнул снежную перину. Тепло, но тесновато и как-то несолидно, по волчьим понятиям.

– Здесь – так здесь, – согласился Волк и отправился обследовать свою новую Территорию.

* * *

Волк за несколько дней обегал все вокруг и под конец с трудом выдавливал из себя метки границ. Он нашел немало укромных местечек, прекрасно подходящих под логово, но

Альма с порога отвергала все его предложения прогуляться, проветриться, посмотреть. Как обычно бывает, в результате она оказалась права. Вернувшись после очередной экспедиции и приволоча крупного, еще не отощавшего от зимней бескормицы зайца, Волк удивился необычной тишине возле логова. Альма всегда чутко улавливала его возвращение и встречала у входа, приветно потягивая. Сегодня было пустынно и тихо. Волк настороженно остановился в нескольких прыжках от логова, положил на снег зайца, принялся. Кажется, все спокойно, никого чужого не было. Но он для надежности сделал круг, не нашел ни незнакомых следов, ни опасных запахов, и только после этого приблизился к логову. Оттуда действительно доносился специфический запах, смешанный с запахом крови, и тонкое разноголосье поскуливания. Волк сунул было голову внутрь логова, но Альма, разлегшаяся полукругом, спиной к входу, и прикрывавшая какой-то клубок у своего живота, только повернула голову, безмолвно ощерила зубы и Волк сразу ретировался, осознав.

– Ну вот и случилось, вот она – Стая! – умильно подумал он, но быстро вернулся на землю, поднес зайца к входу в логово и прокинул его внутрь.

– Ты хороший отец! – раздалось изнутри.

– У вас не будет с этим проблем, – ответил Волк и, решив, что вторая охота за день будет явно лишней, свернулся клубком у входа, привычно прикрыв нос и лапы пушистым хвостом, и немедленно уснул.

Прекрасный это был месяц! Слегка морозило, то так, что даже на полном ходу не перехватывало дыхание и можно было комфортно спать в притопленной в земле ямке под ближайшей к логову елью. Исчезла постоянная раздраженность Альмы в последние дни беременности, ее неожиданные вскрики и даже укусы. Просто исчезла Альма, она заби-лась в логово и лишь иногда мелькала перед Волком ее острая морда – когда она схватывала принесенную им добычу и, невнятно бурча что-то похожее на благодарность, быстро утаскивала ее в логово.

Но какая была охота! Волк первый раз в жизни вырвался в девственный лес, с его чистыми запахами и особой тишиной, охраняемой мерным перешептыванием слегка колы-хаемых ветром верхушек деревьев и подчеркиваемой вспыхивающей изредка перебранкой белок или сорок. А сколько новых зверей и птиц! Казалось бы, его, выросшего в одном из богатейших зоопарков мира, трудно удивить, но как разительно отличались встреченные им вольные звери от тех, угрюмых и малоподвижных, а многих, наверно содержав-шихся в дальних вольерах, он вообще встретил или заметил впервые.

Вот он, пробежав по цепочке очень похожих на его, только меньше, следов, уловил на дальней опушке рыжий всполох.

Ба, родственница! В зоопарке, как бедная приживалка, все тыкалась острой мордочкой по углам, глазки круглые, без те-ни мысли, даже стыдно, честное слово, хвост грязный, слип-шийся, как у кошки, прости Создатель. А здесь! Как ты под-росла, сестричка, и где ты обзавелась такой шубой с кокет-ливым белым кончиком на пушистом богатом хвосте. И что ты делаешь на этой чистой нетоптаной полянке, к чему при-слушиваешься, или меня уловила? Но вот задорно блеснули глаза и лисица быстро разрыв ямку выхватила тонко пища-щую мышь. Ну молодец, сестричка, удачной охоты!

А вот другая чужая охота. По еловым веткам на недоступ-ной для Волка высоте несется белка, пустая добыча, мяса не больше, чем в приличной мыши, все остальное видимость – мех и цоканье, а за ней, как уменьшенная копия лисицы – куница, блестящая, темно-бурая, с эмблемой солнца на гор-ле. А какие прыжки – Волку не под силу! С ели на ель, с вет-ки на ветку, бесстрашно, глаза устремлены только вперед, на добычу, если она перепрыгнула, то уж я подавно!

– А вот так мы не договаривались! – Волк, злой и обеску-раженный, стоял около своей заначки – пять дней назад он завалил оленя, уже успел отгрызть два окорока и переволочь их в логово, а остаток припорошил снегом для сохранности, и надо же – уволокли! Следы странные, передние напомина-ют медвежьи, почти круглые, большие, а задние, помельче – как волчьи, но не совсем. По ним Волк нашел свою добы-чу, изрядно обглоданную и запрятанную в укромное место,

вероятно, бывшую берлогу, но воришка был уже далеко и Волк, пробежав пару часов по остывшему следу, оставил эту затею.

Они встретились чуть позже, недели через две. Волк с удивлением рассматривал нескладного зверя: голова слишком мала для длинного туловища с высоко задранными массивными крупом, короткие передние лапы широко расставлены и опираются на непропорционально большие ступни, картину завершал недлинный, но чрезвычайно пушистый хвост, свисавший почти до самой земли. Единственное, что было в этом звере красивого – это шуба, густая, длинная, блестящая, коричневая с рыжинкой и кокетливой желтой полосой вдоль всего тела.

– Экий увалень! – подумал Волк. – И как это он ухитрился моего оленя так далеко уволочь, он же больше него?

В этот момент увалень, непостижимым образом почуяв Волка, вдруг сорвался с места и неожиданно быстро короткими прыжками стал уходить в сторону.

– Ну я тебе сейчас задам! – крикнул Волк, пустившись в погоню.

Не тут-то было. Сначала увалень завел Волка в распадок с глубоким снегом, где Волк стал сильно проваливаться и далеко отстал от вора, скользившего по насту на своих широких лапах, как на лыжах, а в конце погони, порядком устав и чувствуя уже за спиной разгоряченное дыхание, он ловко взобрался на дерево и развалился на ветках на недоступной

для Волка высоте.

– Чего привязался? – спросил он сверху.

– А почто ты мою добычу украл? – ответил вопросом на вопрос Волк.

– Не разбрасывай, – спокойно ответил увалень.

– Ладно, пробежали, – согласился Волк. – Тебя как зовут-то?

– Росомаха.

– Первый раз слышу.

– А тебя?

– Волк.

– Тоже первый раз слышу. Я было подумал – собака, только немного необычная, окрас и стать, что-то не то, – сказала росомаха.

– Я тебе покажу – собака! – взвился Волк.

– Извини, – просто ответила росомаха.

– Ты уж поаккуратнее с моей добычей, – сказал Волк.

– Договорились.

По прошествии времени Волк понял, что тот разговор под деревом мог кончиться для него гораздо хуже. Он как-то подсмотрел за охотой росомахи. Тот долго выжидал оленя, спрятавшись в ветвях над тропой, ведущей к водопою, а потом обрушился всей массой тому на спину, переломив хребет.

– Еще и вверх надо посматривать, не было забот! – подумал Волк.

* * *

Морозным солнечным днем Альма с гордостью вывела свой выводок из логова. Щенки, щурясь от яркого света, сначала неуверенно тыкались из стороны в сторону, но с каждой минутой все больше осваивались и вот уже устроили веселые гонки взапуски.

– Каковы! – читалось во взгляде Альмы.

А Волк видел не веселых щенков, резвящихся на полянке перед логовом. Он видел свою бывшую Стаю. Вот кривоногий приземистый Буль, вот Дог, гладкошерстный и красноглазый, вот лобастый Рот, даже Шарик коричневым пятном мелькнул в свалке.

– У-у, сучье племя, – крикнул он Альме и, налетев на щенков, стал крушить им хребты мощными ударами лап.

Он пожалел двоих. Не потому, что они были серы. Только они не приникли в страхе к земле, а, уперев передние лапы, гордо вскинули головы, ожидая смертоносной атаки.

* * *

Он бежал три дня, бежал на восход, бежал от воспоминаний. Но чем дальше, тем чаще перед его глазами вставали два серых комочка, таких слабых и таких гордых. Он бежал

все медленнее, потом заметался на берегу очередной реки: «Может быть, пойти на тепло, там теперь лучше охота», – объяснял он свою нерешительность, но вот, повинувшись внутреннему зову, он развернулся и крупными прыжками устремился назад, к логову.

Он загнал по дороге зайца и принес его к входу в логово. Альма была грустна, но ласкова. Она куда-то прибрала убитых щенков и на полянке носились кругами только двое серых. Она благодарно приняла зайца и пригласила волчат разделить трапезу, распоров зайцу брюхо. Щенки, радостно урча, зарылись мордами в парящих на морозе внутренностях, а потом, вцепившись с разных сторон, стали раздирать зайца пополам.

Волк был ласков, но грустен. Он потерял мордой о плечо Альмы и улегся рядом с ней, наблюдая за резвящимися волчатами.

Щенки были очень похожи: серые, с крепкими лапами и продольной черной полосой вдоль хребта. Но были и различия. Один – они его прозвали Лобастик – был больше в отца, с крупным выпуклым лбом, а второй – Ушастик – больше в мать, с длинными, острыми, торчащими вверх ушами.

Росло солнце, с каждым днем все выше поднимаясь в небе, росла трава, сменившая под лапами стаявший снег, росли волчата, жадно перемалывая принесенную отцом добычу, и вместе с этим росла любовь к ним Волка, который готов был целыми днями играть с ними и учить их, нико-

гда не уставая и никогда не раздражаясь. Он вспоминал свое детство, сначала часы, а потом дни, недели, месяцы, проведенные в вольере Одинокого Волка, все его уроки и рассказы, и старался перенести, передать это сыновьям, дотошно соблюдая все приемы, все упражнения, даже тот хрупкий баланс строгости и ласки, требовательности и поощрения, без которых не может быть полноценного обучения. Тем самым он чтит память своего отца, всех предшествующих поколений, которые истончились в этих волчатах.

Ему было, конечно, намного легче, чем Одинокому Волку. Тому приходилось перед каждым занятием очень долго объяснять и рассказывать сыну о никогда не виденной им воле, о лесах, полях, реках, чтобы тот смог представить себе ситуации охоты, поиска и погони, защиты от непогоды и главного врага – двуногих, болезни и ранений. Все это надо было воссоздать в тесных границах вольера, раздвинуть его до горизонта, засадить деревьями, напитать реками, наполнить запахами трав, населить зверями и птицами.

У Волка и его маленькой Стаи все это было, было вокруг них и они сами являлись частичкой этого реального мира. Они вместе распутывали хитроумные заячьи петли и выгоняли затаившегося под кустом длинноухого на короткую веселую пробежку, оканчивавшуюся упоительно вкусным обедом. Они разыскивали в траве перепелиные гнезда и лакомились мелкими, но такими нежными яйцами, а однажды Лобастик, притаившись чуть в стороне, даже прихватил и саму

перепелку, храбро ринувшуюся на защиту своего гнезда. Тогда Волк одобрительно, хотя и немного удивленно, посмотрел на Лобастика и позволил ему одному съесть свою первую самостоятельную добычу. Они медленно подползали к толстому чуткому барсуку, выискивающему личинки под дерном, каждый раз замирая, когда тот настороженно поднимал свою острую полосатую мордочку. Здесь приз – если хотелось есть, то печень того же барсука – получал тот из волчат, кто первым ударял мордой в толстый зад барсука. Но если тот все же улавливал приближение волчат и, вначале семени, а потом перейдя на преуморительные короткие прыжки, улепетывал под эскортом волчат к своей норе, охота считалась неудачной и игра начиналась сначала с другим барсуком. Волк научил их по состоянию копки определять, давно ли здесь кормилась стая кабанов, и находить их купальни или укромные лежки в глубине леса. Сам Волк, может быть, сцепился бы с секачом, не ради добычи, а из куража, но с волчатами он не рисковал, долго выискивал неосторожно отбившуюся от стада самку с поросятами, налетал на блаженно почесывающуюся о дерево или сосредоточенно разрывающую твердым пяточком землю свинью, отгонял ее в сторону или просто кружился вокруг, отвлекая внимание и давая возможность сыновьям уволочь по полосатому поросенку размером не намного меньше их самих. Затем, так и не тронув самку, он уносился вслед за волчатами, прихватывая напоследок еще одного истошно визжащего поросенка, для

Альмы. Так, заодно, он приучал волчат соблюдать Закон и не брать лишнего.

А после успешной охоты и сытного обеда они ложились где-нибудь в теньке поблизости от воды и Волк начинал объяснять им Закон. Волчата обычно засыпали под его неспешный говор, но Волк не расстраивался и в следующий раз повторял свои наставления с начала, а некоторые из них так поражали волчат, что они сами просили повторить их снова и снова, и Волк повторял -что-нибудь да останется.

Волк понимал, что волчата слишком молоды для восприятия Закона и после маленького урока переводил разговор на обыденное, на окружающее. Уже тогда, до своих многолетних странствий, Волк знал о животном мире гораздо больше, чем любой из обитателей леса, и волчата, затаив дыхание, слушали его рассказы о повадках разных зверей и птиц, не только осязаемых, но и тех, далеких, недостижимых, с которыми он познакомился в зоопарке. О гигантской щуке с четырьмя лапами, которая выползает из воды, чтобы схватить глупых зазевавшихся волчат и уволочь их на самое дно; об огромном олене, в два раза выше любого виденного ими, но без рогов и с одним или двумя мешками на спине, куда он складывает непочтительных волчат, а также еду и воду и поэтому может не пить и не есть неделями; о звере-горе с двумя хвостами и огромными лапами, в отпечатке которых, заполненном водой, может искупаться уставший на охоте волчонок; об огромных орлах, которые могут взять в каждую из

своих когтистых лап по разморившемуся на солнце волчонку и унести их к самому Крайнему Морю. Волчата повизгивали от страха, стреляли глазами то на мирно журчащий поблизости ручей, но в небо, где весело носились ласточки, и успокаивались – сказка.

Но больше всего волчата любили рассказы отца о его прошлой жизни. Так получилось, что в этих рассказах смешались судьбы Одинокого Волка и Последнего Волка, и вот Волк в последнем усилии проскальзывает под сетку и мимо изумленных егерей и охотников, мимо припасенных на такой случай борзых несется во весь опор за Волчицей, и вот они уже у спасительной трубы, и вот, продравшись сквозь заросли калины, они юркнули в нее и никто не смеет их преследовать, но они несутся вперед и выскакивают на берег рукотворного озера с заброшенными, недостроенными домами двуногих, их пустые глазницы бессильно провожают их, их распахнутые рты пробуют что-то озлобленно крикнуть им вслед, но они бегут вперед, они живы, они свободны. «Так мы с мамой прибежали сюда, тут появились вы, и теперь здесь наш дом.»

Он никогда не рассказывал им о пленении отца, о своей жизни в несвободе, о своей шайке, хотя волчатам наверняка были бы интересны их похождения. Он никогда не говорил им о том, что он – Последний. Они лежали рядом с ним, такие сильные, такие гордые, такие серые, они были живым опровержением того, с чем он вырос, того, что внедрилось в

него сразу же, как он начал осознавать этот мир.

– Ваши двоюродные братья и сестры где-то рядом. Когда вы подрастаете, мы пойдем и найдем их и у нас будет большая Стая. И пусть Они трепещут!

– Мы найдем их, и у нас будет большая Стая, и пусть Они трепещут! -радостно подхватывали волчата, ударяя правыми передними лапами о дерн.

Разговоры утихали, они погружались в сон, потом просыпались, потягивались, до дрожи напрягая задние лапы и хвост, немного пили – много нельзя перед возможным долгим бегом – и устремлялись навстречу новой охоте.

Как-то раз, ранним утром они столкнулись с косулей, редкой гостьей в их краях. Волчата замерли на опушке леса, разглядывая неизвестную стройную, тонконогую красавицу, в искрящейся в первых лучах солнца гладкой рыжей шубке, с точеной, неожиданно темно-серой головой с белым пятнышком на переносице. «Что ж, поохотимся, – сказал Волк, – сильно не отставать! И смотрите внимательнее, что я буду делать.» Для Волка это была не охота – детская забава, он легко догнал косулю, в четком прыжке перерезал ей артерию на горле и спокойно улегся рядом, но для волчат, изо всех сил старавшихся держаться сразу за отцом, это была первая настоящая погоня и они, возбужденно урча, налетели на поверженную косулю, вцепились ей в горло и замерли, впитывая еще пульсирующую кровь. «Как мы ее загнали, мама! – вздохнул описывали они вечером короткие перипетии пого-

ни. – Почему ты не ходишь с нами на охоту?»

* * *

Чем больше сближался с сыновьями Волк, тем дальше уходила Альма. Как-то само собой сложилось, что Стая, как они гордо именовали себя, чуть свет уходила на охоту, иногда на два-три дня, а Альма оставалась в логове и на все это время они забывали друг о друге. Но Альма недолго спала после их ухода, вставала, до хруста потягиваясь, немного ела из обильно принесенной добычи и отправлялась в короткую, на час резвого бега, дорогу, к странному, как будто из другого или очень древнего мира, городу двуногих, обнесенному высоченным, в половину хорошего дерева, глухим забором со сторожевыми башенками по углам. В строго определенное время распахивались ворота, в которые упиралась единственная в округе дорога, и из них медленно вытекала толпа неизменно усталых людей в одинаковом черном в сопровождении утренне-злых людей в форменно-пятнистом. Они уходили в лес, с каждым днем все дальше, где они прорубали широченную, в пять или шесть прыжков, просеку для каких-то их, людских, надобностей, валили вековые деревья, обрубали ветки, кряхтя пристраивали тяжелые бревна на сани-волокуши, что свозили их к дороге, где бревна перегружали на непомерно длинные машины и увозили в другую жизнь.

Альма встречала их у ворот, провожала до места работы, весь день неотрывно следила за высоким немолодым человеком в черном – Хозяином, за тем, как он работает, как ест во время короткого обеда в полдень, как в неветренную погоду разжигает костры из обрубленных веток посреди просеки, зачарованно глядя на медленно прыгающий по лапнику, перед тем как бодро загудеть, огонек, как по команде присаживается к ближайшему дереву, достает из кармана металлическую коробочку, пуская солнечный зайчик откидывающейся крышкой, вставляет в рот столь любимую людьми палочку и с наслаждением выпускает изо рта клубы серого дыма, как в конце дня он возвращается той же дорогой в свой город и исчезает за сливающимися с забором воротами, до следующего дня.

Альму уже все знали, и черные, и пятнистые, даже сопровождающие людей кобели каждое утро приветствовали ее радостным лаем, резко контрастировавшим с их злобным рычанием по отношению к людям. В один из первых дней ее непрерывной добровольной вахты она вышла из леса и, дождавшись, когда Хозяин повернулся лицом в ее сторону, негромко тьякнула. Хозяин поднял глаза, долго всматривался в нее и потом выдохнул, удивленно, вопросительно: «Альма?» Она услышала этот шепот, через визг пил и стук топоров, через перекрикивания работающих и обязательную по службе ругань охранников. «Да, это я, я здесь!» – пролаяла она ему в ответ, от радости припала на передние лапы, опу-

стив голову к самой земле, и, как неразумный щенок, завиляла высоко поднятым хвостом.

Несколько дней все люди с удивлением наблюдали эти странные диалоги и вот начальник конвоя не вытерпел.

– Ваша что ли?

– Моя. Альма. Из той жизни.

– Как она здесь очутилась-то?

– Сам не понимаю. Если бы как встарь, пешком по этапу, а так... Не понимаю!

– Ладно. Подойдите. Разрешаю свидание.

Хозяин удивленно посмотрел на начальника и направился к собаке. Та возбужденно крутилась на месте, но рванулась навстречу Хозяину только тогда, когда он, сильно приблизившись, пересек какую-то невидимую определенную самой Альмой границу Их Территории. Она налетела на Хозяина и, не боясь теперь испачкать его одежду, вытянулась, положила лапы ему на плечи и несколько раз лизнула его в нос, щеки, любовно заглядывая ему в глаза, потом соскочила обратно на землю и начала в невероятном возбуждении носиться кругами вокруг него, изредка подбегая, и после короткого касания руки продолжала безумно радостный бег вокруг тихо плачущего от счастья и умиления уставшего немолодого мужчины. Но вот они оба успокоились, Хозяин сел, привалившись спиной к березе, Альма улеглась рядом, положив голову ему на живот и блаженно замерла под неспешным ласковым перебором пальцев на загривке.

Никто не работал, растроганно наблюдая эту сцену взаимного обретения после долгой разлуки, даже охранников прошибло, и чтобы скрыть, подавить это непопозволенное при исполнении чувство, они, когда Хозяин, последний раз обняв Альму, побрел обратно, принялись привычно зубоскалить.

– Эй, красотка, давай к нам. Наш Хозяин не хуже, лучшие куски даст, не ихнюю баланду. И женихами обеспечим, вот какие стоят, подрагивают.

* * *

Как-то раз случилось, что Волк с волчатами вернулись к логову до срока и очень удивились, не застав Альмы. Они сделали несколько увеличивающихся кругов вокруг логова, нашли свежий след и пустились по нему. «Мама, наверно, решила поохотиться, пойдем поможем, то-то весело будет!» – кричали волчата.

Они нашли ее на привычном для нее месте, метрах в пятидесяти от работающих, лежащей и неотрывно смотрящей в их сторону.

– А мы думали – ты охотишься, – разочарованно протянул Лобастик.

– Та-а-ак, – прохрипел Волк.

– Здесь мой Хозяин, извини, – ответила Альма и твердо посмотрела Волку в глаза.

– У, сучье племя, не можете без хозяина.

Волк развернулся и побежал обратно к логову.

Теперь изредка волчата, когда вдвоем, когда один, почему-то всегда Ушастик, отказывались идти с Волком на охоту – «Мы побудем с мамой», и бежали вместе с ней выполнять ежедневный ритуал. Они лежали целый день рядом с ней, смиряя свой детский темперамент и слушая ее рассказы о жизни с Хозяином. Из всего прошедшего она вспоминала только это.

Время шло. Опять начала индеветь трава по утрам, осыпалась золотом береза, покоричневел, не сдаваясь ветрам, дуб.

– Время идет к холоду. Скоро уснут реки. Дети выросли. Пора двигаться дальше, – сказал как-то Волк Альме.

– Зачем? Нам и здесь хорошо.

– Мы должны найти мою Территорию. Только там нам может быть по настоящему хорошо. Там наше место.

– Мое место – здесь, – тихо ответила Альма.

– Что? – недоуменно переспросил Волк.

– Здесь мое место, потому что здесь – мой хозяин.

– Что-о-о-!?

Волчата в ужасе забились в логово, в котором они не спали с весны. Гнев Волка был ужасен, он изрыгал проклятья на все «сучье племя», на всех их потомков и предков, вплоть до того ренегата-волка, который первым приполз на брюхе и лизнул руку человека в обмен на чечевичную похлебку, он объявлял войну всем несерым и всем серым, которые хоть раз позволили человеку дотронуться до своего загривка, он

обещал Альме растерзать ее – «Ты знаешь – я могу! Ты помнишь! И в этом – твоя месть!»

– Нет, не в этом. То, что сейчас, выше меня, выше тебя, – тихо, но твердо сказала Альма.

И почувствовав эту твердость, эту бесповоротность в ее голосе, Волк как-то сразу успокоился.

– Ладно. Создатель тебе судия. Но я уйду. У тебя свой путь, свое предназначение, у меня – свое. Знать бы – какое, – прибавил он про себя. -Ушастик, Лобастик! Выполняйте! Мы уходим на восход, на Территорию наших предков. За мной!

Волчата уже вылезли из логова и немного растерянно смотрели на родителей. Было даже странно видеть это выражение замешательства и недоумения, такое детское, потерянное, на мордах этих крепких, высоких, уже в рост матери, парней. Они долго молчали, не двигаясь на призыв Волка, и, наконец, Ушастик прохрипел: «Я остаюсь с матерью.»

– Та-а-ак! Ну а ты, Лобастик, туда же, под мамин хвост?

– Куда скажешь, отец. Я готов.

Волк вначале не понял, что ответил сын, ему даже показалось, что тот тоже покидает его, но он, сникая, успел перехватить восторженный взгляд его глаз и понял, что они вместе, и расправил плечи, и, гордо подняв голову, бросил: «Стая идет на восход!» – и прыжками, для зачина, бросился прочь от логова, с трепетом прислушиваясь к неотстающему хрусту подмерзшей травы под лапами сына. Он ни разу

не оглянулся. Того, что он слышал, было достаточно – Стая шла за вожаком.

* * *

Прошел месяц упоительного счастья совместного бега и охоты и вдруг природа забилась в предчувствии катастрофы. Пару дней она рыдала, как бы оплакивая ушедшее лето, потом окаменела, как казалось, надолго, но вдруг опять сошлись темные брови и полились горькие слезы и так пока не пробился как-то месяц сквозь тучи, не пахнул свежим холодным воздухом из широко открытого смеющегося рта, и заискрилось все вокруг, возвеселилось, так, что даже солнце, щурясь от смеха, забыло о своей работе, и с каждым днем становилось холоднее, чем прошедшей ночью, но вот солнце, насмеявшись, схватило платочек тучки отереть глаза, а слезы так и полились, и пригорюнилось, глаза открыло – перину уж раскинули от края до края, милое дело – покувыркаться с молодцем-месяцем. А как отдохнули, так опять начали на небе в прятки играть и бросили землю в морозное забвение.

А земля покрывалась панцирем снежного наста, таким, что лапой не прошибешь, да не одним слоем, а тремя, сколько раз погода от мокрети на жгучий мороз менялась. И замер Лес, и опустел Лес, куда все и делись! Кто под снег залег, да там и сгинул, кто от бескормицы да от холода в несколько дней согнал весь накопленный за лето жирок, ссохся в клу-

бок и покати́л его ветер, растирая в пыль о шкуру наста, кто поумнее да посильнее – двинулись к теплу, не все, но дошли, спаслись.

Волк с сыном упорно бежали на восход. Лишь когда три дня подряд им не попалось не то что добычи, но даже следа добычи, Волк осознал, что в природе происходит что-то странное. Лобастик давно поскуливал, часто останавливаясь и облизывая пораненные о наст лапы, деревья потрескивали, но этот треск шел не от застывших в неподвижном воздухе ветвей, а откуда-то изнутри, и кроме этого треска вокруг не было ни одного звука, ни одного живого звука.

– Нам нужна добыча, – прошептал Волк.

– Хорошо бы, – ответил Лобастик.

К середине следующего дня они напали на свежий след лося, уходивший на тепло.

– Живем, парень! – вскричал Волк. – Он один – большая редкость. Рога уже должен быть скинуть, так что берегись только копыт.

Через час преследования они наткнулись на широкую вмятину в снегу, рядом с которой виднелись много следов копыт.

– Отлеживался. Устал. Видишь, как тяжело вставал, – прокомментировал Волк, – теперь недалеко.

– Матерый, – продолжал Волк, когда они впервые увидели преследуемого лося, – говорил я тебе, что устал, голову совсем опустил. А так, когда в силе, да с рогами, да стаей –

красавцы, не сунешься. Давай за мной, не забегай. Помнишь, как сделали косулю? Вот и хорошо. Я его сам завалю. Нам хватит, чтобы переждать непогоду.

Все шло, как в тот раз. Волк, постоянно слыша за спиной возбужденный хрип сына, легко догнал лося, проваливавшегося почти на каждом шаге даже на таком насте. Он поравнялся с ним, уже остановившимся, и метнулся к горлу. И в тот момент, когда его зубы привычно разрезали артерию на шее, слева, лось резко дернулся и откуда-то сзади раздался страшный треск, расколовший тишину леса. Волк отлетел в сторону и развернулся. Лось, обагрив снег реками крови, завалился на передние ноги, а потом, не сгибая задних, упал набок. У самых его задних ног, как раз в одном прыжке от Волка, лежал Лобастик. Последний конвульсивный удар копыта пришелся точно в его широкий, такой любимый Волком лоб. Его глаза навеки закрылись еще до того, как из горла лося перестала биться кровь.

– За что?!

Этот вой одинокого волка был громче наполненного страстью крика самца, победившего в битве за волчицу, и громче сдобренного кровью рыка стаи, загнавшей оленя, как для желающих слышать сдавленный плач вдовы заглушает фанфары побед легионов.

Часть шестая

Волк по-прежнему бежал, повинуюсь неведомой путеводной звезде, на восход. Он бежал уже третий день, не встречая людей и лишь изредка пересекая слабо укатанные дороги, бежал напрямик, часто глубоко проваливаясь в снег и роня лапы о кромку наста, бежал до тех пор, пока мышцы не начинали каменеть и, скручиваясь, кричать об усталости, тогда он забирался в первое попавшееся укрытие и засыпал. Но и во сне ему не было покоя, все мелькали перед глазами копыта лося и слышался треск раздробленного черепа. Он вскакивал и опять несся вперед, не думая о еде, лишь иногда хватая разгоряченной пастью снег. К концу третьего дня, когда тени от елей расплылись и слились в сумерки, на широкой тропе, вившейся в густом лесу и которой равно пользовались и животные, и люди, Волк попался. Резкий короткий скрежет распрямляющейся пружины, глухой удар железа о кость, пронзительный произвольный вскрик, перешедший в долгий утихающий стон.

Волк отполз чуть назад, чтобы не давить всей массой тела на защемленную переднюю лапу, потом сместился немного в сторону, располагаясь точно вдоль капкана, и замер в ожидании, когда опадет взметнувшаяся боль.

Теперь он все ясно понял: и то, что недавно по тропе проходили люди, трое мужчин на лыжах, и то, что капкан

был поставлен неумело, если бы он был чуть внимательнее и осторожней, он заметил бы его без труда, даже, скорее, учуял, потому что капкан был протерт абы как и смазка, желтоватыми комками налипшая в местах соединения металлических частей, источала тридцатилетнюю прогорклость.

– Вот и все, – с грустью подумал Волк, – конец, глупый конец. Такой же глупый, как у Лобастика. Только чуть подлиннее. Интересно, как все повторяется. Такой же лес, такая же зима, такой же капкан. Все как рассказывал отец о его матери. Она сделала то, что положено. И в этом был смысл. По крайней мере, ей так казалось. Она надеялась встретить Стаю, она еще могла нарожать волчат, она знала, что сын загонит ей добычу. А что положено делать Последнему? Который не встретит Стаю, которому никто не нарожает детей и которому никто не загонит добычу. Все бессмысленно, – и Волк устало закрыл глаза.

* * *

Дед проснулся, как и обычно, от первого луча солнца, ударившего из-за дальней сопки. Много лет назад, когда скоротечный рак в три месяца засушил его старуху, он сделал этот своеобразный будильник: сменил старую, с частыми перекрестиями раму на новую с одним цельным стеклом, повесил на подвижных кронштейнах в углу избы, долго вымеряя разворот и наклон, большое зеркало и передвинул кро-

вать так, чтобы первые отблески солнца попадали точно на подушку. Так он и жил по солнцу, с каждым годом все больше возвращаясь к простоте стародавней сельской жизни. После того, как он ушел на пенсию после сорока лет работы главным егерем местного заповедника, он перестал бывать и в ближайшем городе, лишь изредка навещал старых друзей, доживавших свой век на таких же, как и его, хуторах, затерявшихся в густых северных лесах. Из достижений цивилизации был у него только спутниковый телефон, привезенный и насильно подаренный внучкой – Марией, как чувствовала, что не пройдет и полгода, как в столичной квартире раздастся звонок и непривычно слабый голос прохрипит: «Приезжай, внуча, пожалуйста, что-то меня совсем скрутило». И приехала, бросив учебу и работу, и выходила, и задержалась: «Все равно в институте академический отпуск на год. Поживу я тут у тебя до осени. Хорошо здесь, покойно».

Дед улыбнулся, как ребенок, уворачиваясь от солнечно-го зайчика. Каждое такое утро, начинавшееся с яркого солнечного лучика, добавляло Деду настроения и сил. Он с каким-то смущением вспоминал жалостливый призыв к внучке: «Надо же так растечься!» – и старался мелкими знаками внимания и заботы загладить свою кажущуюся вину. Вот и сегодня он тихо встал, запустил дизель автономной электростанции, растопил голландку, остывшую за ночь, вскипятил на электрической плите чайник, сварил овсянку и два яйца и только после этого пошел будить Марию.

После легкого завтрака они по сложившейся традиции отправились на лыжную прогулку, которая с каждым днем становилась все длиннее – по дедовским силам. Было не очень холодно и снег мерно скрипел под лыжами, легкий ветерок сдувал маленькие снежинки с елей и они искрились на солнце, медленно опадая на землю.

– Ну-ка, внуча, посмотри, что это там впереди, на тропе.

– Ой, дед, давай сюда, – закричала Мария, склонившись над попавшим в капкан Волком, чуть припорошенным снегом и провалившимся в ласковое забытье окоченения. Мария скинула варежки, потрогала нос Волка, приподняла веки, радостно воскликнула: «Живой!»

– Ну что делают, сволочи, – Дед недовольно качал головой, рассматривая капкан, – говорил я тебе, что какие-то чужие в наших краях объявились, шваль городская, а ты не верила. Давай, подсоби.

Дед вытащил из-за спины из-за пояса небольшой топорик, без которого никогда не ходил в лес – всякое в жизни бывает! – вставил между полукружьями капкана, с усилием разжал.

– Перехвати. Дожимай до земли, сейчас легче пойдет. Да осторожнее, руку не наколи.

Они освободили лапу Волка, тот от боли из-за смещения на мгновение пришел в себя, приоткрыл глаза, увидел склонившееся над ним обеспокоенное лицо Марии, напомнившее ему что-то очень далекое и полузабытое, но хорошее, и,

успокоенный, опять провалился в пропасть.

– Здоров, бродяга, – ласково сказал Дед, – как же нам тебя до хаты-то дотащить? Давай, Мария, так. Беги домой, прихвати санки, ну ты знаешь, в сарае, и дуй обратно. А я здесь посторожу. Веревки не забудь, – крикнул он уже вслед удаляющейся девушке.

– Вот ведь зверюга, – говорил Дед двумя часами позже, сидя на лавке в доме и тяжело отдуваясь, – в самой силе, лет шесть-семь, наверно. В былые времена сказал бы, что волк, а сейчас не знаю, что и думать, – продолжал он, наблюдая, как Мария, пристроив Волка на толстом стеганном коврик у голландки, осторожно прощупывает его поврежденную лапу. – Ну что там? – не выдержал он.

– Похоже, перелома нет, может быть трещина и мышцы распухли, но на разрывы не похоже, так, очень сильный удар.

– Возьми в снях пару узких дощечек, так, чтобы по всей длине лапы, захватывая сустав, да перебинтуй потуже. Оклемается!

– А он не пообморозился? – спросила Мария.

– Интересный вопрос, – протянул Дед, – никогда как-то не задумывался. Сам уши, нос, да и руки обмораживал, было дело, но со зверьем как-то всегда другие проблемы были. Хм, действительно интересно. Ты его осмотри повнимательнее, не только больную лапу, может, и вправду что не так.

– Волчок! – раздался вскоре радостный крик Марии, которая вдруг бросилась обнимать зверя, чуть не целуя его. –

Дед, Дед, это он, я же тебе рассказывала. Ну тот, Последний, который еще из зоопарка пропал, года четыре назад. Вот и шрам у него на задней правой лапе, вот подойди, пощупай, так не видно, старый уже, затянулся, и шерсть вокруг выросла, я же сама и зашивала, он тогда забрался за стол в кабинете, стал выбираться, ну бутылка с раствором со стола и упала, разбилась, а он испугался, рванулся и лапку порезал. А как вырос-то, раздался! Красавец мой! Ну вылитый отец. Тот тоже был хорош, особенно когда вечерами кругами по вольеру носился, думал, никто не видит. Но я как-то увидела, потом специально иногда задерживалась, посмотреть – красиво! А этого я сама из соски выкормила, с самого первого дня, он мне теперь что сыночек. Волчок, я тебя опять выхожу, ты не волнуйся, но только уже никуда не отпущу, будешь при мне да Деду, здесь тебе хорошо будет, никто тебя не обидит, и лес рядом.

* * *

Волк выздоравливал тяжело и долго. В былые годы он бы, наверно, и внимания большого не обратил на травму – ну болит, поболит-поболит и перестанет, первый раз что ли, а мышцы побитые, так они на ходу только быстрее разойдутся. Но сейчас он захандрил, лежал целыми днями у печки, как болонка, лишь изредка, по надобности, выходя на двор. И лес, начинающийся почти от самого дома, роскошный, дев-

ственный, не испорченный людьми, не привлекал его, даже промелькнувший как-то раз на опушке заяц лишь на мгновение задержал его взор, Волк развернулся и, понутив голову, побрел обратно в дом, поскреб когтями дверь, подождал, расслышав шаркающие шаги Деда, когда тот впустил его, и отправился напрямик на свой коврик. Каждой утро Дед с Марией, отправляясь на лыжную прогулку, звали его с собой, но он закрывал глаза, будто спит, и они оставляли его. Мария постоянно осматривала его, сгибала и разгибала поврежденную лапу, с которой давно уже сняли шину, трогала нос, зарывалась рукой в шерсть, прослушивая сердце, и недоуменно отходила: «Ничего не понимаю!» Дед спокойно наблюдал за этой суетой: «Само образуется!» – и изредка подзывал Волка к себе, клал его тяжелую голову к себе на колени и начинал не спеша перебирать пальцами шерсть у него за ухом. Волку это было приятно, от этого он начинал злиться на себя, отдергивал голову и хмуро возвращался на свое место. «Гордый», – посмеивался Дед.

Но как-то раз, в начале марта, выйдя из избы, Волк вдруг уловил неожиданно свежий запах травы, сохранившейся под снегом и обнажившейся в проталине на ярком, по-весеннему теплеющем солнце. И вот зажурчала капель у дома, и синички тут как тут слетелись на выброшенные Марией крошки, и деловитый поползень, скользя вниз головой по яблоне, начал выстукивать песню возрождающейся жизни. Волк с изумлением оглянулся вокруг, поднял голову и резко взвыл,

но это был радостный весенний вой, им в былые времена самцы призывали самок и возвещали последнюю совместную охоту Стаи. Как будто пелена спала с его глаз, он задорно рванул в лес, держась накатанной лыжни, и, обежал всю округу, приветствуя всех жителей леса – и белок, начавших нескончаемый хоровод на елях, и отощавших, в поблекших пижамах барсуков, боязливо высовывавшихся из своих нор, и лосей, уныло сдирающих кору с осин, и снегирей, с веселым щебетом поклевывавших сморщенную рябину. «Я вернулся, но сегодня я сыт и потому добр! С весной вас всех! Много корма вам и хорошей добычи», – кричал он на ходу и обитатели леса свистели, цокали, хрюкали и мычали в ответ, благодарно и дружелюбно.

В этот день он еще зашел в дом. Мария заохала: «Где тебя носило, я совсем изволиновалась», – а Дед схватил обеими руками за морду и, раскачивая ее из стороны в сторону, стал приговаривать: «И кто это всю нашу лыжню порушил! Вот мы ему зададим!» – но не удивился, когда Волк, съев свой ужин, выпросив добавку и вылизав миску, отправился не на привычное место у печки, а поскребся о дверь, выскочил во двор, пометался немного, выискивая место, и в конце концов улегся под навесом над поленицей дров, на просохшей земле, с подветренной стороны.

– Ожил, давно пора, – довольно усмехнулся Дед, – весна...

Теперь он каждый день обегал свою новую территорию, каждый раз расширяя ее, и накопленный за зиму жирок пе-

ретекал в мышцы, вместе с силами пришел кураж. И вот уже он несется по полю за зайцем и его последний писк говорит Волку, что все в порядке, он такой же, как и прежде, и Волк, разодрав зайца и напившись впервые за долгое время свежей крови, принимается носиться кругами, как ошалевший от первой случки двухлеток, а после долго собирает пропитавшийся кровью снег, отпиваясь.

В этот день он загнал еще одного зайца, что было против правил – он был сыт, прихватил его зубами за шею, забросив за спину, и отправился домой. Поскребся в дверь, степенно зашел и положил зайца у ног Деда.

– Ты пошто животину зарезал? Нет, ну ты глянь, – рассмеялся Дед, обращаясь к Марии, – ведь даже шкурку не повредил!

– Это он свою долю принес, – ответила Мария, – что делать-то будем?

– Делать будем рагу из зайца, хоть и отощавший по весне зайчик, а все равно хорошо, давно себя не баловал. А все спасибо Волчку, добытчик!

Дед разделал зайца, швырнув голову Волку, которую тот, сытый, унес к себе под навес – законная доля, распялил шкуру на треноге – пригодится в хозяйстве, и принялся объяснять Марии, как готовится рагу.

Вечером, выйдя до ветру, Дед подошел к Волку: «Ну, ты шельмец, но все равно – спасибо. У меня бы рука не поднялась, а ты грех с души снял.»

Еще недели через две Волк, окончательно войдя в форму, загнал оленя. Олень был молодой и обессиленный после снежной зимы, да и стадо как-то безвольно сдало его на заклятие, даже не пытаясь соразмерить свой бег с его. Волк легко отрезал, забежав вперед, оставшего оленя от стада, заставил развернуться и еще какое-то время гнал его по направлению к дому, развлечения ради, и в конце свалил, в четком прыжке перерезав шейную артерию. Он всласть напился крови и потрусил к дому. Дед с Марией возились на дворе, радуясь погожему дню. Волк осторожно прихватил зубами рукав короткого полушубка Марии и потянул в сторону леса, затем подскочил к сараю, ударил лапами по санкам и сделал короткую пробежку назад, по своим следам.

– Смотри, зовет куда-то, – сказала Мария, – может опять кто в капкан угодил, а он вспомнил.

– Нет, – ответил Дед, – он бы тогда нервничал, а он спокоен, даже весел. Ты возьми санки-то, да прогуляйся с ним на лыжах. У тебя одной это шибче получится.

Через три часа, когда Дед, изнервничавшись, уже нацепил лыжи, готовый идти на поиски, на пригорке у дома показалась Мария, согнувшаяся пополам под грузом санок с оленем.

– Ну, учудил, думала – не доволоку, – чуть позже говорила она, тяжело отдуваясь, – тяну, а сама думаю – сейчас брошу, потом думаю, нет, вот до того пригорочка добреду – и там брошу, а с пригорочка вниз – полегче. Так и доволокла.

– Даешь, Волчок! – восхищенно говорил Дед. – Браконьер, чистейшей воды браконьер! Я таких сорок лет по округе вылавливал. Скажи спасибо, что сейчас на пенсии. Но хорош! В одиночку завалил! Тебе бы нескольких таких же в Стаю, навел бы шороху на всю округу.

Уже поздно вечером, после утомительной разделки оленя Дед задумчиво сказал Марии:

– А ведь это он не долю принес. Доля подразумевает равенство. Ты вносишь, я вношу, мы равны. Нет, это он нас под свое крыло взял, слабых и неразумных, подкармливать начал, охранять будет, если не дай Бог что. Вожак, по природе своей, по духу – Вожак. А Стаи нет. Последний, говоришь? Не хотел бы я быть Последним.

* * *

Он засек их задолго по появления. Сначала издалека донесся тихий мерный хруст наста, потом ветер принес вонь обильно смазанных сапог, запах давно не стиранной одежды и еще чего-то, связавшегося в памяти Волка с капканом, потом на дальнем пригорке выросли они сами. Их было трое, с закинутыми за плечи ружьями, с небольшими рюкзаками. Главарь, высокий, худой, сутуловатый, осторожно повел их к дому.

Волк подскочил к двери дома, поскребся, влетел в комнату и несколько раз крутанул головой в сторону леса.

– Волк уже давно не заходил в дом, – задумчиво протянул Дед, – и никогда не был таким нервным. Что-то случилось, Мария.

Он подошел к окну и долго всматривался в приближающиеся фигуры.

– Может, запереть дверь? – предложила Мария.

– С какой стати? Если это нормальные люди, то будет глупо, а если лихие – не поможет, только хуже будет. Авось пронесет. Но как-то нехорошо на душе, – последнее, впрочем, он не произнес вслух.

Дед вышел на крыльцо, в ожидании, Мария нервно перебирала тарелки на столе, не зная, чем заняться, Волк же внешне успокоился, лег на коврик у голландки и прикрыл глаза.

– Будь здоров, добрый человек, – раздался с улицы скрипучий голос.

– И вам того же, коли не шутите, – спокойно ответил Дед.

– Что, даже в избу не пригласишь? Не по понятиям получится, – весело встрял другой голос, совсем молодой.

– Ну отчего же, заходите. Чем богаты – тем и рады.

На крыльце немного потопали, сбивая снег с сапог, потом копошились в сенях, скидывая сапоги и раздеваясь, и вот уже вслед за Дедом в избу вошел Главарь. Редкие, слегка приглаженные пятерней волосы, маленькие, настороженные глазки, быстро обшарившие комнату, и какая-то неестественность в левой руке, безвольно свисавшей вдоль тела.

За ним ввалились два его спутника. Один – действительно совсем молодой, в шапке золотистых давно не стриженных кудрей, с румянцем, двумя блюдцами алевшим на щеках, в расстегнувшейся до середины груди рубашке, как будто клокотавшая в нем молодая удаль рвалась наружу – Молодой, другой – явно старше, за тридцать, с землистым грубым лицом, с двумя лучистыми перстнями, татуировкой синевшими на узловатых пальцах, зябко кутался в меховую жилетку, надетую поверх свитера, – Урка.

– Привет, молодуха, – сказал Главварь замеревшей от страха Марии и ощерил редкие желтые зубы в подобии улыбки, – принимай гостей. Что-то мне твоя фотокарточка знакома, или встречались где?

– Да мы местные, – ответила Мария, – разве что в городе. Да я и там, почитай, полгода не была.

– Местные – это хорошо, – протянул Главварь, – да вы, ребята, проходите, не стесняйтесь, – обратился он к своим, все еще настороженно переминавшимся с ноги на ногу в дверях с дробовиками в руках, – хозяева добрые, песик, как и дед, на ладан дышит, вишь, даже головы не поднял. Сейчас перекусим, а там, глядишь, еще что-нибудь каждому обломится, – ухмыльнулся он, – Вишь, какая молодуха ядреная, на всех хватит, – но смотрел при этом на Деда, изучающее.

А Дед смотрел на карабин, который Главварь, опустившийся на лавку, держал перед собой, уперев прикладом в пол. Он знал этот карабин, сам подарил его соседу, такому же егерю,

на пятидесятилетие, несколько лет назад, памятная табличка в виде параллелограмма поблескивала на правой стороне приклада. «Значит, у него они уже были», – просто отметил Дед.

– Трое с ружьями – многовато, – продолжал размышлять Дед, – лет бы тридцать назад, разметал бы всех, несмотря на пукалки, да чего там, сами бы не сунулись, трусливый народец. Но надо же что-то делать!

– Может, чайку с дороги? – спросила Мария в тщетной надежде.

– Чай – не водка, много не выпьешь, – забалагурил Молодой.

– Да у нас и нет, – смутилась Мария.

– Ты дурочку не строй, – жестко сказал тот, что постарше, – волокни быстро, – и надсадно закашлял.

– Принеси, там, в шкафу, в твоей комнате, – проворчал Дед.

Мария скрылась в соседней комнате. Главарь медленно поднялся, поставил карабин за лавку к стене и последовал за Марией, бросив на ходу: «Помогу хозяйке, а то ведь не донесет, сколько нам надо, да и осмотрюсь.»

– Двое – уже легче, – подумал Дед и громко сказав, – а чаек все же не помешает, – двинулся к плите, где рядом, на стене, висела двустволка, по его обычаю, заряженная.

От выстрела задребезжали стоявшие на полке чашки, несколько дробинок со звоном срикошетили от чайника и

электроплиты, но основной заряд кучно вошел в правый бок Деда, развернул его, уводя вздернутую к винтовке руку, и тяжело бросил на пол.

– Ты чего, с ума сошел? – завизжал Молодой.

– Сейчас бы вместо него на полу корчился, недоумок, – прошипел Урка и, бросив винтовку, подскочил к Деду, занеся ногу для удара, – пададь!

Все, что произошло дальше, заняло несколько секунд. Волк дождался момента. Он, как всегда молча, одним прыжком, даже не привстав предварительно, долетел до стрелявшего и вонзил клыки во внутреннюю поверхность бедра опорной ноги. Клыки легко пробили одежду и крушили мышцы и сосуды, сойдясь на кости, а тело все находилось в воздухе, поворачиваясь как на оси и увлекая Урку вниз, к полу. Когда задние лапы Волка коснулись твердой поверхности, он уже полностью развернулся и, разомкнув челюсти, оказался лицом к лицу со вторым, Молодым, который от растерянности никак не мог поднять винтовку, зацепившуюся ремнем за лавку.

– Не-е-ет! – завопил он, когда окровавленная разверзнутая пасть стала надвигаться на него, застилая свет, и даже не попытался защитить шею. Крик вылился алым потоком, а Волк уже стоял посреди комнаты, крепко уперев лапы, и не мигая смотрел на Главаря, медленно, по сантиметру, приближающему к нему, поблескивая ножом в правой руке.

Главарь на глазах преобразался. Чуть разгладились мор-

щины на лице и подровнялись сгнившие зубы – и вот перед Волком предстало навеки ненавистное лицо Смотрителя, но и затем – удлинилась щетина и завитки волос на руках, вытянулись резцы, утолщились ногти, челюсти с носом, срастались, выдались вперед. «Оборотень! – озарило Волка. – Волкодлак!» Но страха не было в его сердце и он, поминая отца, собрался на главную битву.

– Это ты, приятель, – тихо прорычал Смотритель, – как же я сразу не разглядел. Ветошкой прикинулся. Хитер! И корешей моих положил. Но они твоих повадок не знают, – он бросил взгляд на перерезанное горло Молодого и чему-то удовлетворенно усмехнулся, – не знали, а я знаю, только вот эти знания мне дальше, к сожалению, не потребуются. Ты же Последний. Ну же, вперед. Не бойся. Это не больно.

Он ждал удара в горло или плечо и, когда передние лапы Волка еще только отрывались от пола, быстро поднял правую руку на уровень плеч, почти прижав к груди кулак с выставленным вперед ножом. Но Волк прыгнул ниже, он просто сбил Смотрителя с ног, ударив его в солнечное сплетение, и запоздалый удар ножом вниз лишь рассек воздух. Пока Смотритель, как после удара боксера-тяжеловеса, летел к стене и, ударившись о косяк, заваливался на бок, Волк отскочил назад и повторил прыжок. На этот раз он раздробил запястье правой руки и нож сам выпал из потерявших волю пальцев.

– Твоя взяла, – хрипел Смотритель, с трудом восстанав-

ливая дыхание и с ужасом глядя на раздробленную кисть, вокруг которой быстро растекалась лужа крови. – Эй, Мария, так ведь тебя, кажется, зовут, быстро перевяжи меня. Не бойся, здесь уже все кончилось. Быстрее!

Тут он встретился глазами с Волком и страх волной, от враз заочневших ступней, покатился по нему, залил липким и влажным промежностью и вылился в хриплый вой: «Ты не сделаешь этого!» Волк долго глотал кровь, пока бьющий толчками фонтанчик в пасти не иссяк, потом подошел к Урке, свернувшемуся вокруг разорванной ноги и от потери крови почти не дышавшему. Тот посмотрел затуманивающимся взглядом на Волка и покорно подставил шею.

Дед умирал, прижав руку к развороченному выстрелом боку и навалившись на нее всем телом, как будто надеясь остановить кровь. Волк подошел к нему и посмотрел на него долгим грустным взглядом.

– Ты идешь в Долину Смерти, старик, – неожиданно услышал Дед угасающим, навсегда сливающимся с природой сознанием, – ты прожил славную жизнь, увидел взрослыми детей своих детей и погиб в битве. Немногим так везет.

– Ты прав, ты нашел нужные слова. Спасибо тебе, – сказал он, смотря на Марию, горестно застывшую в дверях, – за Марию спасибо.

– Прощай, старик, мне было хорошо с тобой.

Следователи появились ближе к полудню. Мария, отложив тяжелый лом, которым она долбила промерзшую землю, посмотрела на тяжело переваливающийся джип и скорбно кивнула Волку: «Тебе пора, сейчас здесь такое начнется...»

Волк еще раз прислушался, вопросительно посмотрел на Марию: «Все в порядке?» – не уловил в ее облике никакого страха, только горечь, обдумал ее совет и, коротко кинув: «Прощай!» – потрусил к лесу.

Мария долго смотрела ему вслед, прислушиваясь к усиливающемуся скрипу машины.

– Даже не обернулся! – подумала она, но без обиды.

Следователи были мужиками молодыми, хваткими и ба лагуристыми. Соскочив с джипа, они на минуту замерли, явно восхищенные статью Марии, а затем, едва ли не похлопывая ее пониже спины, предложили проводить к месту предполагаемого, по их словам, преступления. «Почудилось де вушке! Чего не придумаешь, сидючи в этакой глуши!» – читалось на их лицах. Но они притихли, войдя в дом, сразу наткнувшись взглядом на Деда, прибранного, с горящей свечкой в сложенных на груди руках, лежащего в чистом, чуть сероватом исподнем на обеденном столе.

– Господи помилуй, – выкинул из подсознания один из следователей, постарше, и, нашарив взглядом темную икону

в правом, рядом с покойником углу, перекрестился.

– Да-с, расслабились на природе, – произнес тот, что помоложе, – ну что ж, рассказывайте.

– Зашли как-то трое. Какие? Что их описывать, сами увидите, – следователи в изумлении трягнули головами, – с оружием, вон оно в углу все свалено. Не с добром пришли, сразу было понятно, да и с оружием у нас тут, в заповеднике, так не разгуливают. Дедушку застрелили, – слезы непроизвольно потекли у нее из глаз, – ничего, я сейчас успокоюсь. Он хотел свою винтовку схватить, да видно не успел. Что со мной? Да ничего, испугалась только сильно. А с этими? Да вы сюда ступайте, – сказала им Мария, – так вам понятней будет, – и отвела их на ледник.

– Вы их что, собаками затравили? – спросил потрясенный следователь, разглядывая вынесенные из ледника и сложенные рядком трупы, и встревоженно оглянулся вокруг.

– Нет, это все Волчок. Он их зарезал.

– Кто такой?

– Волк, самый настоящий, у нас тут жил с начала зимы.

– Один против троих да с таким арсеналом, – с сомнением протянул младший из следователей.

– Гражданка, хватит нам сказки рассказывать, – строго сказал старший, – волков давно нет, только такие и остались, – кивнул он на лежащие тела.

– Зачем же вы так нехорошо о волках? – обиделась Мария.

– Смотрите, – закричал младший и ткнул пальцем в сто-

рону леса, – ну зверь!

Волк сидел не просто на пригорке, он выбрал еще и слезавшийся высокий сугроб, он сидел на задних лапах, уперев вертикально передние, расправив плечи и гордо подняв голову, немного развернув ее от приезжих.

– Этот мог, – прошептал третий, врач, – как топором по глоткам прошелся, первый раз в моей практике.

– Эх, сейчас бы винтарь, снять его, – возбужденно воскликнул младший.

– Да как вы можете! – Мария бросилась между следователями и Волком, как будто те и вправду начали целиться. – Не из-за того, что меня спас, что люблю я его, в конце концов, он же – Последний!

– А вы откуда знаете? – поинтересовался старший.

– Я сама его выкормила, из соски.

– И где же?

– В столице, в зоопарке, – устало сказала Мария.

– Чего только не намечтают девушки, особенно в таком медвежьем углу, – подумал старший, но вслух сказал, – ладно, суду все ясно, пройдемте в дом.

Вечером, после долгих формальностей, старший протянул Марии протокол и запись ее показаний: «Надеюсь, этого хватит, постараемся не дергать вас в город.» Врач отдал Марии свидетельство о смерти Деда: «Можете хоронить. Давайте мы вас в город подбросим, там и похороните. Машина большая, ужмемся.»

– Да нет, спасибо. Я уж здесь, рядом с бабушкой и мамой.

– Как же одна?

– Ничего, я сильная.

Мария вышла их проводить и, пока младший следователь и врач разбирались в машине, старший задумчиво, тщательно подбирая слова, проговорил:

– Все не так просто. Он, – следователь мотнул головой в сторону Волка, по-прежнему изваянием возвышавшегося на том же месте, – конечно, молодец, и тебя защитил, и бандитов порезал, но он нарушил закон, нет-нет, не человеческий, природный, Божий. Ведь ты посмотри, у животных, живущих рядом с человеком, я не имею ввиду змей, рыб, ты понимаешь, так вот, на этих животных наложен запрет – никогда не убивать сознательно человека, запрет на вкус человеческой крови. И они этот закон в большинстве своем блюли, медведи, тигры, те же волки уходили от столкновения с человеком, даже когда были заведомо сильнее, даже понимая, что от человека исходит много бед. Но иногда, редко, к счастью, появлялись звери-людоеды. Раз нарушив запрет, они уже не могли остановиться. И они уже не разбирались, кто прав, кто виноват, кто хороший, кто плохой, все для них были добычей, желанной добычей. Боюсь, что и этот не остановится. Мне бы, по-хорошему, надо было всех оповестить, потом облава и – конец. Но что-то мне запали в душу твои слова о Последнем. Не могу. Рука не поднимется. Пусть живет. Эй, долго вы там копаться будете, темнеет уже, – раздра-

женно крикнул он.

– Ну что, прощай, Мария, – переминались следователи возле машины, – не страшно здесь одной оставаться?

– Мне теперь ничего не страшно.

– С таким-то защитником! – младший, хохотнув, кивнул в сторону Волка.

– Нет, он уйдет, я думаю, как вы уедете, так и уйдет. Не для того же он рожден, чтобы всю жизнь просидеть сторожем у бабьей юбки.

– А для чего же? – поинтересовался врач.

– Не знаю. Да и он сам, наверно, не знает.

– А сама чем заниматься будешь?

– Обратю в столицу уеду. Мне институт закончить надо. А дальше – как получится.

Машина, засветив фары, медленно отъехала от дома. Мария, проследив их выезд на дорогу, вернулась в дом, постояла немного у дверей и потом решительно задвинула засов.

Фары на мгновение вырвали из сумерек Волка. Он встал, развернулся и большими прыжками помчался в лес, прочь от дороги, прочь от дома, прочь от людей.

Часть седьмая

Он нашел ее – свою Территорию, Территорию своего отца, Территорию его племени. Он пересек очередную реку, не очень широкую, он встречал и побольше, пересек по последнему, дрожащему под лапами льду, когда откуда-то с верховьев уже неся грохот освобождающего весеннего взрыва, и едва вступив на землю, замер. Какое-то неведомое ранее чувство умиротворенности и покоя ласковым облаком обволокло его, пропитало, дошло до самого сердца. Он, удивленный, обернулся назад и серое пятнышко белки, мерно покачивающейся на ветке сосны на другом берегу реки, вдруг вспыхнуло в мозгу путеводной звездой. Он медленно побежал вперед, наполненный робким поначалу чувством мистического узнавания, как будто он много лет жил на этой земле и теперь вернулся после долгого отсутствия. Ему был знаком и этот дуб, надвое расколотый молнией, и эта речушка, застывшая в ожидании сигнала от старшей сестры, чтобы сбросить зимнее одеяние и зажурчать радостной песней, а вот там, у далекой пока сопки, почти у самой подошвы, если взять немного вправо, напротив трех сосен, растущих из одного корня – не спутаешь, других таких нет – есть отличная, большая, сухая пещера, лучшего логова для волчицы с малыми волчатами не найти.

И птицы, порхавшие вокруг в предвкушении весны, и зве-

ри, те, которые могли укрыться в безопасной высоте деревьев, приветствовали его.

– Добро пожаловать на родную Территорию, Одинокий Волк! Отцы наших отцов передали нам память о тебе и мы рады, что ты вернулся!

Он не разубеждал их. Выпали годы, не было плена, не было клетки, жизнь, чуть запнувшись, мерно потекла вперед, как столетия до этого.

* * *

Но чем дальше, тем чаще стала на него наваливаться беспричинная тоска. Стая ли ласточек, весело кувыркаясь, просвистит в воздухе, стая ли белок рыжим всполохом пронесется по деревьям, стадо ли кабанов, блаженно похрюкивая, развалится в своей купальне – Волк прервет свой бег, застынет в безжизненной неподвижности, устремив пустой немигающий взгляд куда-то за пределы этого мира.

– А дальше что? Зачем я? Где мой путь? – рвали душу вопросы.

И ближе к полнолуннию какая-то неведомая сила приводила его на границу его Территории, в горы на восходе, он долго стоял на высоком утесе, вглядываясь в бесконечную даль, и заводил свою песню.

– Тоскует, – говорили обитатели леса и благоговейно стихали.

Небольшой автобус, рассекая темноту светом фар и тяжело переваливаясь на колдобинах, медленно полз по дороге, огибающей горную гряду. Студенты, заполнившие автобус не столько сумками, сколько бречением гитары и громкими песнями, подгоняли водителя: «Давай, давай! Кончилась практика! Эх, хорошее было времечко! Но – домой, домой, домой!»

И Мария, после смерти Деда вернувшаяся в столицу и переехавшая на дневное отделение института, тоже горланила песни вместе со всеми и кричала в промежутках: «Домой, домой, домой!»

Вдруг водитель остановил автобус, выключил фары и протянув руку куда-то вперед и вверх, тихо сказал: «Смотрите! Первый раз такое вижу.»

Во внезапно наступившую тишину ворвался леденящий вой, наполнивший души какой-то неизбывной первобытной тоской.

Студенты вывалились из автобуса и задрали головы вверх. Над ними возвышался огромный обрывистый утес, на который облокотилась разбухшая желто-красная луна. И на фоне этой луны, многократно увеличенный ее лучами, так, что казалось, будто он заполняет полнеба, высился Волк. Он вытянулся вверх, так, что передние лапы, грудь, шея и морда

образовали одну вертикальную линию, и устремив взгляд к тому, кто выше всех, изливал свою мольбу и давал обет.

* * *

Я уйду,
Но вернусь.
Я уйду, чтоб понять.
Я найду.
Я пойму.
И тогда я приду.
И тогда я вернусь.
Потому что найду.
Потому что пойму.
Я вернусь.
Я пойму.

* * *

И тут взорвался еще один крик.

– Волк! Волк! Вернись! Я люблю тебя, Волк!

Мария протягивала к нему руки, но Волк даже не посмотрел вниз.

Он, окончив свою песню, смотрел только вдаль, обозревая бесконечные пространства, которые ему предстояло пройти.

* * *

Долог и безостановочен был его путь. Он покрывал всех попадавшихся сук, но ни с одной не задержался, даже на день, а если кто и пытался увязаться за ним, то прогонял, злобно щеря клыки.

Он пересекал огромные равнины, переваливал через высокие горные хребты, переплывал речушки. Большие реки переходил по льду, а летом находил непонятное творение людей – четыре блестящих твердых ниточки, лежащих на толстых обрубках деревьев, по которым иногда проползали гигантские грохочущие змеи, и, проследив их путь, находил место, где они перебирались через реку.

И везде он спрашивал – у орла в небе, у соболя на дереве, в медведя в лесу: «Не видели ли вы моих братьев?»

И всегда до него доносилось: «Нет».

* * *

Четыре вехи было на его пути на восход.

В один жаркий июньский день необъятное плоскогорье отвесно стекло вниз и скрылось в беспредельной – на холод, тепло и восход – водной глади. Долго метался Волк по берегу в поисках спуска, пока не наткнулся на речушку, каска-

дами сбегавшую вниз, осторожно пробрался по самому краюшку и ступил на небольшую, усеянную мелкой галькой отмель в устье. Два смешных набитых жиром мешка с маленькими, как игрушечными, передними лапками встревоженно подняли головы, тонким свистом подзывая двух детенышей, которые белыми пушистыми шариками покатались под защиту их тел.

– Не волнуйтесь! Я пришел как друг! – крикнул им Волк.

Он подошел к самой кромке воды и напился. Вода была очень студеной, необычайно чистой и вкусной, как в озерах на ледниках высоко в горах.

– Это Крайнее Море? – спросил он у нерпы.

– Нет, не Крайнее и даже не море. Есть у него границы и нет из него выхода в беспредельность океана. И в том наша главная скорбь.

* * *

Все реки несли свои прозрачные воды на холод в окружении гор. Лишь одна мутноватым потоком вырвалась на равнину и устремилась на восход. И вдоль нее положил свой путь Волк.

Он почуял море задолго, по наполненному простором ветру, чуть сдобренному островатым ароматом гниющих водорослей. Низкий, пологий спуск вынес его на отмель, на десяток прыжков от воды покрытую дарами прилива -спутав-

шимися клубками водорослей, кусками дерева, проморенными океанской водой до одинакового темно-коричневого цвета, отмытыми до снежной белизны костями. Легкий туман колыхался над водами, заслоняя горизонт, но к вечеру он ненадолго поднялся и вновь Волк увидел необъятную водную ширь – на холод, тепло и восход. Но вскоре туман опять пал на море, спасая Волка от созерцания бесконечности.

Вода была горько-соленой и чуть мутноватой, вероятно от близости устья большой реки.

И здесь, на отмели в бухте чуть дальше на холод, он встретил братьев тех смешных мешков с жиром, которых несколько месяцев назад оставил скорбеть на прекрасном озере.

Они были чуть другими, буровато-серыми в мелких темных пятнах, и держались кучкой, залежкой особой на двадцать, не считая детенышей, что почему-то понравилось Волку.

– Я приветствую вашу Стаю. Я пришел как друг, – сказал Волк.

– Мы тоже рады приветствовать тебя, – ответил самый старейший из племени ларга, – давно мы не слышали таких почтительных слов. К сожалению, мы не знаем, кто ты, и никогда не встречали твоих братьев.

– Меня зовут Волк, Последний Волк, и я ищу моих братьев по всей земле.

– Да, по всей земле, – повторил его слова вожак, – в море твоих братьев нет.

– Но я встречал ваших братьев и все они мечтали о море, которое потеряли или которого не знали. Это – море?

– Да, это – море.

– Это – Крайнее Море?

– Нет, это не Крайнее Море. Старики рассказывали мне, молодому, как они уходили на льдинах или по льду, как получалось, на восход. Там лежит благословенная земля, там прекрасная охота, там в устьях рек от рыбы не видно дна, сколько не ныряй, и не встретишь двуногого.

– А вы там не были?

– Нет. Я слишком стар, а молодые считают, что здесь достаточно добычи и страшно им двинуться в путь навстречу неизвестному.

* * *

Долгие месяцы пробивался Волк на холод, переваливая через хребты, часто скользя по поверхности ледников, дробящихся по краям в крупные, в полкогтя, сверкающие кристаллы, или спускаясь ниже, в сопки, покрытые редкими приземистыми деревьями, скорее кустарниками. Часто попадались ему странные, но уже виденные им раньше, в другие, счастливые годы, сооружения людей, как будто призванные защитить их от своеволия природы – высокий, не перепрыгнешь, забор, башенки по углам, глухие, в высоту забора ворота. Но жестокий ветер, свободно гулявший между со-

пок, уже выломал некоторые доски и лишь залетал внутрь тына, пробегал, клубясь поземкой, между невысокими длинными зданиями и улетал прочь, успокоенный – люди ушли, будем верить, навсегда, это не их царство.

Но вот студеное море, густым туманом стоявшее на восходе, ушло на тепло, потом на закат и Волк, постоянно державший его с правой стороны, наконец повернулся к нему спиной и продолжил свой путь на восход.

Необычная это была страна! Вдруг в окружении сопок взмывал вверх, упираясь в облака, идеальный конус с легкими серебристыми морщинами ледников, или в нескольких долинах, окутанных горячим, немного удушливым паром, вдруг из прозрачного, со светло-коричневым дном озера размером в пару прыжков, взметался вверх фонтан бурлящей, выдыхающей из себя пар воды, и опадал мириадам брызг, и перетекал в соседние озера, уже спокойные, все менее клубящиеся паром по мере удаления от фонтана, и если окунуться в эти, не такие горячие, и полежать расслабленно, то потом чувствуется такая сила и такой голод, что никакая охота, никакая добыча не могут их удовлетворить. И часто около этих огромных конусов гор вдруг начинала подрагивать земля, немногочисленные птицы и звери в безотчетном ужасе уносились прочь, но Волк спокойно продолжал свой путь – он не ждал от земли ничего плохого.

Это была она, благословенная страна старика-ларги! За несколько дней пути он не встретил ни одного человека, да-

же более-менее свежего следа. Кого было много, так это рыбы в реках – она пришла из моря, чтобы освоить эту землю, так понимал Волк, кого не было вообще, так это мелких пичуг, и без них лес безмолвствовал. Животных было мало, пару-тройку раз находил Волк на склонах сопок кучи больших рогов – наверно, олени приходили сюда по весне и, отвоевав себе самок, отбрасывали ненужное оружие. Пустота царила на этой земле. Но это была не пустота выжженного ветром и холодом края, оставшегося у него за спиной, а пустота рождающейся земли.

– Наверно, из этого грохота, из этой рвущейся на свободу силы родилось мое племя. И придет время, оно возродится.

Но вот до Волка донеслось и уже не умолкало два шума. Первый – шум морского прибоя, равномерно отсчитывающий время от создания мира, и второй – мерный рокот, в котором иногда вспыхивали крики битвы.

Огромное стадо морских котиков – не пересчитать – заполнило берег. Большие пышноусые секачи возвышались над своей, кишашей самками и сеголетками территорией, зорко наблюдая за своим гаремом и «холостяками», обосновавшимся на краях лежбища и нетерпеливо ожидавшими возможности сбить секача с его места и воцариться в женском царстве. И вот самый горячий врывается в круг и бросается на старика с воинственным гортанным криком, но после скоротечной битвы возвращается обратно, побитый, и самки легким поцелуем в кончик морды успокаивают царственного

супруга – ты великолепен и мы навсегда останемся с тобой.

Трудно было Волку перекричать этот гомон, но донесся до него ответ.

– Это Крайнее Море. Есть на восход несколько небольших островков, но это чисто наша территория и нет там твоих братьев. А дальше – беспредельная ширь и никому не дано пересечь ее.

Волк бросил последний взгляд на неустанно колыхающиеся свинцовые воды, вобрал в себя их бесконечность и двинулся в обратный путь.

* * *

Зима навалилась внезапно и жестоко. Еще, казалось, день был равен ночи и впереди две луны, чтобы нагулять жирок перед зимней бескормицей, но нет, задул ветер с холода и белые мухи стали безжалостно жалить задние лапы, спину, уши. И лишь оранжевые капли морошки на враз поседевшей земле напоминали о разноцветье короткого лета.

Он убежал от холода и перевел свой дух только тогда, когда природа вновь раскрылась навстречу солнцу.

Все здесь было не так, как на его Территории. Травы за-слоняли небо и все деревья застыли в собственнических объ-ятях жен-лиан. Огромные бабочки вдруг разлетались бро-шенным в небо букетом, и змеи, недовольно шипя, отполза-ли в сторону с нагретых солнцем камней.

И вот, когда Волк остановился, замороженный этим буйством природы, из зарослей, неслышно ступая большими мягкими лапами, вышла гигантская кошка, много больше Волка, с яркими черными полосками на рыже-палевой шкуре.

– Извини, что я нарушил границу твоей территории, – сказал Волк, предупреждая прыжок, – я не претендую на твою добычу. Я хочу пройти на тепло. Я ищу своих братьев.

Да, Последний Волк, ты блюдешь Закон. Все правильно. Ты слышал обо мне?

Вести в лесу разносятся быстро – ты знаешь.

Да, кроме одной. Весть о моих братьях давно затерялась в шуме деревьев и никто не может подхватить ее и вынести на простор.

Я понимаю тебя. Я – друг. Отведай моей добычи. Это здесь, рядом.

Они лежали рядом, у ручья, после плотного обеда, блаженно рыгая и изредка подбегая к воде, отпиваясь.

– Интересно, как получается в жизни, – проговорил Тигр, – ты, рожденный в неволе, вернул в мир свободу, а мы, рожденные в свободе, благодушествуем в неволе.

– Я не готов ответить тебе. Просто никогда не задумывался над этим. Я, наверно, родился с этим чувством, с этой жаждой свободы и мне кажется, что всем вокруг оно должно быть свойственно. Я часто ошибался, – признался Волк.

– Ты еще молод и твои ошибки движут мир.

– Я ведь тоже один, – проговорил после долгого молчания Тигр, – один на этой огромной Территории, где все подчиняются мне, даже двуногие в трепете убегают, лишь завидев мой застарелый след. Но некому передать мне свои владения. Нет, я – не Последний. Там, далеко на тепло, есть мои братья. Орлы донесли мне весть о них.

– Так чего ты здесь сидишь! Вперед! Я готов идти с тобой, может быть, и мне повезет, и я тоже найду своих братьев.

– Там нет твоих братьев. Там долгая жара и очень много двуногих. Что ж до меня... Ты принес свободу в этот мир, но не все готовы воспринять ее. Я не могу уйти отсюда, со своей Территории, понимаешь, не могу. Духу не хватает, – выдавил Тигр.

– Чего же ты ждешь?

– Чего? Что родится молодой, такой, как ты, и вспомнит зов предков, и вернется на их землю, и упокоит мой дух. Ты кинул клич, но мы боимся услышать его, не можем откликнуться твоему порыву. Великая Сказка о тебе только начала складываться и лишь новое поколение, от рождения внимающее ей, последует за тобой.

– Ты сказал мне много нового, непонятного. Но у меня впереди долгий путь, я успею обдумать.

– Куда ты, Волк? Оставайся! Моя Территория – твоя Территория.

– Я дошел до Крайнего Моря на восходе, но не нашел своих братьев. Теперь я пойду к Крайнему Моря на закате. Мо-

жет быть, там мне повезет больше.

– Прощай. Удачи тебе, – крикнул Тигр в спину удаляющегося Волка и тихо прошептал, – я тебе не сказал, что дело твое воссияет тогда, когда от тебя останется только Великая Сказка. Тебе не дано этого понять.

* * *

И вот в своем беге на закат он попал в знакомые места: вот она, та поляна, на которой они загнали косулю с Лобастиком и Ушастиком, а вот если пробежаться по той еле заметной тропке, да у корявого дуба взять вправо, то в двадцати прыжках откроется поворот на лужайку возле логова. Все здесь знакомо, все памятно!

Волк остановился, присел, оглянулся, взгрустнул.

– Эй, друг, – крикнул он сидящему на березе Ворону, – ты не помнишь ли, здесь жила когда-то семья волков, что с ними случилось?

– Здесь когда-то жил Волк и он вернулся, если не ошибаюсь, – ответил Ворон.

– Да, это я. Ответь мне, что случилось с остатками моей Стаи?

– Помнится, ты ушел с симпатичным парнем. Он обещал вырасти в хорошего охотника и, несмотря на молодость, знал Закон, – ответил Ворон.

– Он погиб на охоте, – коротко ответил Волк.

– Достойная смерть, – сказал Ворон и почему-то добавил, – ты не должен винить себя.

– Я задал тебе вопрос, – напомнил Волк.

– Успокойся, я не так стар, чтобы забывать заданные мне вопросы, и не так молод, чтобы отвечать на них не подумав. После твоего ухода, через пару лун, твоя подруга родила. Как я понимаю, это были твои дети. Хорошие получились, крепкие. Шесть серых, двое черных. Потом один серый и один черный умерли, погибли, да не суть, дело прошлое, остальных она подняла. Мне, к сожалению, никогда такого не удалось, двоих-троих, не больше, да и то давно, я уж и сам забыл – когда. Но при ней был тот, второй, который остался. Ты многому его научил, почтительный сын и хороший охотник. Не знаю, как бы они без него выжили. Он собирал щедрую дань с Леса и его обитатели, плача, отдавали положенное.

– Где они? – прохрипел Волк.

– Весной они ушли, как-то резко поднялись – и ушли. Но не вместе. Четверо серых, из молодых, два парня, две девочки, ушли на восход. И что их туда потянуло? – глаза Ворона неожиданно блеснули. – А старуха, извини, твоя бывшая, со старшим сыном и сеголетками, одним черным и одним серым, ушли на закат. Почему – не знаю, но того двуногого, которого твоя облизывала, я больше не видел.

– Слишком много знаешь! – воскликнул Волк.

– А я наблюдательный, – ответил Ворон и добавил, – и пуганный.

– Ладно, без обид. Спасибо.

* * *

Волк три дня носился по округе, пытаясь найти следы тех четырех, молодых, понимая в глубине души, что дождь и время давно смыли их, но бегал, спрашивал, искал. Уж он-то знал, сколь необъятны леса и поля во все стороны, куда ни кинь взор, как легко в них затеряться и как тяжело найти дорогу к дому. И он успокоился, и продолжил свой путь.

Волк обошел столицу с холода. Он шкурой чувствовал этот ненавистный ему город, иногда порывы ветра доносили ему его запахи, вовек незабываемые, но это лишь ускорило бег.

Он не мог знать, что в это время, точнее, через несколько лет после его пробега, в столице начался род психоза или моды на новую породу собак, крупных, серых, с белым подшерстком. Эта порода появилась неожиданно, щенки рождались от сук разной породы, лишь потом поняли, но как-то сразу забыли, что все они пропадали из дома в интересный период. Щенки были крепки, росли быстрее братьев и сестер, радостно урчали, когда им давали свежее мясо, и легко задавали тон в кругу сверстников. Они были прекрасными охранниками для тех, кто их вырастил, но по всем статьям, кроме злобы и физической силы, провалились, когда их попробовали полицейские службы – они совершенно не

поддавались дрессировке. Быстро выяснилось, что чаще всего щенки рождаются от немецких овчарок, но строго определенных линий.

Особенной популярностью пользовались собаки немолодого собачника из пригорода, интеллигентного, с барскими замашками человека, жившего в окружении постоянно сменяющегося молодняка и четверых взрослых собак, одной суки, постарше, классической немецкой овчарки с утекающим за пределы человеческой памяти рядом предков, другой помоложе, совсем серой, и двумя кобелями приблизительно того же возраста, одним классическим «немцем», как две капли воды похожим на мать, но чем-то неуловимо отличающимся, так что даже специалисты в недоумении разводили руки: «Экстерьер превосходный, но что-то есть не то, в выражении глаз что ли?», другой унаследовал от матери только длинные уши, а в остальном – «Чистый волк. И откуда только взялся?». Приплоды от его собак давали наилучшие результаты, даже от черного кобеля получалось один-два серых щенка, что уже почиталось за счастье. Но этот человек был очень разборчив, на него не действовали никакие просьбы, обычно подкрепленные увесистыми пачками денег, никакие звонки, никакие записки самых известных людей. Он просто заводил очередника в вольер со щенками и ждал несколько минут. Если к ногам посетителя подкатывался серый комочек, он брал его на руки и отдавал со словами: «Он сам вас выбрал. Будьте счастливы.» А если не подкатывался, то

успокаивал: «Сегодня не ваш день. Очистите ваши помыслы и приходите месяца через три, к следующим.»

Суки работали на износ, кобелей вязали с двухлетнего возраста. Вскоре по городу ходили гордые серые псы. Они были красивы, их шерсть струилась и бег был бесподобен, сочетая легкость и мощь. Они не признавали ошейников и поводков и гуляли по аллеям и бульварам свободно, с презрительной невнимательностью к окружающим. Собаки их трепетали и обходили стороной, люди же вскоре привыкли и даже не хватали на руки детей при их приближении. Но кроме неспособности к дрессировке у них был еще один большой недостаток, который проявился лишь со временем и не позволил, в результате, зарегистрировать эту породу в качестве официальной, «Столичной». Перед полной луной ими овладевало беспокойство, они метались и завывали, а потом некоторые на обычной прогулке вдруг исчезали под воздействием неизвестного импульса, устремляясь крупными прыжками на север или на восток, и люди приветствовали этот побег, благожелательно расступаясь, и машины, когда их выносило на мостовую, резко тормозили, объезжали и останавливались, и все они, соблюдая ритуал, начинали громко хлопать в ладоши, залихватски свистеть, жать в клаксоны и кричать: «Молодец! Удачи тебе!»

Они никогда не возвращались и их бывшие хозяева постепенно смирились с мыслью, что это навсегда, и когда случался очередной побег, хозяева обреченно говорили соседям и

знакомым: «Вот и нашему срок пришел. Жаль, нам было хорошо с ним.» И немедленно вставали в очередь за новым.

* * *

Неожиданно все вокруг изменилось, как будто Волк пересек незримую границу. Позади остались нанизанные на нитки дорог почерневшие деревни с вкраплениями бисера новых особняков, необъятные просторы лысоватых полей и непролазных лесов. Впереди простиралась игрушечная страна. Ему раньше не приходилось пересекать столько дорог, по которым со строго определенной скоростью ползли мощные огромные машины людей, не приходилось видеть этих автострад, уходящих в никуда, несущихся долгими часами мимо лесов и полей, но стоило Волку свернуть в сторону, где, по обыкновению, должны были начаться безлюдные леса, как он наталкивался на деревни и даже города. Обязательное возвышение костела или кирхи, муниципалитет в окружении розовых клумб, аккуратные, под красной черепицей дома, с низеньким, до миллиметра выверенным штакетником вокруг, который почему-то напоминал крепостной вал больше, чем трехметровые глухие заборы вокруг особняков, оставшихся позади. Еще одна странность – около этих домов, с геометрически точными клумбами под окнами, совсем не было никакой живности, попадались, конечно, добродушные собаки, призывно махавшие хвостами из-за шта-

кетника, который едва превышал их холки, но не помышлявшие о том, чтобы перепрыгнуть его, изредка раскормленные коты, шипя, выгибали свои спины, и тут же, отяжелев, плюхались на брюхо, – и все. Никакой добычи!

– И как они здесь живут? – удивлялся Волк, направляясь к ближайшей роще.

Но и там его ждало разочарование.

– У них что, ветки с деревьев не падают?

Все чисто, как будто вчера подмели, все вылизано, в общем, противно до отвращения.

– Так не может быть! Так жить нельзя!

И вот на фоне этой почти стерильной чистоты он, наконец, увидел добычу – оленя, но какого, таких он на своей земле не встречал. Красавец! Чуть меньше лося, но какие формы, какое благородство движений, как он прыгал, уходя от погони! Но все не то, шерсть, как вчера вымытая, более того, расчесанная, рога и копыта отскоблены, даже блестят на солнце, а выносливости никакой – зажирел. Даже резать не интересно, но надо – есть хочется.

– И что мне здесь делать? – думал Волк, – здесь не может быть моих братьев, здесь жить хорошо, но скучно. Здесь тебя быстро посчитают и навесят бирку.

* * *

Его появление зафиксировали – в этой стране фиксиро-

валось все. Удивились, газеты подняли шумиху, все полосы и экраны заполнили его изображения. Поднялась дискуссия, быстро долетевшая до парламента, предлагались самые разные варианты, вплоть до выделения Последнему Волку специальной территории в национальном заповеднике, оговоренной и закрытой для посещений.

Было созвано специальное заседание парламента, на котором после бурных дебатов на трибуну поднялся Патриарх, девяностолетний гигант, не усохший с годами, человек, который в незапамятные времена правил этой страной долгих пятнадцать лет, человек, к слову которого прислушивались даже молодые, буйные.

– Дамы и господа! Узнав о повестке сегодняшнего заседания, я, честно говоря, подумал, что наши многоуважаемые коллеги из партии «зеленых» как обычно порют чушь и подменяют высосанными из пальца проблемами реальные задачи, от решения которых зависит настоящее и, главное, будущее нашей страны. Но подумав, я решил прийти и непременно выступить. Быть может, это мое последнее выступление в этом зале и я надеюсь, что высокое собрание не будет возражать, если кому-то покажется, что я говорю не совсем по теме. Потому что говорить я буду как раз по интересующему вас всех вопросу, но в более широком, человеческом и, если хотите, историческом аспектах.

Вы сейчас озабочены судьбой Последнего Волка. Понимаю. Гордое животное, вид, который в изобилии водился

на Земле совсем недавно, на нашей памяти, вдруг исчез. Я допускаю, что это в значительной мере связано с причинами, которые перечисляли мое многоуважаемые коллеги, что дальше нам грозит исчезновение других видов животных, но я призываю вас к другому. Посмотрите на себя! Задумайтесь о себе! О судьбе своих детей и внуков!

Вспомните. На протяжении веков наша страна и сопредельные с нами страны были символом процветания. Наши мужчины, сильные, крепкие, не боялись никакой работы, были готовы в любую минуту идти в бой, они подняли эту страну, они отстроили эти города, эти соборы, эти мосты. Они создали эту божественную музыку, которая по сей день является единственным, что объединяет нашу нацию в общей слезе восторга, написали тексты, которые, если бы нынешнее поколение удосужилось их прочитать, ответили им на большинство вопросов, которые они ставят, но на которые не способны ответить. Они проникли в глубины мироздания, они вскрыли законы природы, они создали новые устройства, аппараты, станки, облегчившие повседневный тяжелый физический труд, они создали нашу могучую промышленность, давшую товары всему миру. Где эти мужчины?! Вы, вы, вы превратились в нацию болтунов, не желающую и не могущую заниматься нормальным трудом, вы – нация болтунов, предпочитающая копание в юридических или психиатрических казусах реальной работе на земле, возведению зданий, которое прославит вас в веках, созданию

новых машин, всему, где надо приложить свои руки. Изнеженные, надушенные, в кокетливых паричках, чуть ли не с подведенными глазами, вы даже женщину не можете трахнуть в свое и ее удовольствие, да простит меня высокое собрание за это выражение!

А наши женщины? Где они, широкобедрые, крепкие, работающие, рожавшие между делом по десятку детей, державшими дом и семью? Эти, нынешние, вешалки с длинными ногами, которые вдруг возомнили себя равными мужчинам, что, впрочем, и немудрено с такими мужчинами, ринулись в бизнес, в общественную деятельность, стали самостоятельно утверждать свое положение, свой статус. Они забыли о главном предназначении женщины – рожать и воспитывать детей. Они предпочитают общение с себе подобными и на исходе жизненных сил производят на свет каких-то полудохляков, которые, благодаря достижением современной медицины, несут дурную кровь дальше, производя себе подобных.

Раньше у нас была одна проблема – слишком много людей. Нам не хватало земли и наши мужчины отправлялись в дальние страны, на другие континенты, переплывали океаны, несли свои знания, свою веру и свое семя в новые страны. Мы создали этот мир, пусть в чем-то навязали, пусть иногда кроваво, но мы создали его! А что потом? Мы вдруг озаботились всеобщим равенством, стали защищать и опекать всех, кроме тех, кому, судя по нынешнему состоянию дел, опека действительно нужна – настоящим мужчинам и женщинам,

носителям нашей культуры, наших традиций. И таким и сяким, гомосексуалистам и матерям-одиночкам, наркоманам и цветным – всем широкая дорога. Сам грешен, признаю, сам принимал, а иногда и предлагал эти законы. Каюсь!

Мы перестали рожать детей, нам не стало хватать рабочих рук. Нет! Нам бы их хватило, если бы мы не потеряли вкус к работе. Но мы стали гордыми и заносчивыми, мы стали приглашать рабочих из-за рубежа, мы с радостью уступили им сначала грязную работу, потом тяжелую работу, потом, по мере того, как менялись наши представления о тяжести работы, вообще всякую созидательную работу. Мы принимаем законы, гарантирующие их права, они радостно их приветствуют и делают вид, что подчиняются остальным нашим законам. Я ничего не хочу сказать плохого об эмигрантах, они такие же люди, как и мы, в чем-то даже лучше. Они живут, на мой взгляд, правильно, так, как раньше жили мы, по закону Бога и Мира. Берутся за любую работу, чтобы обеспечить семью, веселятся после работы, поют свои песни, любят, рожают детей и в конце концов уезжают на свою родину.

И если придет великий мор, какая-нибудь новая болезнь, с которой наша лучшая в мире, без всякой иронии, медицина сразу не справится, то первыми вымрем мы, не они, мы, слишком разнеженные, слишком полагающиеся на патентованные пилюли, мы, продукты дурной крови. И через двадцать-тридцать лет последний потомок великих рыцарей будет рыскать по миру в поисках себе подобных, а новые хо-

зьява нашей страны будут заседать в этом зале и, умиляясь собственной добротой, будут предлагать ему комфортабельную клетку с пожизненным обеспечением где-нибудь в райском уголке нашей бывшей страны.

Я все сказал. Спасибо за внимание.

В гробовом молчании зала прошелестел вопрос.

– Что делать с Волком? Да ничего. Оставьте его в покое. Оставьте ему его свободу – это единственное, что у него осталось. Не заботьтесь о нем – он сам о себе позаботится. Не заботьтесь о нем, пока сам не попросит. А он не попросит!

* * *

После этого его все узнавали, его встречали, тем более, что время его появления с точностью до минуты передавалось вертолетами слежения. Волк уже бросил свои попытки как-то укрыться от этого навязчивого внимания или хотя бы просто порыскать по близлежащим лесам и шел напрямую, по автостраде, лишь бы побыстрее добраться до цели, до Крайнего Моря, лишь бы исполнить свою миссию.

Первая подобная встреча его удивила. Вдоль дороги стояли какие-то странные женщины, многие в облегающем черном, рядом смешные, почти все с заметными животами мужчины, в кожаных шортах, в шляпах с перьями, поднимавшие ему вслед огромные прозрачные бокалы с жидкостью цвета мочи больного волка, но вот из этой огромной тол-

пы вдруг выскочила девочка, лет пяти-шести, как и большинство окружающих женщин светленькая, с серо-голубыми глазами, но в отличие от них одетая в яркое, цветастое платье, она неожиданно подскочила к Волку и накинула ему на голову, в аккурат на уши, нечто сплетенное из цветов. Волк было тряхнул головой, чтобы скинуть это с головы, но оно не слетело, и тут до Волка дошло, что это нечто ему даже понравилось, оно пахло не теми цветами, которые росли вокруг домов этих людей, в их геометрически правильных палисадниках, оно пахло цветами, собранными в чистом поле.

– И где она нашла здесь такое поле? – подумал Волк и благодарно кивнул девочке.

Но мамаша девочки уже продиралась сквозь толпу на спасение ребенка, заранее причитая, и девочка что-то сказала Волку на непонятном пока для него языке, но по тону явно доброе, провела своей пухлой ручкой по его голове, Волк второй раз кивнул девочке, крикнул ей свое обычное приветствие: «Желая тебе всю жизнь удачной охоты!» – и умчался прочь. А девочка долго махала ему вслед рукой и лукаво улыбалась на всхлипы и охи причитающей вокруг матери.

* * *

Так он добежал до Большой Воды и долго стоял на берегу, ожидая нужного ветра. И вот этот ветер донес до него запах другой земли и он заметался, подался на холод, потом

на тепло, и побежал вдоль берега, который через два дня пути свернул опять на закат, и Волк, наконец, достиг скалистого берега, о который разбивались свинцовые мертвые волны, чем-то удивительно похожие на те, которые он видел у того, другого Крайнего Моря. Он провел там несколько дней, приюхиваясь и вглядываясь вдаль. Но вот как-то показался альбатрос и Волк, пересиливая шум волн, крикнул ему: «Есть ли там что-нибудь на закате?»

– Нет. Сколько я летал – нет.

– Это что – Крайнее Море?

– Да. Мы всегда возвращаемся на этот берег.

– Что ж, закончен мой путь, – подумал Волк, – пора возвращаться домой. Путь от моря до моря и нету пристанища мне. И навеки забудь о душе ты родной, позабудь свое горе, поищи забвенья на дне.

* * *

Он возвращался домой, возвращался другим путем, но не от надежды, от привычки – вдруг повезет. Он оттолкнулся от гор на тепле, там ему рассказали, что его племени дальше нет, также, как и у другого края земли -слишком жарко и слишком много людей, и он двинулся на восход, напрямиком домой.

Он бежал, выкрикивая свой призыв, и везде получал привычный ответ, но однажды, в преддверии гор, он окликнул

парящего в небе Орла.

– Мы с тобой одной крови, – произнес он древнее заклинание, не надеясь на понимание в этой неизвестной стране.

– А-а, великий путешественник, – проклекотал Орел, опускаясь на ближайшую скалу, – слава о тебе поднялась до небес и достигла меня.

– Я рад, что в этой стерильной стране хоть у кого-то сохранилось чувство юмора.

– Во всякой шутке есть доля шутки, – ответил орел, усмехаясь, – чего ты хочешь?

– Не видел ли ты моих братьев? – спросил Волк, больше по инерции.

– Ну почему же, видел, – буднично ответил Орел.

Волк несколько минут не мог проглотить комок в горле.

– Где? Где? – бессвязно вырывалось из пасти.

– Да ты успокойся. Это недалеко. Половину твоего дневного перехода по дороге двуногих туда, на восход, затем свернешь у большого камня, похожего на кабанью голову, к холоду и придешь к своим братьям. Там есть некоторые сложности, но ты разберешься, в крайнем случае, я помогу тебе.

– Спасибо тебе, – выдавил Волк.

– Спасибо будешь говорить после встречи, – туманно ответил Орел.

Волк добежал до большого камня, похожего на кабанью голову, часа за три и заметался, но вот нашел вроде тропинку, едва заметную, и двинулся по ней, но скоро она кончилась и он остановился, в растерянности.

– Дорогу потерял, брат, – раздался голос откуда-то сверху.

– Да, потерял, нет следа, понимаешь, – согласился Волк, глядя на молодого орла в небе.

Мой дядя просил помочь тебе.

У тебя хороший дядя, я помню его, береги его, – ответил Волк.

– Извини, я немного опоздал, не ожидал, что ты прибежишь так быстро.

– Я так давно не видел моих братьев. Я никогда не видел моих братьев. Я очень хочу увидеть моих братьев.

– Я помогу тебе.

Волк под руководством орла бежал по горной тропе.

– Это тропа не для волка, это тропа для козла, – думал он, но бежал, где-то полз на брюхе, но двигался вперед.

– Где-то здесь, под этими скалами, должен быть проход, мне о нем говорил отец, по рассказам его отца, а там, за горами – твои братья, их я видел. Но они очень осторожны. Удачи тебе.

Пещера была узкая и длинная. Если бы Волку не сказали, какой приз ждет его в конце, он никогда бы не сунулся в эту ловушку. Он ни разу не бежал, он шел, полз, продирался и, когда перед ним забрезжил свет, он не возносил хвалу Создателю, он требовал награды.

Перед ним расстилалась восхитительная долина, вытянутая с тепла на холод, вся в купах сосен и буков, а вокруг, до самых небес поднимались горы, неприступные горы, блестящие белыми маковками на фоне синего неба. Волку вспомнились пересказы Отца о родине Матери – она жила в похожей долине, но Волк почему-то сразу понял, что не здесь. То, что рассказывал Отец, говорило о дикой природе, а это место, как и все вокруг, было слишком искусственным, слишком картинным, слишком красивым, чтобы быть правдой.

Он в изумлении оглядывался вокруг, в какой-то момент ему подумалось: «Наверно так должна выглядеть Долина Смерти – весь мир, свернувшийся в лакированную, усыпанную цветами домовину», – и тут как будто бы с небес раздался голос.

– Приветствуем тебя, собрат.

Перед ним сидело несколько волков, таких родных, таких серых. Их вытянутые морды выражали внимание, их серые

глаза – благожелательность.

– Как я рад! – воскликнул Волк. – Сколько переходов, сколько лет пути я оставил позади в поисках вас. Меня с рождения уверяли, что я – Последний. Я не верил, мой отец не верил, он послал меня в мир, чтобы я нашел вас, своих братьев, и я нашел вас. Есть ли большее счастье в жизни!?

– Мы тоже рады приветствовать тебя, пришелец, – сказал самый старый волк. – Что привело тебя в нашу обитель, в которую вот уже много поколений не вторгнулся никто посторонний?

– Я – Последний, я прошел от Крайнего Моря до Крайнего Моря, я прошел этот путь в поисках вас, моих братьев, и я нашел вас.

– Мы это слышали, мы поняли тебя. Ты, судя по всему, мужественный молодой волк, если пробился к нам несмотря на все препоны. Мы тоже рады видеть тебя, нам тоже казалось, что мы последние, более того, эта мысль определяет всю нашу жизнь. Мы – хранители Закона, мы родились с этой мыслью, это наше предназначение и мы передаем его нашим потомкам.

– Склоняю голову перед вашей мудростью, – успел вставить Волк, но старейшина, не обращая на это внимания, продолжал.

– Много поколений назад, когда двуногие расширили наши тропы и сделали их жесткими, когда появились их воюющие телеги, двигавшиеся без помощи лошадей, когда в

окрестных селениях, где раньше мы всегда могли найти добычу, они возвели свои новые большие логова, куда прибывали все новые двуногие, заполонившие наши горы, когда двуногие нарушили Закон и стали убивать все живое не ради необходимой добычи, а ради удовольствия убивать, тогда, много поколений назад, мы решили уйти из этого мира, из мира, отринувшего Закон, решили уйти в гордое неприступное уединение, чтобы в мире и согласии хранить Закон.

Старый Волк говорил это нараспев, чуть подвывая, как хорошо затверженный урок, а остальные, закрыв глаза и поводя из стороны в сторону головами, в трансе внимали знакомому с детства рассказу.

– Наши Праматерь и Праотец долго рыскали по горам и долинам в поисках новой родины, но везде были двуногие и нигде не было от них спасения. И в конце концов Создатель в награду за их настойчивость указал им длинную узкую пещеру, по которой они пробирались два дня и две ночи, но это был благословенный путь, ибо в конце его им открылась долина, красивее которой нет на всем свете. По шелковистой траве прыгали тучные зайцы, по опушкам рощ небольшими стадами проносились легконогие серны, среди уходящих ввысь деревьев в величественной неподвижности застыли огромные олени с раскидистыми кустами рогов, в воздухе, прозрачном и свежем, жирные перепелки ставили на крыло свои выводки, по уступам теряющихся в небе гор пробирались мохноногие козлы. Множество ручейков кристаль-

но-чистой воды сбегало с ледников в долину, собираясь в центре в прекрасное озеро, полное нежной краснотелой рыбы. И не было им в долине соперников за добычу и могли они начать новую жизнь с мира.

Волк поначалу слушал внимательно и почтительно – у каждого рода есть своя Великая Сказка. Ведь и его отец – Одинокий Волк – долгими днями в вольере рассказывал ему предания их рода, голос его при этом становился торжественным, рокочущим и Волчок боялся пошевелиться, чтобы отец не рассердился и не прервал рассказ.

Но история этих волков была какая-то другая, может быть, слишком напыщенная и тщеславная, Волк пока не разобрался, но почтительность потихоньку испарялась и вот уже Волк по ходу рассказа стал вставлять, про себя, конечно, разные комментарии: «Как же, два дня и две ночи! А олени сюда тоже по этому лазу проползли?» – и другое в том же роде.

Волки же, казалось, не обращали на него никакого внимания и Старый Волк, выполняя ежедневный ритуал, монотонно продолжал.

– И вот пришли они в долину и возрадовались. Все было для них благодаря милости Создателя: и тучные нивы, и ласковая природа, и мир. И первым делом заделали они лаз, ведущий в долину, чтобы никто посторонний не мог нарушить их священный покой. И возвеселились они, и зачали свое первое потомство, и воспитали его в почтении к Зако-

ну, и передали им его священный свет по наследству.

Старый Волк замолк и как-то сразу сдулись другие члены синклита. Священный ритуал был закончен.

– Сейчас, о пришелец, ты можешь обойти наши владения, насладиться их красотой, познакомиться с младшими представителями нашего племени, а вечером, при свете луны, мы просим тебя присоединиться к нам, старейшинам племени, возможно, у нас будет к тебе интересное предложение, но я должен согласовать его с другими старейшинами. Иди с миром. Мы рады встрече с тобой.

Обескураженный, Волк отошел от старейшин, но вскоре, заинтригованный новым местом, начал рыскать по окрестностям. Ближе к центру долины он наткнулся на группу молодых волчиц, расслабленно лежавших в тени буков.

– Чего грустим, девушки? – воскликнул Волк. В другой ситуации он сказал бы: «Девушки-красавицы», – но эти на красавиц не тянули, слишком чахлые, заморенные.

– Оттого и грустим, что девушки, – откликнулась самая молодая, побойчее.

– А где кавалеры?

– Да там, у озера лежат, отдыхают.

– А-а, – понимающе протянул Волк, – после удачной охоты. Хорошее дело.

– Да какая там охота! Они вообще не охотятся. Они слова этого не знают, – раздалось со всех сторон.

– Это – как? – недоуменно спросил Волк.

– У нас охотятся только старейшины и они приносят нам добычу, – пояснила одна из волчиц, постарше.

– Я бы на их месте не рисковал охотиться, – усмехнулся Волк.

– Это почему? – удивились волчицы.

– Промахнулся и – все, – ответил Волк, – в соответствии с Законом такой волк не может быть вожаком, а если он вожак, то это уже мертвый волк. Так гласит Закон. А ведь вы, как я слышал, хранители Закона, – провокационно бросил он.

– Нет такого в Законе! Не говорили нам такого! – завопили волчицы.

– Есть, девушки, есть, – спокойно ответил Волк, – Закон – он один, просто помнят его по-разному.

Повисло долгое неловкое молчание.

Волк еще раз окинул взором волчиц. Вроде и молодые, но какие-то дряблые, без радости, без бурлящих под спудом жизненных соков, готовых излиться потомством, без той искры, которая вспыхивает, когда махнет волчица хвостом – и волки готовы глотки друг другу рвать за ее обладание.

– Может быть, вы есть хотите? – неожиданно даже для самого себя спросил Волк.

– Это мы всегда хотим, – ответила самая молодая и широко улыбнулась.

– Это мы всегда обеспечим, – в тон ей ответил Волк и размашистыми прыжками скрылся в роще.

Где-то сбоку, у озера осталась группа молодых волков, но

те даже не подняли голов в его сторону. Волк, обиженный таким невниманием, проскочил было мимо, но потом вернулся – разобраться.

– Чего скучаем, мужики! – воскликнул Волк вместо приветствия, возникнув на полянке у озера. Окинул взором молодых волков – снулые, не охотники, не бойцы.

– А, собрат, и мы приветствуем тебя, – как-то вяло отозвался один из волков, – слухи о твоём чудесном появлении достигли и нашей скромной обители.

– Я понимаю – старейшины, но хоть вы-то можете говорить нормально!? – не выдержал Волк.

– А что ненормального ты, высокочтимый собрат, нашел в наших речах? – немного удивился один из волков, другой.

– Да это так, к слову, не обращайтесь внимания. Кстати, как у вас тут с охотой, а то девушки грустят? – Волк перевел разговор на другое.

– Доля их такая девичья – грустить, – глубокомысленно ответил один из волков и все остальные согласно закивали. Ответ на вопрос об охоте увяз в долгом молчании.

– А как ты к нам попал? – прозвучал наконец давно ожидаемый Волком вопрос.

– Орел показал мне вход в пещеру, ведущую к вам, – с готовностью ответил Волк, – противный лаз, конечно, но я знал, что здесь ждете меня вы, и я быстро прошмыгнул.

– Это, наверно, тот путь, который Создатель указал Праматери и Праотцу. Нам говорили, что его давно, еще в те

времена завалили, – просто констатировали волки.

– Да вы что, ребята, ни разу не пробовали найти этот таинственный лаз? – удивился Волк.

– Сказано же, что его нет – чего искать? – последовал недоуменный ответ.

– Я бы на вашем месте обязательно поискал, – сказал Волк и тихо добавил, – и обязательно нашел бы.

– Ну и как – Там? – последовал еще один долго ожидаемый Волком вопрос, но как-то вяло, без особого интереса, так, для поддержания разговора.

– Там – прекрасно. Там – огромный мир, в котором есть все: и бескрайние леса, и поля, утекающие высокой травой за горизонт, и ласковые реки, нежно убаюкивающие после охоты, и много добычи, если хочется есть, и сильные красивые животные, с которыми можно схватиться, когда хочется испытать себя, и крепкие любвеобильные самки, всегда выходящие тебе навстречу. Где-то далеко на восход и где-то далеко на закат есть два Крайних Моря, соленых, мрачных, бесконечных, таких, которые не может перелететь ни орел, ни буревестник, но между этими Крайними Морями – огромный мир, самое главное в котором – свобода.

– Но там есть и двуногие, – тихо напомнил один из волков.

– А что двуногие? – пожал плечами Волк. – Они сами по себе – я сам по себе, они меня не трогают – я их не трогают. Они сейчас боятся меня больше, чем я их.

– Но ты ведь пришел к нам, – раздался приторно- рассу-

дочный голос.

– Да, пришел. Потому что во всем этом огромном мире нет одного, очень важного, по крайней мере, для меня – волков. Я – один, я – Последний, – грустно ответил Волк.

– Вот видишь! Значит, правы были наши Праматерь и Праотец, правы наши старейшины. Мы, затворившись в этой долине, сохранили наш род, сохранили Закон, и придет время, отсюда начнется возрождение нашего рода и распространимся мы от Крайнего Моря до Крайнего Моря!

– Звучит красиво, – думал Волк, направляясь прочь от лежбища молодых волков, – но как-то заученно, буднично. Им это вдолбили с детства, но нет веры в сердцах, нет сил на подвиг и нет порыва.

Волк пересек рощу, луг, еще одну рощу, но нигде не пронеслось и запаха добычи, ни застарелого следа, ни помета, ничего. Только раз под дерево закатился клубок ежа, но Волк посчитал ниже своего достоинства связываться с ним – возни много, да и как донести.

Волк добежал почти до самых гор, благо совсем недалеко, и тут заметил на круто поднимающемся вверх альпийском лугу небольшое стадо козлов.

– Не так плохо, – подумал он, выбрал козочку помоложе, понежнее, но уже нагулявшую вес, и вихрем налетел на стадо.

В первый и последний раз в жизни он увидел в гаснущих глазах не боль, не страх, не покорность, а недоумение – как

такое могло случиться? И остальные козлы, которые в любой другой местности уже давно рассыпались бы в разные стороны и мигом взлетели на неприступные скальные площадки, здесь стояли рядом и с таким же недоумением смотрели на Волка.

– У этих видно тоже какой-то свой специальный Закон, только для этой долины. Неправильные козлы! – раздраженно подумал Волк, схватил козочку, закинул за спину и пустился в обратный путь.

Волчицы радостно приветствовали его возвращение, но, увидев принесенную им добычу, сразу сникли.

– Угощайтесь, девушки! Надо будет – еще принесу.

– Спасибо, – тихо выдавила та, которая помоложе, побойчее, остальные же затравленно промолчали. И никто не двинулся.

– О, горе нам, – раздалось неожиданно откуда-то со стороны и на полянку гуськом вышли старейшины, – чужестранец, ты нарушил Закон! Но мы прощаем тебя, ибо ты молод и не ведаешь, что творишь. Пойдем с нами, мы просветим тебя, прольем на тебя свет Закона и обсудим другие наши дела. Брат, забери эту несчастную жертву кровожадности нашего неразумного, но высокочтимого гостя, и пройдемте на Поляну Совета.

Процессия развернулась и в том же порядке, по старшинству, удалилась, последний со скорбным видом нес в зубах козочку.

– Стариков надо уважать, девушки, – сказал Волк и, добавив, – пока они не промахнутся, – двинулся вслед за старейшинами.

Казалось, он совсем не задержался, но когда Волк достиг Поляны Совета, посреди нее белела лишь горочка костей, да и тех неловко, по-старчески разгрызенных – все, что осталось от козочки.

Мы принесли ее в жертву Праматери и Праотцу, – зачем-то пояснил старейшина, впрочем, без всякого смущения, и продолжил своим гнусавым голосом. – В начале мы хотели бы объяснить тебе суть нашей жизни, чтобы впредь, а ведь ты останешься у нас надолго, по крайней мере, мы все на это очень надеемся, так вот, чтобы впредь не случалось подобных, как бы это лучше сказать, недоразумений. Мы рассказали тебе, как наши Праматерь и Праотец нашли эту долину и что они нашли в этой долине: по шелковистой траве прыгали тучные зайцы, по опушкам рощ небольшими стадами проносились легконогие серны, среди уходящих ввысь деревьев в величественной неподвижности застыли огромные олени с раскидистыми кустами рогов, в воздухе, прозрачном и свежем, жирные перепелки ставили на крыло свои выводки, по уступам теряющихся в небе гор перебирались мохноногие козлы; множество ручейков кристально-чистой воды сбегало с ледников в долину, собираясь в центре в прекрасное озеро, полное нежной краснотелой рыбы. Но шло время, наше племя разрослось, нам надо было все больше

еды и вот уже дети детей наших Праматери и Праотца практически уничтожили всю добычу в долине и тогда наш великий предок, которого мы чтим не менее наших Праматери и Праотца, развил Закон и установил Великий Мир. Отныне мы не могли свободно охотиться и отнимать жизнь у любой добычи просто потому, что нам хотелось есть, мы могли лишь собирать согласованную с остальным животным миром дань, минимально необходимую дань. Но при этом и на себя мы наложили тяжелые обязательства: наши волчицы не могли рожать больше одного раза в жизни и из каждого помета по прошествии трех месяцев мы оставляли только трех волчат, самых сильных, самых развитых, самых умных, лучше всех понимавших Закон. Так мы достигли взаимопонимания с природой, так был установлен Великий Мир. Только мы, старейшины, имеем право в определенный момент сходить к нашим братьям, козлам, и потребовать у них законную дань, и они отдают ее нам, пусть старыми, жесткими и жилистыми козлами, но отдают! Все остальные члены Стаи получают пищу из наших лап. И они счастливы!. Да, они счастливы! У них есть все, что нужно для жизни, все, что нужно для продолжения жизни!

– Как я понял, у вас возникли проблемы, – мягко напомнил Волк.

– Да! – кивнул головой старейшина, нехотя. – В последние годы наши волчицы не могут зачать, а если и зачинают, то потомство долго не живет. Они умирают не от болезней,

не от битвы, они умирают просто так. Сегодня он бежит перед тобой, кувыркается с братьями и сестрами, а завтра, глядишь, загрузит и сгорит в три дня.

– Стае нужна свежая кровь, так гласит Закон, – сказал им Волк.

– Не надо нам толковать Закон. Мы – хранители Закона! – начал было гневливую проповедь старейшина, но осекся и, смягчившись, проговорил. – Не будем спорить, ведь мы пригласили тебе не за этим. В твоих словах есть доля правды. Стае действительно нужна свежая кровь и ее нам дашь ты. Оставайся, покрой всех наших волчиц, а потом уходи, продолжай свои великие странствия.

Если бы старейшина просто предложил Волку остаться в их Стае, если бы не позволил себе легкого налета иронии в словах о великих странствиях, Волк, скорее всего, согласился бы, остался, надолго или нет – это другой вопрос, но остался бы, покрыл всех волчиц и встряхнул это болото. Но после таких слов старейшины кровь бросилась ему в голову.

– Остаться, чтобы еще на два-три поколения продлить агонию вашего рода?! Чтобы продлить это недостойное, противное всем законам Создателя и Мира существование! Нет, увольте. Подышайте сами, без меня.

Привлеченные громким голосом Волка к Поляне Совета прибрели остальные члены Стаи и тихо расселись кружком, чуть поодаль от Волка и старейшин, и теперь Волк говорил, обращаясь ко всей Стае.

– Ваши Праматерь и Праотец были просто парой трусливых глупых волков. Они первыми нарушили Закон, забившись в этот угол, они первыми предали наше племя, променяв свободу на эту красивую клетку. Вместо того, чтобы грудью встретить все напасти этого мира, сражаться с ним в открытом бою, отстаивая свое исконное право на жизнь, на свою территорию, они, поджав хвосты, отползли в сторону, вознося хвалу Создателю, что на найденном ими клочке земли у них нет соперников за добычу.

Вам они передали свою дурную трусливую кровь, вам они передали приглашенный, подогнанный под жизнь в клетке Закон. И вы достойно продолжили их дело, судорожно цепляясь за призрачное существование, не помышляя о бунте, о свободе. И за это Создатель покарает вас, покарает забвением и смертью, не славной смертью в бою, а позорной смертью в собственных старческих нечистотах.

Я ухажу. Быть может, мне удастся еще найти на этой земле волков, моих братьев. Здесь их я не вижу.

– Нет, ты не уйдешь, – злобно прошипел старейшина и крикнул, обращаясь к молодым волкам, – убейте его, если он уйдет, он разнесет весть о нас по всей земле, и придут сюда двуногие, и уничтожат нас.

– Сидеть! – грозно рыкнул в ответ Волк и вскочившие было молодые волки покорно прижались к земле. – Я этим заморышам одной лапой хребты могу переломать, но я чту Закон. Закон говорит, что волк может убить волка только в

двух случаях – в бою за лидерство и в бою за волчицу, но только в честном бою, один на один, грудь в грудь. И вы, кичащиеся тем, что вы – хранители Закона, должны это знать. А что касается того, что я разнесу весть о вас, тут я вас успокою. По всей земле разносится весть о героях, нельзя разносить весть о том, чего нет. Вас – нет.

– Я ухожу. Эй, красавицы, кто со мной? Я покажу вам мир, я дам вам потомство, я дам вам свободу!

Но волчицы съежились и как-то задом, неловко, отползли в сторону.

– Эх, вы... – протянул Волк, развернулся и побежал к лазу.

Всю дорогу по пещере его сопровождал мерный перестук мелких камешков и комочков земли – волки засыпали лаз.

Эпилог

Он вернулся домой и в безумной надежде обежал границы своей Территории – вдруг инстинкт приведет сюда тех, четырех, молодых. Но никто не встречал их.

И умерла надежда.

Тоска.

Одиночество.

* * *

– Господи! Я распростерт пред тобой, наг и сир. И нет гордыни в сердце моем. Я живу в мире со всей природой, но нет мира в душе моей.

Я всю жизнь старался следовать твоему Закону, твоим предначертаниям, по крайней мере так, как я их понимал. Я вырвал свободу, отринув сытую спокойную жизнь, но эта свобода излилась в одиночество, которое я не знал бы, не мог бы знать, не мог бы понять там, в клетке. Я щедро разбрасывал свое семя, надеясь, что по одним тебе ведомым законам воскреснет мое племя. Но не дано мне было увидеть результат трудов моих чресел. Да и может ли быть простое продолжение жизни предначертанием? Я убивал предателей нашего рода, но понял, что не виноваты они и среди них

есть храбрые, достойные сердца. Да и может ли быть убийство предназначением? Я мстил двуногим, уничтожившим мое племя, я даже убивал их, но они в большинстве своем любили и защищали меня и не смели поднять на меня руку. Да и может ли быть месть предназначением? Я прошел от Крайнего Моря до Крайнего Моря в поисках своих братьев и не нашел их. Может ли быть вечный поиск без результата предназначением? Предназначением для Последнего.

Ты не дал мне награды, ты не дал мне знака, что я угодил, что я угадал. Я растерян, я потерян, я на распутье, где все дороги ведут в никуда.

За что ты бросил меня в этот мир, мир, созданный Тобой, с сознанием, что я – Последний. За что обрек ты меня такой доле, ты, который лучше всех понимаешь, что такое одиночество, одиночество в бесконечности пространств и лет.

Ты отнял у меня семью, ты отнял у меня сына, свет очей моих, ты подарил мне надежду, приведя к братьям, и тут же отнял, ибо не братья они, а выродки нашего племени. За что ты так наказываешь меня? Чем я провинился перед тобой?

Эта ноша слишком тяжела для меня. Я слаб духом и немощен умом. Мне не удалось, мне не дано было проникнуть в твои замыслы. Я не понял своего предназначения, твоего предназначения мне. Прости меня, Господи! Я оказался недостоин твоей милости. Но не карай! За что, Господи?

Солнце моей жизни перевалило полдень и клонится к закату, но я полон сил и готов выполнить все, что ты мне ука-

жешь. Но, Господи, что мне делать, куда направить свой бег?
Господи, дай мне знак!